АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1976—1977 гг.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ЕРЕВАН—1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1976—1977 гг.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Рин 92

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН
1978

Ответственные редакторы:

В. Н. БАСИЛОВ, Д. С. ВАРДУМЯН

ՀԱՄԱՄԻՈՒԹԵՆԱԿԱՆ ՆՍՏԱՇՐՋԱՆ, ՆՎԻՐՎԱԾ 1976—1977 ԹԹ. ԱՋԳԱԳՐԱԿԱՆ ԵՎ ՄԱՐԴԱԲԱՆԱԿԱՆ ԴԱՇՏԱՅԻՆ ՀԵՏԱՋՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՆՐԱԳՈՒՄԱՐԻՆ

ԶԵԿՈՒՅՈՒՄՆԵՐԻ ԹԵԶԻՍՆԵՐԸ

Երևան 1978

Ապրիլի 19—22

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ—1978

© Издательство АН Армянской ССР. 1978

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

И.С.Гурвич, Р.Ф.Итс
Ж.Б.Логашова
(Москва)

КОНСТИТУЦИЯ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

I. Анализ общественных отношений в нашей стране, проведенный ЦК КПСС, показал, что за последние четыре десятилетия глубокие изменения произошли в социальной структуре советского общества. В Советском Союзе социалистическая собственность на средства производства составляет основу его экономической системы. Развиваются процессы усиления социальной однородности общества при ведущей роли рабочего класса, стираются существенные различия между умственным и физическим трудом, между жизнью города и деревни.

В Новой Конституции Союза Советских Социалистических республик, принятой Чрезвычайной Сессией Верховного Совета СССР 4 октября 1977 г. в канун 60-летия Великой Октябрьской Социалистической революции, нашли отражение глубочайшие изменения в жизни нашей страны за последние четыре десятилетия.

Появление этого величественного документа – Основного Закона развитого социалистического общества обогащает сокровищницу опыта мирового социализма, проливает новый свет на дальнейшее развитие Страны Советов. В этих условиях неизмеримо возрастает роль общественных наук, призванных всесторонне исследовать основные проблемы в жизни советского общества. Большие задачи стоят перед советской этнографической наукой, занимающейся исследованием жизни этносов на всех этапах их развития.

2. Советская этнографическая наука призвана прежде всего глубоко исследовать этнические аспекты современных национальных процессов в СССР, особенно закономерности межэтнической интеграции, дальнейшего развития новой истори-

ческой общности - советского народа. В свете развития конституционного опыта СССР особый интерес представляет проблема периодизации этносоциальных процессов в СССР. Необходимо также дальнейшее изучение национальных отношений, выявление факторов, способствующих укреплению дружественных межнациональных связей в конкретных этнических и социальных средах, ведущих к преодолению остатков национальных предубеждений. Эти направления исследований будут способствовать дальнейшему укреплению интернационализма, утверждению общесоветских традиций дружбы и братства многонационального общества строителей коммунизма. Закрепленные в статьях 34 и 36 равенство граждан перед законом и равенство прав граждан, независимо от расы, национальности, пола, отношения к религии, будут способствовать дальнейшему позитивному развитию этих этнических и этносоциальных процессов.

3. Исследование новой исторической общности - советского народа - неразрывно связано с изучением советского образа жизни. В связи с этим одну из задач советских этнографов составляет исследование культурно-бытовых аспектов социальных отношений - проблем, связанных с совершенствованием социалистического быта, семейных отношений (особенно в отстававших в прошлом национальных районах нашей страны), рационального использования досуга, насыщения его полезной деятельностью (в том числе национальным художественным творчеством).

4. Важной задачей советских этнографов, как и специалистов других общественных наук, является исследование процессов формирования общесоветской культуры. В Конституции СССР 1977 г. советской культуре уделено значительное внимание. В связи с этим необходимо сосредоточить внимание этнографов на изучении этнокультурных аспектов современной духовной культуры всех народов. Это направление исследований в настоящее время менее развито, чем изучение материальной культуры. Между тем общепризнано, что в условиях непрерывного роста всесторонних контактов и про-

цесса сближения народов именно в сфере духовной жизни наиболее ярко проявляются черты этнической специфики. В этой области наиболее плодотворно этнографическое изучение таких актуальных вопросов, как роль традиций и инноваций в современном образе жизни народов нашей страны.

5. В свете Новой Конституции СССР огромное значение имеют и исследования в области этнодемографии. Статья 35 Конституции говорит о правовой защите, материальной и моральной поддержке материнства и детства. Разработка этнодемографических проблем важна для решения многих сложных вопросов развития нашего общества. Это необходимо и для становления перспективных планов социально-экономического развития нашей страны.

6. Дальнейшее развертывание этнографических исследований необходимо в свете тех статей Конституции, в которых говорится об охране и приумножении культурных ценностей общества, о сохранении исторических памятников и других культурных достижений. Это определяет дальнейшее развитие работы этнографов по собиранию и исследованию памятников многовековой культуры и искусства народов СССР и по сохранению их богатого культурного наследия. Деятельность этнографических и историко-краеведческих музеев нашей страны обеспечивает сохранность этих культурных ценностей и их использование в интересах повышения культурного уровня советских людей, воспитания их в духе интернационализма. Очень важна работа этнографов по пропаганде знаний о народах СССР и о народах мира, воспитывающая чувство глубокого уважения к культуре и истории всех наций и народностей. Вместе с тем необходимо на материалах научных исследований разоблачать мнимые свободы и "равенство" наций при капитализме, выступать против различных проявлений национализма и расизма.

7. Особая глава Новой Конституции СССР закрепляет и подтверждает миролюбивую внешнюю политику советского государства, стремление его утвердить безопасность народов, содействовать созданию международных условий, способствующих социальному прогрессу, утверждению социализма и

коммунизма. В связи с этим очень важным является этнографическое исследование национальных и этнических процессов в зарубежных странах.

Большое значение имеет изучение этнодемографических и этносоциальных изменений, происходящих как в странах социалистического лагеря, так и в странах капиталистического мира, и в молодых развивающихся государствах.

Конституция развитого социализма, являющаяся крупным вкладом в дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории и практики, несомненно будет способствовать активизации исследований в области социальных и национальных процессов, происходящих в советском обществе.

К.В.Мелик-Пашаян
(Ереван)

РАЗВИТИЕ АРМЯНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ (К 150-летию присоединения Восточной Армении к России)

I. В 1828 г. завершилось присоединение Восточной Армении к России, что имело огромное прогрессивное значение и в значительной степени способствовало развитию хозяйственной жизни, просвещения, общественной и политической мысли.

2. Присоединение Восточной Армении к России значительно повысило интерес передовой русской общественности к истории и культуре армянского народа.

3. В истории армянской этнографии особое место занимает великий просветитель-демократ Х.Абовян. Его перу принадлежат специальные этнографические исследования по армянам и курдам, написанные на высоком для того времени уровне. По его примеру многие писатели и поэты в своих произведениях в большой степени стали использовать этнографические материалы.

4. К 1870-1880 гг. относится деятельность одного из пионеров армянской этнографии Гарегина Срвандзтянца. Его многочисленные сборники ("Троц ев броц", "Хноц ев нороц", "Манана" и др.) вошли в золотой фонд армянской этнографии.

В эти же годы были опубликованы и первые вопросники-программы, написанные Г.Срвандзтянцом и Г.Халатянцом, сыгравшие важную роль в сборе этнографических и фольклорных материалов.

5. Велики заслуги Е.Лалаяна в деле создания армянской этнографической науки и организации этнографических работ. По его инициативе и самом активном участии были основаны этнографические учреждения и издания. Е.Лалаян первым поставил на научные основы дело сбора этнографических и фольклорных материалов. Он стал основоположником армянской этнографической науки.

6. Значительную роль в истории армянской этнографии сыграли Г.Халатянц, Ст.Лисицян, Х.Самвелян. Особенно широко развертывается их деятельность после установления Советской власти в Армении.

7. В 1920-ых - начале 1950-ых гг. центром этнографических исследований в Армении был Гос. музей истории Армении, где велись большие работы по сбору ценных этнографических коллекций и организации музейных экспозиций, систематически организовывались полевые экспедиционные работы.

8. В 1953 г. в Институте истории АН Арм.ССР создается этнографическая группа. Отдельными монографиями выходят труды по новому быту, армянской семейной общине, орнаментальному искусству, публикуются многочисленные статьи по орудиям и технике земледелия, скотоводству, ремеслам, общественно-семейному быту, верованиям. Еще большему развитию этнографических исследований способствовала организация в системе Академии наук республики в 1959 г. Института археологии и этнографии.

С 1976 г. в Институте создана группа этно-социологии, которая уже приступила к исследованиям. Этнографы республики тесно сотрудничают с этнографами Москвы, Ленинграда и многих союзных республик, главным образом Грузии и Азербайджана.

Ю.В.Арутюнян
(Москва)

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ

Между общественными науками в исследовании образа жизни обозначается как бы определенное разделение труда. Философия и научный коммунизм обращают внимание на исследование принципов социалистического образа жизни, различия во многих случаях понятий социалистического образа жизни и образа жизни при социализме. Что касается социологии, то в центре внимания этого научного направления должны быть конкретные проявления образа жизни во всем их социальном многообразии. Этносоциология учитывает к тому же и национальные особенности, имея задачу определения взаимодействия и взаимозависимости интернациональных и национальных черт.

Каковы общие признаки образа жизни и в какой мере выражены конкретно в тех или иных этнических общностях? В чем и с какой интенсивностью проявляется в них национальная специфика? В каком соотношении находятся социальные и национальные параметры образа жизни?

Эти вопросы и находятся в центре внимания этносоциологии, активно развивающейся в последние годы. На протяжении нескольких лет Институтом этнографии АН СССР осуществляется исследование "Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций". Оно прошло два этапа. На первом - в центре внимания были социально-культурные процессы в Татарской АССР, по материалам которой исследовались характерные для страны в целом показатели экономического, социального и культурного развития народов и в то же время взаимодействие довольно отличных друг от друга в прошлом национальных культур - русской и татарской. Эта работа дала возможность не только конкретного анализа реальных социально-культурных процессов, но и разработки методики для более всестороннего исследования.

В 1971-75 гг. осуществлен новый этап исследования. В ряде республик Советского Союза, представляющих основные

этнические регионы страны,- Молдавии, Грузии, Эстонии, РСФСР, Узбекистане, - проведены опросы, представительные для городского и сельского населения, с учетом их национального состава. В программе как и прежде уделяется внимание изучению социально-этнической структуры советского народа, типичных общесоюзных черт и особенностей культуры наций, их быту, семейным отношениям, социальной психологии и межнациональным отношениям. Все эти вопросы рассматриваются не сами по себе, а в их взаимной связи, что открывает возможность охарактеризовать советский образ жизни, раскрыв социально-этнический диапазон его особенностей.

Исследование подтверждает, что этническое своеобразие сохраняется и проявляется с возрастающей интенсивностью от трудовой сферы образа жизни к культурной деятельности и наиболее полно выражается в сфере быта, особенно семейного. Преодоление патриархальных черт в этой сфере является симптомом быстрых социальных изменений и всесторонней интернационализации образа жизни. В то же время процессы интернационализации в семейно-бытовой сфере могут облегчаться и ускоряться исторической общностью культурных традиций.

Растущее культурное сходство народов сочетается с их внутренней национальной консолидацией и интенсивностью национальных чувств. В зависимости от этапа культурного развития действуют различные механизмы, способствующие сохранению и упрочению национальной солидарности. Научно-техническая революция имеет как бы двоякий смысл для культурного развития нации. С одной стороны, она усиливает сходство между ними, способствует их выравниванию, взаимопониманию; с другой стороны, в частности, благодаря развитию средств массовой коммуникации, - стимулирует развитие национальной культуры и национального самосознания.

К.В.Чистов
(Ленинград)

ТЕОРЕТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

I. Широкое введение в научный оборот термина "образ жизни" позволяет этнографам завершить переход к системному изучению жизнедеятельности социальных и этнических общностей. Духовная культура должна рассматриваться как подсистема, играющая специфическую роль в развитии и функционировании всей системы в целом.

2. Изучение современной духовной культуры усложняется: а) сложностью сети информационных связей, которая характерна для современных этносов, что обусловливает их повышенную проницаемость для межэтнических связей и взаимодействий; б) видимым преобладанием "потребления" над "производством", пассивности над активностью в бытовой сфере современной культуры.

Следует обсудить вопрос о трактовке термина "потребление культуры" при изучении явлений духовной культуры, поскольку он может быть понят в его узком смысле, т.е. лишь как пассивный процесс, в то время как в потреблении культуры велика роль активного, творческого начала.

3. Профессиональный слой духовной культуры является сферой весьма интенсивного выражения этнического сознания и вместе с тем межэтнического обмена; она - важнейший фактор, способствующий консолидации этноса и интеграции локальных форм его культуры.

4. В многообразии духовной культуры выделяется обширная группа форм, связанных с языком. Язык - один из наиболее устойчивых этнических признаков, наименее жестко детерминированных социально-экономическими факторами. Вместе с тем именно язык обеспечивает не только адекватную передачу иноэтнических явлений, но и создание параллельных и эквивалентных национальных форм (например, художественное творчество).

5. Выделяется также группа форм художественной куль-

туры. Переводы художественной литературы, фольклора, телеспектаклей и т.д. сопровождаются потерями и вместе с тем компенсаторной деятельностью переводчиков.

6. Для стран полиэтнических особенную роль играет "культурное двуязычие" - обслуживание духовной культуры по крайней мере двумя языками. Оно способно стать одним из основных механизмов межэтнических контактов.

7. Одной из основных задач этнографов социалистических стран должно быть изучение особенностей современного развития духовной культуры в социалистических условиях, создание этнических аспектов общей теории духовной культуры и сравнительное изучение этнокультурных ситуаций по сравнимой программе. Социалистический образ жизни должен изучаться как реально функционирующая система.

Ю.В.Бромлей
(Москва)

ИЕРАРХИЯ МАКРОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Культурные общности, как и любые явления объективной реальности, имеют определенные структурные, пространственные и временные параметры. Различные конкретные свойства каждого (или сразу нескольких) из этих параметров могут играть роль системообразующих факторов для отдельных видов культурных общностей. В качестве таких факторов могут выступать также и экстракультурные явления, прежде всего резличные социальные образования: классы, профессиональные группы, социальные организмы (общества - государства) и т.п. В частности, по мнению докладчика, одну из основных ячеек культурного развития человечества представляют этносоциальные организмы (ЭСО), в которых содержание культуры детерминируется принадлежностью к определенному социальному организму, а её форма - к конкретному этносу. В целом же указанные системообразующие факторы позволяют выделить огромное число различных по своим масштабам культурных общностей, образующих свое-

образную иерархическую структуру.

В этой иерархии среди макрокультурных общностей обычно особо выделяются так называемые историко-этнографические области, имеющие, как правило, иерархическую структуру (М.Г.Левин, Н.Н.Чебоксаров). В таких общностях системообразующая роль может принадлежать самым различным компонентам традиционной культуры; их возникновение - обычно результат длительных контактов соседних народов в пределах определенного географического региона. Соответственно историко-этнографические общности могут рассматриваться как традиционно-культурные ареалы. В качестве конкретной формы их существования выступают социальные организмы. В этом смысле каждый традиционно-культурный ареал - совокупность смежных социальных организмов. В "структурном" плане соотношение таких ареалов и входящих в них социальных организмов (или одного организма) во многом напоминает модус этносоциальных организмов. Во "внешнем облике" таких социальных организмов в той или иной степени проявляются характерные черты традиционной культуры, типичные для данного ареала (они как бы дополняют в каждом ЭСО этноспецифические особенности традиционной культуры). Однако определяющее значение (по тем же причинам, что и для ЭСО) для стадиальной характеристики того социокультурного комплекса, который образует совокупность смежных социальных организмов (или один организм), входящих в данный традиционно-культурный ареал, имеет формационная принадлежность этих организмов (организма). А это значит, что все однотипные социальные организмы, принадлежащие к одному традиционно-культурному ареалу, представляют определенное социокультурное единство (социокультурный регион). Соответственно в пределах одного традиционно-культурного ареала могут быть выделены отдельные социокультурные регионы, принадлежащие к разным формационным типам (например, в пределах центральноазиатского традиционно-культурного ареала в настоящее время имеются социалистический и капиталистический социокультурные регионы). В свою очередь и традиционно-

культурные ареалы могут оказывать определенное воздействие на формирование комплексов однотипных социальных организмов. Ведь, как известно, от традиционно-культурной среды немало зависят специфические особенности конкретного проявления в том или ином социальном организме общих закономерностей социокультурного развития. При этом в силу иерархичности традиционно-культурных ареалов под их влиянием складываются социокультурные регионы различных таксономических уровней.

Эта иерархия социокультурных регионов в той или иной мере простирается на всю ойкумену и на все эпохи существования человечества. Хотя отдельные составляющие такой иерархической системы отличаются устойчивостью, традиционностью, однако в целом данная система весьма динамична, ибо основу её образуют социальные организмы, развитие которых детерминируется формационными факторами.

Особое место в докладе отводится рассмотрению вопроса о соотношении социокультурных регионов и "цивилизаций". При этом отмечается возможность интерпретации цивилизаций как социокультурных общностей разного таксономического уровня, т.е. определенной иерархической структуры, по-разному проявляющей себя на отдельных этапах всемирно-исторического процесса.

Д.А.Ольдерогге
(Ленинград)

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АФРИКИ

I. Происходящие в наши дни изменения в этнической жизни народов Африки, привлекают к себе большое внимание и требуют изучения причин их вызывающих. Идет процесс консолидации новых этнических общностей наций, народностей, который в большинстве случаев еще не завершен. Образование новых государств проходило на африканском материке, особенно к югу от Сахары, не по национальному признаку, как, например, во многих странах Европы, но в

границах бывших колоний.

2. Нельзя представлять себе все изменения в общественном строе народов Африки упрощенно, только как результат столкновения старой или, как её обычно называют, традиционной культуры с новыми порядками европейско-американской индустриальной культуры, хотя подобное мнение широко распространено в зарубежной научной литературе. При таком подходе игнорируются те глубокие изменения, которые были вызваны к жизни в течение почти столетнего господства в Африке колониального режима.

3. В конце XIX в. процесс самостоятельного развития народов Африки был насильственно прерван колонизаторами. Складывавшиеся этнические, политические, а в известной степени и экономические связи, обрывались, а в колониях устанавливались нормы и порядки, выгодные метрополиям. Местное население было поставлено в положение бесправной массы, управляемой колониальными властями, не считавшимися с традиционными основами доколониального общества.

4. Представления об общественном строе народов Африки в XIX в. ко времени её колонизации были чрезвычайно смутными. Общественный строй этих народов представлялся весьма упрощенно и в нем видели материал для восстановления быта далекого прошлого наших предков.

5. Появившееся после окончания первой мировой войны функциональное направление в этнографии развивалось преимущественно на основе изучения народов Африки и использовалось с целью облегчить управление колониями, где в то время происходили изменения прежних общественных отношений в рамках колониального общества.

6. В настоящее время становится все яснее, насколько сложен и разнообразен был строй так называемых первобытных народов. Понемногу выясняются взаимоотношения родовых структур с общинными и становится очевидным, что все категории структуры "первобытного общества" на протяжении веков изменялись, происходил постоянный процесс распадения одних племен и создания новых, причем все эти этнические процессы были обусловлены социальным развитием общества.

С.А.Арутюнов
(Москва),
Ю.И.Мкртумян
(Ереван)

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ
(на материалах армянской системы питания)

I. Любое этнографическое исследование не может обойтись без хотя бы эмпирической классификации, и в отдельных отраслях этнографической науки разработано немало удачных, глубоко научно обоснованных и детально разработанных типологических классификаций. Все же в современной науке отсутствуют общепринятые принципы типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов различных таксономических уровней, что на практике приводит к доминированию "автономных" частных классификаций, охватывающих лишь ограниченный класс явления (скажем, одежда, поселение, жилище и т.д.), и то в рамках тех или иных регионов, в отрыве от типологических классификаций самого высокого уровня обобщения.

2. При типологической классификации культурных явлений, тем более связанных в основном с производственными и жизнеобеспечивающими подсистемами культуры (какова и есть система питания), следует рассматривать их как составные элементы более сложного комплекса, а именно хозяйственно-культурного типа (ХКТ). Построение типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов, как в рамках конвергентных, так и родственных ХКТ должно учитывать и структурные, и генетические параметры. Попытку такой типологизации мы предприняли на примере системы питания.

3. В питании человека как биологического вида, уже в силу особенностей его биохимической организации, необходимо должны присутствовать два компонента - животный и растительный. На уровне присваивающего хозяйства источниками этих компонентов были охота и собирательство, а на уровне производящего хозяйства эта роль в основном перешла к земледелию и живот-

новодству, но деление пищи на растительную и животную оставалось и остается у всех этнических общностей самым главным водоразделом в вопросах классификации пищи, несмотря на наличие в пище многих продуктов и блюд смешанного характера.

4. Мы не ставим здесь целью дать всеобъемлющую и полную классификацию форм и компонентов питания у народов мира (что является задачей будущего), здесь мы ставим задачу последовательной классификационной дихотомизации, выделяя все более и более низкие таксоны, лишь по той линии, которая, в конечном счете, подведет нас к этнически специфическим особенностям питания армянского народа.

5. В качестве первого этапа такой дихотомизации мы выделяем два основных типа, критериями различения которых является способ получения растительного компонента основной массы питания - через собирательство или земледелие. Что касается мясной пищи, то способ ее получения через охоту или животноводство не влияет, как правило, существенно ни на качественный состав получаемого мяса, ни даже сколько-нибудь закономерно на удельный вес его в общей системе питания. Напротив, при переходе к получению растительной пищи путем земледелия, существенно изменяются именно качественные показатели этой пищи.

6. В рамках растительного типа можно выделить два подтипа, по характеру культурных растений, являвшихся основным источником крахмала в пище. Решающим здесь является зерновые ли это растения, или незерновые. У армян сложился ХКТ, основанный на возделывании зерновых культур в непременном сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота.

7. В рамках зернового подтипа можно опять-таки выделить два класса систем питания, в зависимости от характера основного источника мясной пищи. Во всех ХКТ, основанных на зерновом хозяйстве, либо широко употребляется в пищу мясо домашнего скота, либо основных источником животного белка становится рыбоводство. В рамкам же зерново-скотоводческого класса систем питания выделяются подклассы с употреблением в пищу молока и молочных продуктов и без такового. Наконец, видовое деление систем питания, уже в рамках зерново-мясо-

молочного подкласса зависит главным образом от уровня и направления развития молочного хозяйства, от разнообразия и сложности применяемых в нем ферментационных процессов.

8. Анализируя армянскую систему питания, мы можем выделить в ней три наиболее существенных пласта: основной пласт это тот, который связан с ведущим ХКТ и непосредственно укладывается в вышеуказанный зерново-мясо-молочный комплекс. Второй пласт - это пласт субстратного характера, связанный с пережитками ХКТ, основанного на собирательстве, охоте и рыболовстве. Третий пласт носит адстратно-суперстратный характер и является отражением формирования историко-этнографических областей (ИЭО) на Кавказе и во всей Передней Азии, развития межэтнических контактов и культурных заимствований, последующего усложнения, развития и обогащения структуры и спектра производящего хозяйства.

9. Вышесказанное дает основную схему классификации продуктов и блюд в армянской системе питания. Однако выяснение социального функционирования их требует еще и классификации трапез. Последние делятся по распорядку (утренние, дневные, вечерние), по ситуации (домашние, полевые, общественные), по престижности и осмыслению (повседневные, праздничные, ритуальные). Параметрами каждой трапезы является набор её участников, характеристика лица, которое готовит эту трапезу, ее материальный состав. Сопоставление этих параметров и позволит выявить социально-знаковую и материально-потребительскую роль различных компонентов в этнически специфической системе питания.

Ю.В.Кнорозов
(Ленинград)

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НАДПИСЯХ ДРЕВНИХ МАЙЯ

I. Письменность древних майя в результате публикации Майклом Д.Ко (США) двух альбомов надписей на керамике и новой рукописью сейчас стала известна значительно лучше, чем раньше.

2. Особый интерес представляют надписи на керамике

из погребений, содержащие старинную заупокойную формулу, относящуюся к началу н.э., и повторявшуюся до IX в. В ней говорится о нисхождении духа умершего в преисподнюю и его пребывании там до перевоплощения.

3. На погребальных сосудах часто встречаются надписи и изображения, связанные с божеством преисподней, дающие совершенно новые сведения.

4. На сосудах имеются также надписи и сцены, связанные с жизнью умершего: изображения военных столкновений, захвата пленных, жертвоприношений. В ряде "дворцовых сцен" изображен правитель на троне во время различных церемоний, принимающий дань и т.д. Красочные изображения сопровождаются выразительными надписями. Исследователь получает новые возможности увидеть жизнь древних майя.

Д.С.Вардумян
(Ереван)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ КАВКАЗА

I. Понятие "хозяйственно-культурный тип" (ХКТ) - способ сравнительно-исторической и типологической классификации явлений культуры. В имеющейся литературе определены основные ХКТ эйкумены, а также, в большей или меньшей мере, исследованы отдельные комплексы ХКТ ряда историко-этнографических областей (ИЭО) земного шара. Дальнейшая разработка и исследование ХКТ на фоне тех или иных ИЭО представляется весьма целесообразной, так как своеобразие культурных явлений находит объяснение именно в этих двух параметрах рассмотрения.

2. С этой точки зрения, исследование ХКТ Кавказа, весьма своеобразной ИЭО, дает возможность такого комплексного подхода к изучению культурных явлений. На Кавказе сформировались и функционировали целый ряд ХКТ, наиболее развитые из которых дошли до наших дней, сохранив в себе элементы и явления предыдущих ХКТ.

3. ХКТ Кавказа, существовавшие во второй половине XIX-начале XXв., по их месту и значимости можно разделить на две группы:
а) ХКТ, определявшие доминантные компоненты в культуре целых этносов или их субэтнических или локальных подразделений (группа А);
б) ХКТ, существовавшие в пережиточной форме, служившие допол-

нением к основным и определявшие компоненты, потерявшие свои доминантные функции в новых условиях (группа Б).

4. В группу а входят: ХКТ плужных земледельцев долинных и предгорных районов умеренной и субтропической зон Кавказа, в сочетании со стойлово-пастбищным скотоводством, представленный здесь в различных вариантах; ХКТ полуоседлых-полукочевых скотоводов степных и ряда предгорных районов Кавказа, в сочетании с теми или иными отраслями земледелия, и ХКТ кочевых скотоводов степных районов Кавказа, у которых земледелие вовсе отсутствовало.

5. В группу б входят: пережиточные формы ХКТ палочно-мотыжных земледельцев и ХКТ собирателей, охотников и рыболовов, имевших бо́льший или меньший удельный вес у различных этнических и субэтнических групп.

6. В специфике ХКТ этнических общностей Кавказа отражены как уровни социально-экономического развития, так и особенности культурно-бытового порядка, обусловленные функционированием единой ИЭО, способствовавшей тесным контактам и взаимообогащению ХКТ, приведших за годы социалистического строительства к значительному преобразованию их и сложению ХКТ более высокого уровня, но уже сравнительно более однородных, хотя и отличавшихся заметным культурным полимерфизмом.

М.А.Итина
(Москва)

Р II
Чи492

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(к 40-летию Хорезмской экспедиции)

I. В числе экспедиций, начавших в конце 1930-х годов работы в Средней Азии, была организованная и многие годы руководимая членом-корреспондентом АН СССР С.П.Толстовым Хорезмская археологическая (впоследствии археолого-этнографическая) экспедиция, продолжающая свои работы и поныне. В круг её задач входила разработка таких проблем как: древнейшее заселение и освоение человеком бассейнов Амударьи и Сырдарьи; этногенез и общественный строй древне-

го населения Средней Азии; история орошаемого земледелия.

2. Работы экспедиции велись и ведутся на основе комплексных методов с целью воссоздания этнической истории и культуры народов Хорезмского оазиса и стремлением поставить результаты научных изысканий на службу социалистического строительства.

Тщательное изучение родоплеменного состава, традиций и преданий позволило осветить многие проблемы этногенеза народов, живущих в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Изучались также типы хозяйства, общественный строй, материальная и духовная культура, семейный быт, реликты доисламских верований, семейных обычаев и обрядов.

Комплексный характер в содружестве с естественниками имеют и исследования в области изучения: древней гидрографии и связанной с ней истории расселения человека на обширных дельтовых равнинах и в прилегающих районах пустыни; истории древних ирригиционных систем; формирования комплексных типов хозяйства в дельтовых областях и характерных в том или ином случае хозяйственно-культурных типов.

Такие работы дают экспедиции возможность участвовать в прогнозировании возможностей нового освоения земель древнего орошения.

3. Экспедиционные исследования привели к созданию периодизации культур древнего Хорезма, к выявлению роли Хорезмского оазиса как одного из древних центров цивилизации.

4. Изучение истории крупной историко-этнографической области в различных аспектах и с помощью комплексных методов, рассмотрение её не изолированно, а на фоне сложных исторических процессов, протекавших в Средней Азии и на сопредельных территориях в различные исторические периоды, постановка важных этногенетических, историко-культурных и культурно-хозяйственных проблем, стремление использовать результаты научных исследований в практике народного хозяйства - вот черты, которые характеризуют деятельность Хорезмской экспедиции на протяжении прошедших

сорока лет и определяют направление её исследований в будущем.

В.Н.Басилов, Д.Д.Тумаркин
(Москва)

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ В ОКЕАНИИ В 1977 г.

I. В январе-апреле 1977 г. состоялся 18-й экспедиционный рейс научно-исследовательского судна АН СССР "Дмитрий Менделеев", в котором,наряду с учеными других специальностей, участвовал этнографический отряд в составе пяти человек. Перед отрядом стояла задача продолжить полевые исследования, проводившиеся в 1971 г. во время 6-го рейса "Дмитрия Менделеева"; предусматривался сбор материалов, характеризующих традиционные формы социальной организации, хозяйства, культуры и быта островитян Океании, а также изменения, происходящие в этих сторонах жизни океанийцев в современных условиях. Отряд работал в молодых независимых государствах Океании, причем наиболее интересные наблюдения были сделаны в Папуа Новой Гвинее (ПНГ), получившей независимость в 1975 г. Отряду удалось, в частности, снова посетить новогвинейскую деревню Бонгу, увековеченную в трудах Н.Н.Миклухо-Маклая. Собранные материалы позволяют осветить важные процессы современности.

2. Получены данные, характеризующие значительный размах миграционных процессов в ПНГ. Притягательными центрами служат города, но движение населения идет и мимо них, причем часть мигрантов оседает. Пришельцев из других мест можно встретить в самых отдаленных деревнях; одной из причин поселения за пределами родного района является брак. Миграции в ПНГ, способствующие преодолению племенной и региональной замкнутости, теснейшим образом связаны с продолжающимся распространением языка пиджин-инглиш, который уже стал языком межэтнического общения на большей части территории страны. На пиджине ведутся радиопередачи, печатаются книги и газеты.

3. Причудливое переплетение нового со старым, характерное для жизни населения ПНГ, отчетливо проявляется в социально-экономической сфере. В связи с общей программой освобождения экономики страны от засилья иностранного капитала власти ПНГ выкупают у иностранцев принадлежавшие им участки земли и передают их коренному населению с учетом старинных (общинных) норм владения. Однако частное предпринимательство, оживившееся в последние годы, разрушает общинные традиции и в деревнях усиливается имущественная и социальная дифференциация. В ПНГ идет быстрый процесс возникновения частной собственности на плодовые деревья, имеющие товарное значение, при формальном сохранении общинной собственности на землю.

4. Сочетание нового и традиционного является отличительной чертой современной бытовой культуры населения ПНГ. Из посещенных отрядом мест традиционная культура наиболее прочно удерживает свои внешние признаки на Тробрианских островах, где остался прежним облик хижин, а в ряде мест - даже одежда, изготовляемая из тех же материалов, что и раньше. Однако как правило, в деревнях ПНГ особенно заметным изменениям подверглась материальная культура, хотя многие былые черты её все еще сохраняются. В области духовной культуры также произошли значительные преобразования. Здесь сыграло свою роль распространение христианства, разрушившего прежние религии; в настоящее время все большее значение приобретают такие факторы как успехи в области просвещения, связанные с созданием в стране разветвленной сети начальных школ, а также быстрое внедрение в быт средств массовой информации (радио, печать). При этом современную культуру населения ПНГ, как и других народов Океании, нельзя понимать как простое сочетание традиционных и нетрадиционных элементов. Значительная часть культурных черт сегодняшнего дня представляет собой явление синтетическое, соединившее в одно целое сохранившиеся традиции древности и сравнительно недавние новшества.

5. Значительный интерес представило посещение полинезийского королевства Тонга - бывшего британского протекто-

рата, ставшего в 1970 г. независимым государством. Отряду удалось собрать материал об экономике тонганской деревни, в том числе о фактическом сохранении ряда феодальных повинностей, ознакомиться с материальной культурой, религией и традиционными обычаями тонганцев. На образ жизни тонганцев накладывает заметный отпечаток архаическая социальная структура, связанная с сохранением абсолютной королевской власти.

М.Г.Абдушелишвили

(Тбилиси)

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ДРЕВНЕГО И СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ

I. Наиболее древний материал с территории Армении, на котором можно проследить своеобразие антропологического типа, относится к бронзовому периоду (Шенгавит, Норбазет, Цамакаберд, Артик, Лчашен, Севан - всего 130 черепов). Несмотря на локальные особенности, весь этот материал представляет единый антропологический тип - так называемый медитеранный тип европеоидной расы, к которому также относятся синхронные палеоантропологические типы Грузии и Азербайджана.

2. Период широкого освоения производства железа в Армении представлен палеоантропологическими материалами из окрестностей оз.Севан (Баязет, Цамакаберд, Норатус, Акунк - всего 125 черепов). Эти черепа также относятся к средиземноморскому типу южноевропеоидной расы, их локальное своеобразие составляет тенденция к ослаблению долихокефалии и лептопрозопии (общее направление эпохальной трансформации южноевропеоидного комплекса).

3. Путем хронологической экстраполяции допускается наличие аналогичных форм в раннеантичном и эллинистическом периодах. Позднеантичный же период с территории Армении представлен палеоантропологическим материалом из г.Гарни (8 черепов). Тип, выявляющийся на этих черепах, до идентичности близок с прочими синхронными сериями с территории Закавказья; в виде локальной особенности отмечается некоторое повышение головного указателя, в чем можно видеть начало широко распространенного процесса брахикефализации. Полученное нами низкое значение ширины лица возможно не отражает истинной характеристики группы и связано с малым объемом выборки.

4. Крайняя недостаточность материала раннефеодального периода дает возможность лишь констатировать факт одновременного существования брахикранных и долихокранных форм. Так же, как и на территории Грузии, типологически сходные формы, по-видимому, отражают аналогичные процессы эпохальной трансформации.

5. К среднефеодальному периоду относятся черепа из городища Армении - Гарни. Представлен резко брахикранный и мезопрозопный антропологический тип, в чем выражается закономерный процесс эпохальной трансформации. Отмечается типологическая близость с синхронными сериями с территории Восточной Грузии, с той лишь разницей, что высота лица на черепах из Армении несколько больше.

6. Серия, добытая В.В.Бунаком в Бингёль-Даг, представляет краниологический тип современного населения Армении и в какой-то степени дает возможность составить общее впечатление о краниологических особенностях переднеазиатской расы вообще.

7. Современное население изучено на II региональных группах Армении (лорийские, казахские, ереванские, зангезурские, мегрийские, урмийские горные и равнинные, алашкертские, новобаязетские, сасунские и карабахские). Эти группы характеризуются глубоким сходством и общностью антропологических особенностей, все они относятся к переднеазиатскому типу индосредиземноморской расы, представляя собой смягченный его вариант. Аналогичные формы прослеживаются на всей территории Кавказа (за исключением населения северо-восточного Причерноморья и юго-западного Прикаспия), а также в Передней Азии.

Г.А.Азизян, А.Дж.Джагарян
(Ереван)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О НАХОДКЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ПЕЩЕРЕ-ОБИТАЛИЩЕ АМО-I В ОКРЕСТНОСТЯХ ЕРЕВАНА

I. При обследовании древнейших пещерных очагов клещевого возвратного тифа каньона р.Раздан в окрестностях Еревана была выдвинута гипотеза о возможном заселении в далеком прошлом этих пещер первобытным человеком. При подробном изучении были обнаружены пещеры-обиталища и охотничьи стойбища эпохи палеолита и средневековья. Некоторые из них входят в ряд самых древних памятников человеческой культуры на территории СССР.

2. Большинство вскрытых пустот-пещер оказались лавовыми пузырями различной формы, эрозионного, суффозионного, эолового, обвального, антропогенного, но чаще - комбинированного происхождения. Уникальной является пещера Канакер-4, состоящая из трех сообщающихся двухэтажных пузырей. Упоминаний о пещерах подобного рода в специальной литературе нами не встречено.

3. Палеопалинологический анализ нашего материала позволяет утверждать, что в четвертичном периоде, в условиях открытого ландшафта вокруг пещеры Амо-I в основном господствовала полупустынная растительность с преобладанием ксерофильных видов травянистой флоры, наряду с которой встречались также мезофильные элементы (береза). Мезофильная растительность, состоящая главным образом из тугайных лесов, занимала ограниченные площади в участках с соответствующим климатом. В более глубоких отложениях содержалась пыльца древесных пород наиболее холодоустойчивых видов.

4. Сравнение вышеприведенных данных с фаунистическими свидетельствует о том, что при достаточно холодных условиях в нижних слоях почвы пещеры представлены животные открытых пространств и фауна леса.

5. В пещере были найдены скелет и череп первобытного

человека с примитивными чертами, частично фоссилизированные и покрытые марганцевыми дендритами, что свидетельствует о значительной древности находки. Это подтверждают также небольшие обсидиановые орудия, обнаруженные нами в пещере Амо-I, которые, по-видимому, можно отнести к верхнему палеолиту. Там же была найдена и фоссилизированная ключица младенца.

6. О древности человеческих останков из пещеры Амо-I (что доказано и рентгенографией) говорят некоторые примитивно-архаичные черты строения зубов: полное развитие гипоконуса второго моляра, необычайно сильное развитие дистального элемента протоконуса, двукорневой нижний клык большой массивности обоих стволов корней. На верхней челюсти с небной стороны резцовое отверстие небольших размеров и одиночное, с носовой же стороны этих отверстий два, что также является архаичным признаком.

7. Микрорельеф черепа ископаемого человека из пещеры Амо-I выражен хорошо, шероховатость отсутствует, костные трабекулы лицевого черепа расположены плотно, поверхность костей полированная, гладкая, с мелкой ячеистостью. Видимо подкожная клетчатка была тонка.

8. Данная находка представляет большой научный интерес и нуждается в дальнейших исследованиях.

Д.О.Ашилова
(Элиста)

ДЕРМАТОГЛИФИКА КАЛМЫКОВ
(К проблеме их происхождения)

I. Происхождение народов – одна из важных и актуальных проблем исторической науки решается комплексно, в тесном контакте археологической, этнографической, лингвистической и антропологической наук. В системе антропологии эта проблема рассматривается на основе сопоставлении различных данных – соматологии, дерматоглифики, серологии и т.д.

2. В плане изучения антропологии калмыков в связи с проблемой их происхождения наиболее подробно представлен

соматологический материал. Распределение других признаков (группы крови, особенности зубной системы, кожные узоры ладоней) исследовано недостаточно или совсем не изучено. Впервые появившиеся в литературе данные характеризуют небольшие выборки и не охватывают основные этнотерриториальные группы калмыков. Более основательное исследование осуществлено автором сообщения.

3. Данные по дерматоглифике калмыков показывают довольно высокую узорную интенсивность ($Д_{IO}$ - I3,96), значительное содержание карпального осевого трирадиуса (74,3%), относительно низкий индекс Камминса (8,08) малое количество межпальцевых добавочных трирадиусов (9,5%), среднюю степень узорности гипотенара и тенара (I /20,8 и 9,5 % соответственно). Таким образом, комплекс дерматоглифических признаков свидетельствует о четко выраженных восточных особенностях у калмыков.

В.Б.Виноградов
(Грозный)

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ИНГУШЕТИИ в IX-XIII вв.

I. Исследования этнической истории западной Ингушетии ведутся давно (В.Ф.Миллер, В.И.Долбежев). Наиболее результативные попытки её решения дает комплексное исследование разнообразных источников (Л.П.Семенов, Е.И.Крупнов, А.И.Робакидзе, В.П.Кобычев). Опыт показывает предпочтительность этнографической методики исследования. В докладе, на доступных автору материалах, рассматривается проблема этнической истории западной Ингушетии (в основном ущелье р.Армхи) в IX-XIII вв.

2. Письменные источники позволяют установить господствующую в это время роль алан (овсов) в области, прилегающей к Дарьяльскому проходу, т.е. и в западной Ингушетии. Здесь аланы входили в соприкосновение с Грузией. Фиксируется и роль вайнахов-галгаев, обитавших в горной Ассинской котловине и в X - нач. XIII в., испытавших политическое и военное воздействие обеих названных сил (Н.Ф.Яковлев,

А.И.Робакидзе, В.А.Кузнецов, Г.Г.Гамбашидзе, З.Ш.Дидебулидзе и др.).

3. Фактические данные о могильниках и поселениях этой эпохи довольно бедны, но достаточно выразительны. Они создают впечатление редкой заселенности района во второй половине I тысячелетия н.э., об аланской доминанте вплоть до X в. (В.А.Кузнецов, В.Б.Виноградов), о массовом расселении здесь вайнахского этноса не ранее конца X – нач. XI в., причем новые поселенцы предстают заметно христианизированными (Х.М.Мамаев).

4. Этногенетические предания ингушей (В.П.Кобычев) и фольклорные сюжеты, связанные с названными древностями, акцентируют взаимные и глубокие контакты вайнахов и "осетин" (алан) в пору освоения ингушами, пришедшими с востока, ущелья Армхи и позволяют датировать эти события временем около 1000-600 лет тому назад (Л.П.Семенов, В.П. Христианович, Е.И.Крупнов, В.П.Кобычев). Особого внимания заслуживает фольклорный цикл о Баркой-Канте, который обосновывает факт влияния алан на исторические конъюнктуры X-XП вв. не только ущелья Армхи, но и Ассинской котловины (сюжетная линия знатного иноземца – "христианского царя" Ерда, пришельца с севера, из Тарской долины).

5. Малоизученным видом источников являются культовые памятники. В их хронологии и интерпретации много неясного. Однако вероятность возникновения части святилищ-зданий вдоль Армхи не позже X-XI вв. весьма велика (В.Б. Виноградов, М.Б.Мужухоев), а сопоставление их с процессом ингушской колонизации этого района вполне логично (Н.Н.Бараниченко). Знаменательно, что для большинства этих ингушских памятников устанавливается также в той или иной мере связь с проникшим сюда аланским этническим компонентом (святилища Галь-Ерды, Маги-Ерды, Сеска-Солсы, "Мекка", Итаз-Ерды, Мятцили и др.).

6. Топонимические материалы, лексические ингуше-осетинские параллели, фонетические особенности языка ингушей подтверждают древность и интимность алано-вайнахских связей в этом районе, восходящих к исследуемой эпо-

хе. Интересен вопрос о генезисе вайнахского понятия "эрда" ("ерда") -"бог, святой", отразившегося именно в культовых памятниках Ингушетии и в фольклорной ономастике ингушей и связанного, очевидно, с аланским (ираноязычным) "ард", обозначающим магическую силу, святость, бога, клятву и пр.

7. Все изложенное обосновывает версию о начале массовой миграции ингушей вдоль Армхи в предмонгольское время. Причины этого следует искать во внутреннем ("демографический взрыв" в Галгачие и сопутствующее обострение социальных противоречий внутри ингушского общества) и внешнеполитическом положении ингушей. На новом месте ингуши слились с давними партнерами и соседями - аланами и постепенно ассимилировали их, вероятно, уже в XП-XШ вв., т.е. накануне еще одной мощной вайнахской миграционной волны (В.П. Кобычев).

У.Гашимова

(Баку)

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ОДОНТОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ НАСЕЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Исследован одонтологический материал по 24 группам современного населения Азербайджана (2I группа собственно азербайджанцев, группы удин, татов-мусульман, талышей).

По одонтологическим особенностям все исследованные группы относятся к западному одонтологическому типу и являются характерными представителями так называемого южного грацильного одонтологического типа, который на территории СССР впервые выделен по материалам кавказских групп (Кочиев, I97I).

По концентрации основных одонтологических признаков изученные группы обнаруживают большое сходство между собой, что позволяет говорить об относительной гомогенности населения республики в этом отношении и едином одонтологическом типе, хотя, как известно, население Азербайджана по данным других антропологических признаков (соматологичес-

ких, серологических) четко делится на два антропологических варианта. Однако известная однородность одонтологического типа не исключает достоверных различий между отдельными группами по частоте того или другого признака, т.е. имеются отдельные локальные варианты с повышенной или пониженной частотой признака. Чаще всего различие имеется в концентрации таких признаков, как лопатообразность резцов, бугорок Карабелли и др.

Изученные группы талышей, удин и татов в целом не выпадают из общего типа, обнаруживая определенное сходство с территориально близкими группами азербайджанцев.

Я.Р.Дашкевич

(Львов)

АРМЯНЕ УКРАИНЫ. ИТОГИ И ЗАДАЧИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

I. Многовековое существование армянских поселений на Украине (XI - нач. XX вв.) нашло отражение в обширной научной литературе, среди которой, однако, собственно этнографические работы занимают незначительное место. Причина состоит в том, что к моменту бурного развития этнографии Украины (конец XIX - начало XX в.) армянские колонии прекратили, в основном, свое существование, а ретроспективные исследования наталкивались на значительные трудности из-за сложности использования многоязычных источников.

2. Вопросы этногенеза и этнической истории, концентрирующиеся вокруг проблемы этнического субстрата (армяне-кыпчакофоны или же арменизированные кыпчаки) все еще рассматриваются почти исключительно в лингвистическом плане (Грунин, Трнярский, Шюц, Абдуллин, Гаркавец и др.). Довольно подробно разработан вопрос расселения армян в XI-XVIII вв., а также их миграционные движения (Дашкевич).

3. Почти не изучены различные виды занятий и ремесел (обработка кожи, металлов, в частности драгоценных , переработка пищевых продуктов), жилище, одежда, хотя и в актовом материале, и в мемуарных источниках сохранились

точные сведения об этом. Разбросанные в литературе фрагментные сведения (Афанасьев-Чужбинский, Карачкивский, Дан, Дейч, Лозинский, Закжевска-Дубасова и др.) нуждаются в обобщении и дополнении.

4. Семейный быт (Лозинский, Закжевска-Дубасова) изучен слабо; определенные перспективы создают предпринятые в последнее время публикации средневековых предбрачных договоров, завещений, отчетов о похоронах (Трыярский, Дашкевич, Шюц). Сохранились описания свадебной драмы (Кольберг).

5. Достигнуты определенные успехи в области изучения общественного быта, в частности структуры автономии, которой пользовались армяне Украины (Григорян, Закжевска-Дубасова, Дашкевич, Петрович). Отдельные стороны обычного права, отразившегося в актовом материале ХУІ-ХУШ вв., нуждаются в систематизации и анализе с точки зрения выявления влияний кодифицированных систем (Мхитара Гоша, Русской правды, магдебургского права).

6. До сих пор не проводилось разграничение засвидетельствованных народных обычаев и суеверий от обрядов, реализуемых в общинах в соответствии с религиозными традициями (Баронч). Сохранившиеся записи "чудес", наблюдавшихся будто-бы среди армян Украины в ХУП-ХУШ вв., являются важным источником для подобных исследований.

7. Из народного творчества больше всего привлекал внимание словесный фольклор (Гануш, Рошко). Неясным остается различие между музыкальным фольклором и музыкой церковного происхождения (Вуйцик-Кеупрулян, Косцюв). Совершенно невыясненным остается характер народного искусства армян Украины.

8. Хотя армяно-украинским связям в различных областях посвящена довольно значительная литература (трехтомник "Исторические связи и дружба украинского и армянского народов", сборник документов "Украинско-армянские связи в ХУП в." и др., этнокультурные контакты - в узком понимании этого термина - нашли в ней незначительное отражение. С другой стороны, хорошо изучена армянская тема в украинском фольклоре (Сыс, Амирян).

9. Имеющиеся в наличии очень ценные письменные, а также другие (например, иконографические) источники являются залогом плодотворного развития ретроспективных этнографических исследований. Вместе с тем необходимо уделить специальное внимание этническим процессам, происходящим в настоящее время среди армян, проживающих на Украине.

Н.А.Дубова, Г.В.Рыкушина, Н.И.Халдеева
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ДРЕВНЕМ И СОВРЕМЕННОМ НАСЕЛЕНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА (по данным одонтологии)

Нами рассмотрены материалы по одонтологии с территории Средней Азии и Кавказа, охватывающие период от эпохи бронзы до современности. В исследуемом ареале прослеживается относительно единый пласт населения, одонтологически характеризующийся низкой лопатообразностью верхних медиальных резцов, низкой частотой дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида, слабой редукцией латеральных резцов, нижних и верхних моляров, высокой частотой бугорка Карабелли, незначительным процентом эмалевых затеков на вторых молярах. На рубеже нашей эры начинается проникновение с территории евразийских степей в более южные районы этнических групп, генетически связанных с представителями восточного одонтологического ствола. В связи с этим почти повсеместно увеличивается редукция латеральных верхних резцов, верхних и нижних моляров, в некоторых популяциях повышается частота дистального гребня, коленчатой складки, лингвального сдвига верхних латеральных резцов, эмалевых затеков, бугорка Карабелли. Начиная со средневековья к современности частота признаков, связанных с редукцией дистальных элементов во всех классах зубов, возрастает. Аналогии населению эпохи бронзы и раннего железа изучаемого региона сегодня можно найти на довольно широкой территории: в северо-западной Индии - у джатов, гуджаров, ахиров; в Средней Азии - таджиков Исфаринской долины (Чорку),

Каратегина (Навды, Кочон, Лангаришо), Северного Таджикистана (Расравут, Ругунд), Южного Таджикистана (Ховалинг); и у большинства групп Центрального Кавказа.

Л.Н.Жеребцов
(Сыктывкар)

РАССЕЛЕНИЕ КОМИ В X–XУ вв.

I. Формирование этнической территории – сложный и длительный процесс, у каждого народа он имеет свои особенности. Формирование этнической территории коми специально не исследовалось. Для коми характерно перемещение этнических границ с запада на восток, изменение этнической территории в ходе переселения и расселения.

2. Формирование этнической территории коми охватывает X–XIX вв. н.э. В настоящем сообщении рассматривается первый этап этого процесса: X–XУ вв. В этот период коми были расселены по берегам рек Сысолы, Выми, нижней и средней Вычегды, Лузы, Моломы, Юга, нижней Сухоны, Устьи (и некоторых других правых притоков Ваги), верхней Северной Двины, Пинеги и Вашки (верхнее и среднее течение), а также в верховьях Камы.

3. В процессе расселения коми и формирования этнической территории большую роль играли взаимоотношения коми и русских в X–XУ вв. (Торговый обмен и роль пушнины. Культурное влияние, христианизация коми и её значение. Борьба Новгорода, Ростова и Москвы за пермские земли. Присоединение пермских земель к Ростову и Москве. Формы закрепления присоединенных территорий: строительство погостов, острогов, городов, назначение управителей, князей-наместников и т.д.)

4. На рассматриваемый период приходится начало передвижения коми к востоку. Причины передвижения: а) социально-экономические (поиск мест, богатых пушниной, попытки укрыться от налогов и т.п.); б) политические (вхождение в состав русского государства коми и их соседей манси, прекращение военных набегов, христианизация и т.д.); в) этнические (растворение западных групп коми в преобладающей русской этнической среде и т.п.).

И.М.Золотарева
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО АНТРОПОЛОГИИ ТХАЙ И ВЬЕТОВ СЕВЕРНОГО ВЬЕТНАМА

Исследование расогенетических проблем и этнических связей в юго-восточной Азии в нашей науке имеет давнюю традицию, восходящую к деятельности Н.Н.Миклухо-Маклая. Немалый вклад в понимание расогенетических связей в данном регионе внес Ж.Даникер, в начале века создавший классификацию, не потерявшую значения и сейчас. Проблемам первоначального заселения человеком юго-восточной Азии, освещению этнической истории её на различных ступенях исторического процесса, посвящены многие фундаментальные работы советских антропологов (Дебец, Левин, Рогинский, Чебоксаров). Участие советских антропологов в совместной советско-вьетнамской антропологической экспедиции 1976 года можно считать следующим логическим шагом на пути исследований антропологии современного населения юго-восточной Азии.

Осенью 1976 г. был начат сбор конкретных антропологических характеристик некоторых групп северного Вьетнама. По программе, принятой в практике работы советских антропологов, включающей определение кефалометрических и антропоскопических признаков, были обследованы две группы тхай ("белые" и "черные") - в северо-западной части СРВ, в провинции Лай Тяу. В центральном Вьетнаме, в провинции Винь-Фу была изучена группа вьетов. Во всех случаях работа велась среди мужчин и женщин параллельно. Кроме того, были обследованы три контингента детей - 7-15 лет для получения одонтологических слепков.

Полученные данные, оцененные в общем плане, показывают, что тхай и вьеты по своему антропологическому типу относятся к южно-азиатской группе типов (по классификации Н.Н. Чебоксарова). Однако на уровне локальных различий группы тхай по сравнению с вьетами имеют более интенсивную пигментацию (более темную кожу и более темные волосы), более тугие волосы, сильнее развитые складку века и эпикантус, более низкое переносье, более толстые губы. Из измерите-

ных признаков следует отметить более широкий по указателю нос, более низкую верхнюю губу. Эти количественно небольшие различия складываются в некоторый комплекс, в котором, по нашему мнению, можно видеть неоднородность расового состава изученных групп: в частности в группах тхай, возможно, сильнее проявляется таи-малайский тип, что свидетельствует о наличии разных расовых компонентов, участвовавших в формировании физических особенностей современных тхай и вьетов.

Н.Р.Кочар
(Ереван)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ДЕРМАТОГЛИФИЧЕСКИХ СВОЙСТВ АРМЯНСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ

I. Антропологический облик современного населения сохраняет следы сложных генетических процессов, имевших место в истории становления изучаемых групп. В связи с этим большой интерес представляют исследования кожных узоров, так как они являются наследственно устойчивыми признаками и помогают составить правильное представление о генетических взаимоотношениях между разными группами.

2. Автором изучена дерматоглифика двадцати групп армянской популяции. Взяты отпечатки пальцев и ладоней у I008 неродственных мужчин, принадлежащих к сельскому и городскому населению разных районов республики. Изучены армяне Ширакского историко-этнографического района, представленные группой ленинаканцев, степанаванцы, талинцы, апаранцы, аштаракцы, представители Айраратского историко-этнографического района, сюникцы, разданцы, и, наконец, группа из Еревана. Узоры интерпретируются по методике Г.Камминса и Ч.Мидло.

3. По окончанию главных ладонных линий армяне, в подавляющем большинстве случаев, сходны с народами Европы, Северной Африки, Передней Азии, Индии и американцами европейского происхождения. Изучены также дополнительные осевые трирадиусы и узоры на гипотенаре. Группы сопоставлены по обобщающим характеристикам кож-

ных узоров.

4. В целом, по данным дерматоглифики, армяне не выходят за пределы размаха вариаций признаков у других европеоидных народов, а по некоторым признакам обнаруживают максимум европеоидности и большое сходство с народами Передней Азии и Кавказа. Особенно сходны территориально близкие группы. Своеобразие ереванских армян можно объяснить миграцией и большим смешением в столице разных армянских популяций. Сильно отличается группа Хндзореск, которая территориально находится в большем отдалении от всех исследованных групп и была более изолирована в течение всей истории Армении.

5. Армянским группам так же, как и любым другим, присущи региональные различия признаков. В конечном итоге нужно отметить, что кожные узоры, как и соматологические данные, показывают большое сходство армянских групп, их внутреннюю близость и общность основного субстрата.

Р.Д.Лях
(Донецк)

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА

Рост народонаселения Донбасса в годы довоенных и первых послевоенных пятилеток был связан с развитием промышленности. Лишь за 1945–1958 гг. численность населения в Донецкой области – главной части Донбасса – увеличилась на 110%. К концу 40-х годов широкое промышленное строительство, требовавшее значительного количества рабочей силы, в основном завершилось и прирост населения стал постепенно уменьшаться: в 1950–1957 гг. он составлял 140–200 тыс. человек в год, в 1958 г. – 138, в 1959 г. – 80, в 1960 г. – 78, в 1961 г. – 52, а в 1969 г. – всего лишь 23 тыс.человек. Основним источником пополнения населения становится естественный прирост, довольно незначительный: в 1957 г. – 17,5, а в 1967 г. – 7,2, в 1976 г. 4,5 чел. на тысячу жителей.

Однако и в эти годы миграция населения как внутриобласт-

ная, так и межобластная, хотя и в меньших размерах, продолжалась. Внутриобластное переселение жителей Донецкой области в последние годы удерживается на уровне ста тысяч человек в год, причем переселение из сел в города перестало быть преобладающим. Численность сельского населения, хотя еще и сокращается, однако, проявляет тенденцию к стабилизации, на уровне II процентов от всего населения области. В отдельных, особенно благоустроенных сельских районах (Волновахском, Марьинском), отмечается даже некоторый прирост населения. Внутриобластное перемещение жителей заключается преимущественно в переезде из города в город, что не влияет на численный состав населения области в целом. Увеличение населения происходит путем естественного прироста, а также вследствие преобладания числа прибывающих над числом выбывающих. Область привлекает переселенцев (особенно молодежь) более высоким уровнем культурно-бытового обеспечения, а также возросшей в последние годы потребностью в рабочей силе в связи с развитием легкой, пищевой промышленности. Прибывают в основном из прилегающих областей Украины, а также из РСФСР, Белоруссии. Анализ первичной миграционной документации показывает, что главными направлениями выбытия населения из Донецкой области остаются РСФСР, Кавказ, Молдавия, Прибалтика.

Население Донецкой области, как и в Донбассе вообще, стабилизируется, его подвижность снижается. Удельный вес постоянных жителей неуклонно растет. Особенности формирования населения в этом промышленно развитом районе обусловили его сложный национально-этнический состав. Последняя перепись зафиксировала на территории Донецкой области наличие представителей II5 национальностей и народностей. Их тесное общение ведет к взаимному обогащению духовными ценностями. Образ жизни донетчан, включающий лучшие элементы культуры многих народов, представляет несомненный интерес для этнографического изучения. Помимо экспедиций Института этнографии (в частности под руководством Ю.В. Ивановой) в этом направлении ведется определенная работа на историческом и филологическом факультетах Донецкого

государственного университета, а также секцией этнографии областной организации общества охраны памятников истории и культуры.

В.И.Наулко
(Киев)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

Первые армянские поселения на современной территории Украинской ССР возникли в Крыму в X–XI вв., после захвата Армении арабами и турками-сельджуками, а также вследствие враждебной политики Византии, приведшей к эмиграции армян. Несколько позднее были основаны многочисленные армянские колонии в западноукраинских областях.

С конца XVII в. в силу ряда причин социально-экономического и политического характера компактные армянские поселения на Украине перестали существовать. С XIX в. армяне расселены на Украине дисперсно, в основном в городах.

Среди работ, посвященных возникновению армянских поселений на Украине, имеются лишь две, где рассмотрены вопросы численности и географического размещения армян на Украине (В.Микаэлян, История армянской колонии в Крыму , Ереван, 1964, на арм.яз., Я.Р.Дашкевич, Расселение армян на Украине в XI–XVII вв., на укр.яз. "Український історико-географічний збірник", вип.I, Київ, 1971).

Известны также попытки картографирования армянского населения Украины. (Карта армянских парафий XIII–XX вв., составленная С.Донигевичем, и подробная карта расселения армян в Правобережной и Западной Украине Я.Р.Дашкевича, на которой отмечено время возникновения поселений и характер их общественной организации. Всего на карте обозначено 70 колоний.–Указ.сборник, стр. 153,179).

О численности армянского населения на Украине до проведения переписей населения (вторая половина XIX в.) в известной мере можно судить по оценочным определениям ряда авторов на основании данных приходских переписей, метрических книг и других источников. (См.Всесоюзный семинар

по исторической демографии. Тезисы докладов, Рига, 1977г. стр. 107-109).

Нами рассмотрены изменения в географическом размещении и численности армянского населения Украины в новейшее время. С этой целью проанализированы этностатистические материалы переписей населения 1897, 1926, 1959 и 1970 годов, а по западноукраинским областям - 1900, 1910, 1921, 1931 годов, а также архивные документы (АН СССР в Ленинграде, Крымского областного государственного архива и др.). Полученные данные позволили рассмотреть динамику численности армянского населения в современных границах УССР, изменения в его социально-классовой структуре, степень урбанизации, характер развития современных этнических процессов среди армян (соотношение языка и национальной принадлежности, явления билингвизма и многоязычия и пр.). Некоторые полевые материалы свидетельствуют о характере миграционных процессов (например, в республике проживает значительное число армян, назвавших родным языком грузинский).

Автор сделал также попытку картографирования армянского населения южных районов Украины по неопубликованным архивным материалам Всесоюзной переписи населения 1926г.

Анализ статистических материалов свидетельствует о значительных социальных преобразованиях в культуре и быте армян и других народов, населяющих Украинскую ССР, за годы Советской власти.

Г.А.Сепеев
(Йошкар-Ола)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МАРИЙЦЕВ

Марийцы, проживающие преимущественно на территории Среднего Поволжья, издавна соседствуют с различными группами населения - финно-угорского (мордва, удмурты), тюркского (татары, чуваши) и русского.

Множество сходств и параллелей в основных формах ведения хозяйства, материальной и духовной культуре марийцев,

мордвы, удмуртов и других родственных по происхождению народов сложились на базе общих этнических компонентов и на основе единого древнего хозяйственно-культурного типа в эпоху формирования марийского этноса. Эти древние черты длительное время сохранялись в культуре и быте марийского этноса, среди всех этнографических его групп (луговых, горных, восточных).

С конца I - начала II тысячелетия тесные и длительные этнокультурные взаимоотношения устанавливаются у марийцев с тюркскими соседями. Элементы культуры татар рельефно выступают в культуре соседних с ними луговых марийцев юго-восточной части края. Марийско-чувашские этнические и культурные взаимосвязи породили много общих культурно-бытовых черт у этнографических групп горных марийцев и чувашей-вирьялов. Ряд черт чувашской культуры обнаруживается и у луговых марийцев Приволжья. Разнообразное этнокультурное воздействие испытали восточные марийцы (проживающие в Прикамье и Приуралье), особенно со стороны татар и башкир.

Этнокультурные взаимосвязи марийцев с русскими, начиная с первых веков П тысячелетия приобрели наиболее интенсивный и стабильный характер, вначале на западе и севере этнической территории марийцев, а с вхождением края в состав Русского государства - во всех районах их расселения.

Воздействие разных этносов на те или иные территориальные группы марийцев закрепило культурно-бытовую специфику этнографических групп и их локальных вариантов.

После победы Октябрьской революции этническое развитие марийского народа сопровождается дальнейшим расширением этнокультурных связей, его сотрудничеством с другими народами как на территории Марийской АССР (где проживают представители более 70 наций и народностей), так и за её пределами (где расселено 50% марийского населения). Непосредственное общение и браки с представителями других народов, производственно-хозяйственные и культурно-творческие связи, взаимообмен материальными и духовными ценностями, усвоение новых культурно-бытовых форм и эле-

ментов вносят определенные мотивы и ньюансы в культуру и быт марийского населения. В этнокультурном сотрудничестве отражаются тенденции расцвета и сближения наций и народностей нашей многонациональной страны, одна из граней процесса формирования новой исторической общности - советского народа.

Э.Э.Симонян
(Ереван)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ АРМЯН- ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ

I. Современное армянское население ряда административных районов Армянской ССР в массе своей представлено переселенцами из Западной Армении. Было несколько крупных потоков миграции, относящихся к периоду с 1820-х по 1940-ые годы. Из них для изучения этнической антропологии армян большой интерес представляют две миграции, имевшие следствием компактное размещение отдельных групп. Первая миграция (1829-31 гг. представляет собою две группы: одна из Карина (Эрзерума), потомки которой и поныне живут главным образом в историко-этнографическом районе Джавахк, другая - баязетская группа, составляющая и теперь основное население района имени Камо. Вторая миграция, возникшая вследствие геноцида армян в Западной Армении (1914-1915 гг.), образовавшая компактное расселение остатков групп Сасуна-Хута (в основном в Талинском и Аштаракском районах) и Тарона-Муша (в основном в Ахурянском и Анийском районах). Армяне группы Васпуракана-Вана диффузно расселены по городам и селам республики.

В последующие десятилетия произошло значительное межгрупповое смешение этих переселенцев как между собой, так и с более ранними переселенцами, а также с местными армянами. Этот процесс весьма выражен даже в компактно расселенных группах.

Поэтому для получения репрезентативного этноантропологического материала необходимо: а) собирать материал по

группам Западной Армении, учитывая особенности оседания каждой группы, т.е. охватывая населенные пункты различных, порой отдаленных друг от друга районов; б) работать в основном в сельских населенных пунктах, а не в райцентрах, где население заведомо сильно смешано; в) обязательно выяснить родословные исследуемых, даже при работе с переселенцами 1910-х годов, для выделения относительно "чистых" представителей.

2. При весьма условных границах отдельных историко-этнографических областей для получения этноантропологических данных мы использовали иную принципиальную основу выбора групп армян Западной Армении, на наш взгляд более верную, чем выбор только по этнографическому принципу.

Поскольку в нынешних условиях более тонкую дифференциацию групп Западной Армении осуществить невозможно, приходится удовлетвориться выделением групп относительно стабильного, а в отдельных случаях и более или менее обособленного населения на крупных территориях. Частичная сопоставимость контрастных по природно-климатическим условиям территорий Армянского нагорья с этнографической и историко-административной дифференциацией, ознакомление с составом населения и характером переселений на этих территориях позволили положить в основу выделения этноантропологических групп комплекс из трех принципов - территориального, историко-демографического и природно-климатического, в данном случае во многом сходных по границам. На этой основе выделены пять групп: группа Сасуна - Хута (сасунцы и хутцы и их потомки); группа Тарона - Муша; группа Васпуракана - Вана; группа Высокой Армении (группа эрзерумцев); группа Баязета.

Этноантропологическое изучение этих групп начато. Оно может выяснить вопрос о степени антропологической близости территориальных групп армян Западной Армении по положению на конец XIX - начало XX веков, с ретроспективой на период времени позже XI в. н.э.

Л.И.Тегако
(Минск)

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БЕЛОРУСОВ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Группа антропологии сектора этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН Белорусской ССР изучает антропологический состав современного и прошлого населения республики. На полученных материалах можно проследить следующие аспекты межэтнических связей белорусов с другими народами: а) взаимодействие этносов в предшествовавшие эпохи – антропологические компоненты складывания белорусской народности; б) этническое взаимодействие на современном этапе – влияние процессов панмиксии на формирование антропологического типа современного населения.

Остановимся вкратце на первом аспекте проблемы. Как известно, процесс образования белорусской народности завершается к середине XУI века. Этому исторически предшествовала более ранняя этническая общность – древнерусская народность, которая сложилась на базе племенных союзов славян Восточной Европы.

И.И.Соливон проанализировала серии черепов XI–XII вв. из г.Новогрудка и черепа более поздних периодов, полученных при раскопках кладбищ в различных районах Витебской, Гомельской, Минской и Гродненской областей. Изучен также одонтологический ископаемый материал. Автор отмечает преемственность и большое сходство современного и средневекового населения, что свидетельствует в пользу их непосредственного генетического родства.

Белорусские серии черепов показывают значительную степень сходства с синхронным соседним населением – с русскими из западных областей, а также украинцами. Это исторически обусловлено формированием трех восточнославянских народов на основе древнерусской народности.

Можно предположить, что дреговичи, радимичи и западные группы кривичей приняли примерно равное участие в формировании физического типа белорусов, т.к. по антро-

пологическому типу они не обнаружили четко выраженных племенных различий.

Средневековое население г.Новогрудка по краниологическим и одонтологическим признакам показывает большое сходство с населением Прибалтики, что подтверждает генетические связи между ними.

Современное белорусское население изучено и по таким генетически-детерминированным системам признаков, как дерматоглифика и одонтология, группы и другие факторы крови, с учетом языковых и археологических данных. По этим материалам выявлено деление территории Полесья на две зоны - восточную и западную; вариации этих признаков свидетельствуют, по нашему мнению, об этнических связях в древности - племена западного Полесья входили в славянские общности, а племена, обитавшие на территории Восточного Полесья, тяготели к общностям, близким к балтийским.

По генетически-детермированным системам признаков нами обследованы также поляки, литовцы и татары Белоруссии, исторические связи с которыми общеизвестны.

При исследовании современного населения нами учитываются данные о межнациональных браках. Проведенный анализ за десятилетие в городах и сельской местности показал рост межнациональных и гетеролокальных браков, расширение их спектра за счет притока населения из других более отдаленных республик нашей страны.

По некоторым антропологическим признакам изучаются потомки от межнациональных браков. Накоплен значительный материал, но обработка его проведена пока только частично.

Х.Халилов
(Самарканд)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА УЗБЕКИСТАНА (по материалам могильника Джаркутан)

Последние годы ознаменовались увеличением антропологического материала эпохи бронзы с юга Средней Азии, принадлежавшие кочевому скотоводческому и оседлоземледельческому населению Маргианы (Алтын-депе), Северной

Бактрии (Сапаллитепа, Бустан, Тигровая Балка, Макони-мор, Ранний Тулхар)..

В 1977 г. завершены раскопки могильника Джаркутан. Огромные топографические размеры поселения позволяют считать его центром древнеземледельческой культуры Шерабадского оазиса П – I тыс.до н.э. На протяжении 4 лет вскрыто более 700 погребений катакомбного, ямного и подбойного типов. Сообщение посвящено анализу антропологических материалов из этого могильника.

Мужские черепа характеризуются долихокранией (73,3), большими размерами продольного (188,0 мм), малыми поперечного (137,2 мм) и средними высотного (136,7 мм) диаметров. Наклон лба средний, надпереносье и надбровные дуги развиты средне, рельеф затылочной области выражен нерезко. Лицевой скелет сильно профилирован в горизонтальной плоскости (назомалярный угол – 139,1°, зигомаксилярный 125,0°) и характеризуется средней величиной скулового диаметра (129,2 мм), большим размером верхней высоты лица (73,5 мм) и мезопрозопным верхнелицевым указателем на границе с лептопрозопией (54,5). Орбиты средневысокие (34,1 мм). Нос по абсолютным размерам средневысокий (32,2 мм), узкий (22,2 мм) по указателю мезоринный. Выступание носа над линией профиля лица большое (31,5°). Переносье по симотическому и дакриальному указателям средневысокое.

Женские черепа в общем характеризуется теми же особенностями, что и мужские, отличаясь от них в обычном направлении. Серия в целом может быть отнесена к восточной ветви средиземноморской расы. Самые близкие аналогии джаркутанской серии имеются как в самой Средней Азии (Сапаллитепа, Бустан, Миршади, Заманбаба, Муминабад, Макони-мор, Тигровая Балка и др.), так и на сопредельных территориях в Северном Афганистане, Северо-Восточном Иране, Индии.

Следует отметить, что люди из Джаркутана отличаются сравнительно высоким ростом: мужчины – 169,4 см, женщины 158,5 см. Мужское население Джаркутана значительно более

высокорослo, чем синхронное население Сапаллитепа, и сближаются в этом отношении с населением могильников Кара-Депе, Геоксюра и Кокча-3. Женщины Джаркутана более высокорослы, чем женщины Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы, и в то же время необычайно сходны с женщинами тазабагъябской культуры Южного Приаралья.

Г.Л.Хить
(Москва)

РАСОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА ПО ДАННЫМ ДЕРМАТОГЛИФИКИ

I. Кавказ, населенный представителями различных вариантов южноевропеоидного расового ствола, сыграл важнейшую роль в истории формирования этого ствола. В данном пункте совпадают мнения всех специалистов, несмотря на существенные различия между ними в конкретной оценке роли Кавказа как очага расообразования.

2. Накопленные за последние IO лет материалы о кожном рельефе кисти у населения Кавказа и других регионов СССР позволяют впервые рассмотреть вопрос об их расогенетических связях. Анализируются данные о III популяциях Кавказа, Средней Азии и юга Европейской части СССР (всего около 9000 человек, мужчины). Подавляющая часть материалов собрана в поле и обработана автором; использованы также методически сравнимые данные других исследователей.

3. Материал анализируется в рамках соматической расовой классификации. При этом разные таксономические единицы на разных территориях условно рассматриваются как равнозначные с целью определить генеральные тенденции в кожном рельефе у населения разных зон. Рассмотрены все варианты локальных рас Кавказа (понтийская, кавказионская, переднеазиатская и каспийская), европеоиды Средней Азии (закаспийская и раса Среднеазиатского междуречья), а также южновосточноевропейская локальная раса (термин автора), объединяющая украинцев и русских

южных районов Европейской части СССР, в составе которых имеется существенная доля неопонтийского компонента.

Типичный для Кавказа в целом комплекс признаков находит свое высшее выражение в кавкасионской и переднеазиатской локальных расах. Этот комплекс характеризуется максимальной выраженностью черт, свойственных южным европеоидам, без каких-либо следов инорасовой примеси.

4. Понтийская раса, будучи сходна в общем плане с кавкасионской и переднеазиатской, оказывается максимально близкой к населению юга Европейской части СССР. Сходство в последнем случае переходит практически в тождество. Отличие понтийского и юговосточноевропейского вариантов, с одной стороны, от кавкасионского и переднеазиатского- с другой, сводится к ослаблению "южных" черт у первых и соответственному проявлению более "северного" европеоидного комплекса.

5. Каспийская раса - наиболее оригинальный вариант на Кавказе, сочетающий типичные для южных европеоидов черт с необычными величинами некоторых признаков. Последние заставляют предполагать участие определенной доли экваториального (скорее всего индо-австралоидного) компонента в формировании каспийской расы. Одновременно она составляет переход от типичных "кавказских" вариантов к европеоидным расам Средней Азии - закаспийской и расе Среднеазиатского междуречья.

6. Обе последние расы практически идентичны и характеризуются своеобразным комплексом, который удобнее обозначить как среднеазиатский. Несомненно, что он возник путем наслоения монголоидной примеси на преобладающую южноевропеоидную основу. Некоторые черты данного комплекса, однако, не поддаются этому объяснению, но могут быть истолкованы как проявление индо-австралоидного компонента.

7. Таким образом, по данным дерматоглифики очерчивается цепь вариантов южноевропеоидного ствола, локализованная на территории СССР. Центральное место в этой цепи занимают переднеазиатская и кавкасионская расы, у которых южноевропеоидный комплекс черт выражен в максимальной

чистоте. Население Северо-западного и Западного Кавказа (понтийский вариант) связывает эти наиболее "кавказские" расы с популяциями юга Восточной Европы. Близкое сходство понтийского и южновосточноевропейского вариантов свидетельствует о генетических связях между ними.

Каспийская раса играет роль связующего звена между наиболее "кавказскими" расами и европеоидами Средней Азии.

8. В рассмотренной системе морфологическая общность, и, следовательно, генетическое родство локальных рас южных европеоидов очевидны, равно как и тенденции, приведшие к постепенной трансформации конечных звеньев цепи вариантов. Решение проблемы, касающейся времени и места формирования этих разновидностей, зависит в первую очередь от накопления палеоантропологических данных. Однако, и обрисованная дерматоглифическая картина далеко не полна. Ощущается острая нехватка методически сравнимых и достаточно представительных данных о европеоидах зарубежной Азии, в первую очередь Передней Азии.

9. В заключение отметим, что отдельные популяции южных европеоидов, находившиеся в течение долгого времени в сильнейшей географической или социальной изоляции и локализованные в Средней Азии (горный Таджикистан, западный Памир), на Кавказе, в Индии (парсы), обнаружили удивительное сходство между собой в строении кожного рельефа кисти. Представляется вероятным, что в их лице мы имеем дело с "реликтовым" комплексом - свидетельством общности происхождения древнего европеоидного населения Азии. Этот комплекс черт мог сохраниться в условиях изоляции с эпохи неолита и бронзы, когда узколицее длинноголовое население количественно преобладало на огромной территории от Передней до Средней Азии и Северо-Западной Индии.

Т.К.Ходжайов
(Самарканд)

ГОРОДСКОЕ И ОСЕДЛОЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БАКТРИИ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

I. Бактрия - один из древнейших центров развития земледельческой культуры и образования государственности в Средней Азии - была расположена по среднему и верхнему течению Амударьи. На севере она граничила с Согдом, на юге и юго-востоке - с Арахосией и Гандхарой, на западе - с Маргианой. В данном сообщении представлены результаты исследования десяти краниологических серий из Бактрии, относящиеся к периоду от У-IУ вв. до н.э. по У в.нэ.

2. Антропологические материалы из Бактрии эпохи античности изучены мало. Более или менее хорошо здесь представлен расовый тип, свойственный скотоводческому населению юга Средней Азии. Этот тип имеет близкие аналогии со скотоводческим населением нижневолжских и казахстанских степей, Тянь-Шаня и Алая.

3. По нашим данным, местное земледельческое население Бактрии середины I тысячелетия до н.э. (Кучуктепа) характеризуется восточносредиземноморским типом. Оно сходно с предшествующим населением эпохи бронзы на этой же территории (могильники Сапаллитепа и Джаркутан), с одной стороны, и с синхронным сакским населением Памирского плоскогорья, с другой.

4. На рубеже нашей эры и в первой половине I тысячелетия н.э. в оседлоземледельческом и городском населении по-прежнему превалирует восточносредиземноморский тип. Однако, с конца I тысячелетия до н.э. в составе городского населения (Дальверзинтепа, Старый Термез) и в меньшей степени земледельческого (Ялантуштепа, Ангор, Айртам) присутствует и другой европеоидный тип, отличающийся более округлой формой головы и широким средневысоким лицом. Этим расовым типом характеризовалось в основном скотоводческое население Бактрии (Тулхар, Аруктау и др.). Наличие

его в составе оседлого населения указывает на проникновение скотоводов в земледельческие оазисы и крупные городские центры. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что обычай лобно-затылочной деформации головы, широко бытовавший у скотоводов, распространяется на часть городского и земледельческого населения (Дальверзинтепа, Айртам, Шахтепа и др.). В расовом отношении население этих городов и поселений неоднородно, кроме основного восточносредиземноморского типа - представлен также матуризованный европеоидный тип, присущий скотоводческому населению юга Средней Азии.

5. Монголоидная примесь у населения Бактрии с середины I тысячелетия до н.э. по У в.н.э., за исключением единичных случаев, не прослеживается ни у скотоводческого, ни у земледельческого населения.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У НАРОДОВ СССР

М.В.Акопян
(Ереван)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (по материалам этносоциологического обследования г. Еревана)

I. Средства массовой информации оказывают большое влияние на повышение уровня культуры населения, т.е. способствуют социальному развитию народов и в то же время распространению национальных ценностей, могут влиять на этнические процессы. Для изучения этого влияния необходимо выяснить степень распространения различных средств информации и приобщения к ним различных групп населения. Этот этап прошло исследование, результатами которого мы намерены поделиться.

2. Рассматриваются четыре основных средства массовой информации - печать, радио, телевидение, кино. Исходной задачей было выявление наиболее распространенного канала массовой информации. Предварительный анализ показывает, что таким каналом служит телевидение. Печать, радио и кино занимают соответственно второе, третье и четвертое места.

3. С точки зрения особенностей приобщения социально-демографических групп к различным каналам информации наблюдается следующая картина: старший возраст предпочитает телевидение, а молодежь больше посещает кинотеатры. С повышением образовательного и квалификационного уровня усиливается избирательность в отборе информации. Особой разницы в потреблении массовой информации между женщинами и мужчинами, коренным населением и мигрантами не установлено.

4. Установлено избирательное отношение населения к содержательной стороне информации.

В.К.Бондарчик
(Минск)

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ БЕЛОРУССКОЙ ССР[1]

I. В формировании нового быта и культуры как части советского образа жизни ведущее место принадлежит городу. За годы Советской власти изменился национальный состав белорусских городов. В 1926 году белорусы в городах БССР составляли 39,3 %, в 1970г. - около 70 % населения.

2. В процессе интернационализации производственной сферы жизни важную роль играет многонациональность трудовых коллективов. Этническая мозаичность большинства обследованных нами коллективов приближается к этнической мозаичности городского населения. 95,5 % респондентов заявили, что национальный состав коллективов никакого значения для трудовой жизни не имеет. Из всех сфер этнических контактов производство является той сферой жизнедеятельности людей, в которой наиболее чаще возникают межэтнические дружеские связи. По данным анкетного опроса 65,7 % респондентов имеют друзей среди представителей других национальностей.

3. В процессе межэтнических дружеских взаимоотношений происходит активный обмен национальными культурными ценностями. 34 % респондентов, имеющих друзей другой национальности, переняли от них элементы духовной культуры и 33,5 % - элементы материальной культуры. Труд в многонациональных производственных коллективах в значительной степени способствует формированию интернационального образа жизни людей.

4. Интернационализация широко охватывает общественно-политическую сферу. Длительные и интенсивные межэтнес-

---

[1] По материалам этносоциологического исследования, проведенного сектором этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР в 17 городах республики (1976 - 1977 гг).

кие контакты в производственной сфере, общественной деятельности и быту играют важную роль в интеграции духовной культуры горожан, распространении общих культурных навыков и норм поведения. Объективно этому способствуют единство идеологии, всё возрастающие экономические и культурные связи между нациями и народностями СССР.

Расширение интернациональной основы духовной культуры представителей различных этносов не ведет однако к нивелировке в ней национально-специфических черт. Белорусы на территории республики несколько больше других этнических групп горожан ориентированы на народную культуру и свои национальные духовные ценности. Так, 42,3 % опрошенных нами белорусов предпочитают народную музыку (русские - 38,3 %, Украинцы - 39,6%, поляки - 33,9%, евреи - 23,1 %).

5. В Белорусской ССР, как и во всей нашей стране, сложились благоприятные условия для различных межэтнических контактов, в том числе межнациональных браков. Анализ 300 тыс. актов о заключении брака показывает, что основная масса межнациональных браков падает на городское население и особенно на индустриально-промышленные центры, где их доля достигает 40-50 %. В национально-смешанных семьях при выборе национальности представителями второго поколения не отмечено предпочтения национальности отца или матери.

6. Основным направлением современных этнолингвистических процессов является интенсивное развитие двуязычия. В городах 89,4 % белорусов владеют русским языком свободно - говорят, читают, пишут; 3,4 % - свободно говорят, но не читают и не пишут; 3,9 % - владеют пассивно; 2,6 % - понимают и могут объясниться и только 0,7 % опрошенных белорусов не владеют русским языком.

Г.П.Васильева
(Москва)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

I. Процесс развития социалистических наций неразрывно связан с их сближением и в то же время сочетается с консолидацией внутри наций, что выражается, в частности, в сближении отдельных этнографических групп, прежде относительно самостоятельных. В результате происходит обогащение национальной культуры и быта каждой социалистической нации за счет включения определенных элементов культуры отдельных этнографических групп народа, процесс дальнейшего развития их общих традиционных элементов культуры.

2. Вопросы внутреннего развития социалистических наций довольно часто затрагивались в нашей литературе и некоторые исследователи считают, что процессы внутреннего этнического сплочения в настоящее время в известной мере завершены. Однако процессы консолидации, сближения и взаимовлияния культур продолжаются и в наши дни.

3. Туркменская нация сформировалась в годы Советской власти, и процесс национальной консолидации в ней происходил гораздо быстрее, нежели у наций, сложившихся до Октябрьской революции. Стирались различия в материальной и духовной культуре локальных и племенных групп, формировалось единое национальное самосознание. Культурное влияние шло прежде всего из Ашхабада и центральных районов республики, населенных текинцами. Литературный туркменский язык сформировался на основе текинского диалекта.

Локальные центры, в которых еще до революции началось сближение мелких племенных групп с крупными туркменскими племенами, постепенно теряют свою обособленность.

4. Однако в процессе консолидации туркменской нации, как показали конкретные полевые исследования 1977 г., культурное влияние не всегда распространяется из центра республики.

5. Туркмены восточного побережья Каспийского моря и прилегающих степей, принадлежавшие к туркменам-йомудам отделения джафарбай и огурджали, задолго до присоединения к России втянутые в торговые и культурные контакты с Кавказом и русскими, были одной из наиболее развитых в социальном отношении групп туркменского народа и дольше других сохраняли свое культурное своеобразие.

6. В 30-е - 40-е годы в связи с развитием нефтяной промышленности в Западном Туркменистане возникают новые города и рабочие поселки, в которые переселяется значительное число местного населения. Среди них в культурном отношении доминирующее положение занимают потомки джафарбайцев. Их материальная и духовная культура, претерпевающая изменение под влиянием городской культуры, распространяется не только среди окрестного сельского населения, но и далеко на восток, вытесняя многие элементы общетуркменской культуры.

7. Это влияние более всего заметно в культуре населения колхозных поселков кызыл-атрекского и кызыл-арватского районов. Оно сказывается в национальной одежде, интерьере и народном прикладном искусстве, в некоторых элементах духовной культуры.

8. Интересно протекает процесс стирания обособленности в культуре у туркмен, живущих на окраине республики. Так, в пограничных с Ираном селениях Чандырской долины идет нивелировка локальных черт культуры и восприятие ряда общесоветских форм, минуя многие общетуркменские элементы национальной культуры.

Л.П.Веревкин
(Грозный)

СТИРАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ РАБОЧИХ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ (на материалах Чечено-Ингушской АССР)

I. Интеграционные процессы, происходящие в советском обществе, охватывают все сферы общественной жизни. Ведущей силой этих процессов выступает многонациональный советский рабочий класс. Наряду с этим происходит непрерывный рост внутреннего единства, внутренней социальной однородности рабоче-

го класса.

2. Процесс сближения образа жизни в сфере культуры рабочих разных национальностей необходимо рассматривать, с одной стороны, как результат интернационализации общественной жизни социалистических наций и народностей, а с другой, как результат выравнивания социальной структуры национальных отрядов рабочего класса. Для социалистического типа интернационализации общественной жизни характерно добровольное сотрудничество и взаимопомощь народов, преодолевающее местную и национальную обособленность и обеспечивающее широкие возможности для межнационального общения, для обмена материальными и духовными ценностями.

Интенсивное межнациональное общение, единство социалистической идеологии и мировоззрения создают основу для развития интеграционных процессов в духовной культуре народов.

3. Важнейшим фактором развития единой по своей сущности социалистической культуры выступает русский язык, ставший языком межнационального общения. Распространение русского языка способствует активному усвоению общесоветских и инонациональных культурных ценностей.

4. Приобщение к инонациональной культуре растет по мере интенсивности межнационального общения. В то же время, как показали исследования, проведенные в Чечено-Ингушетии, а также в Татарской АССР, Молдавии, Грузии, сохраняется связь с национальной культурой. Общность единой по своему социалистическому содержанию культуры советских наций не означает, однако, что они в потреблении и создании культурных ценностей не имеют особенностей; сохраняющиеся различия в социально-классовой, социально-профессиональной структуре наций накладывают отпечаток на уровень развития их культурных потребностей населения. Единство социалистической культуры, её содержание не исключает в настоящее время наличия различных уровней освоения этой культуры разными социальными группами и слоями нашего общества, а отсюда - и определенных культурных различий между ними.

5. Исследования, проведенные в различных регионах нашей страны, показали, что особенности национально-культурных ориентаций рабочих определяются, главным образом, существующими различиями между социально-профессиональными слоями внутри рабочего класса разных национальностей.

Л.Г.Гафт, Е.Д.Игитханян
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТРЯДОВ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

I. Весной 1977 г. сотрудники Группы социологических исследований национальных отношений ИСИ АН СССР провели выборочное исследование, целью которого явился анализ явлений, связанных с развитием колхозного крестьянства национальностей союзных республик, в данном случае Латвийской ССР и Узбекской ССР. Объектами анализа явились два колхоза, типичные для соответствующих республик. Это - колхоз им.Куйбышева Пастдаргомского района Самаркандской области Узбекской ССР и колхоз "Саркани Старс" Мадонского района Латвийской ССР.

2. Становление социальнооднородного общества предполагает активизацию процессов сближения классов, групп, слоев во всех областях жизни, в различных социальных средах, на различных микро- и макро-уровнях.

При рассмотрении колхозников латышской и узбекской национальности по профессиональной структуре мы наблюдали тенденции, характерные для всего советского колхозного крестьянства: рост механизаторских кадров, сокращение числа колхозников, занятых неквалифицированным физическим трудом. Но при детальном рассмотрении выявляются и определенные различия, связанные главным образом с количественными показателями этого процесса.

Различия в квалификации колхозников двух республик объясняется не только историческими условиями, традиционными навыками населения, но также уровнем развития промышленного производства в республике, спецификой сельскохозяйственного труда, степенью урбанизации и индустриализации районов.

3. Углубление научно-технического прогресса в сельском хозяйстве сопровождается непрерывным повышением требований к уровню образовательной подготовки сельских тружеников. И если принять во внимание, что исходные позиции для колхозников двух республик - Узбекистана и Латвии были совершенно разные, то большие изменения в уровне образования были у узбекских колхозников.

4. Изучение семей колхозников также подтверждает закономерные тенденции в развитии нашего общества - становление социальной однородности. Распределение колхозных семей по их социальной гомо- и гетерогенности показало, что эти процессы наблюдаются как у латышских, так и у узбекских семей и примерно с одинаковой интенсивностью.

Тем не менее семья отражает в большей степени традиционные черты социального развития нации и обладает большей степенью их устойчивости. Так, например, распределение глав семей по полу показало, что в латвийском колхозе почти половину семей возглавляют женщины (47 %), в то время как в узбекском - лишь 5 %.

Семья узбекского колхозника продолжает оставаться многодетной: около 60 % исследуемых семей имеют свыше 4 детей, в то время как подобных семей в латвийской деревне практически нет (I,I %).

Высок удельный вес у узбекских колхозников сложных семей - 73,4 %; среди латышей сложные семьи составляют не более I2 %.

М.Н.Губогло
(Москва)

ВОПРОСЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ У НАРОДОВ СССР

I. В связи с возрастанием роли социального прогнозирования , в том числе в области национальных отношений, важной становится задача организации исследований с непосредственной прогностической ориентацией. Решение подобного рода задач в области языковых процессов зависит прежде всего от того, насколько полно, всесторонне и близко к действительности удается охарактеризовать современную языковую экологию, в том числе распространение двуязычия в различных сферах жизнедеятельности. Как исторический процесс, двуязычие развивается во времени и в пространстве, обладает определенными признаками и свойствами, развивается под воздействием комплекса объективных и субъективных факторов, имеет для своих носителей важные социально-культурные и этно-психологические последствия. Например, среди факторов, способствующих развитию двуязычия, наряду с непосредственными этническими контактами, немаловажную роль играют школа, армия, степень функциональной развернутости национальной культуры.

2. Для эффективного управления процессами двуязычия необходимо знать, в какой степени и в каких масштабах "управляем" каждый фактор. Иными словами, при разработке прогностических задач, надо учитывать не только степень воздействия того или иного фактора, но и степень возможного регулирования его со стороны общества. Вряд ли, например, следует доказывать, что школа относительно легче, чем многие другие факторы, способствующие складыванию двуязычия, поддается целенаправленному воздействию.

Для использования школьного фактора в прогнозах двуязычия ключевое значение имеет систематическое определение соответствий между потребностями населения в том или ином языке обучения и реальными возможностями, которыми располагает общество.

3. Многомерный этносоциологический анализ параметров двуязычия создает исходные предпосылки для перехода к его моделированию. Важнейшая функция моделирования заключается в комплексировании самого явления, а также способов его изучения. Задачи моделирования сводятся к выяснению основных тенденций и закономерностей развития языковой жизни народов СССР, в том числе закономерностей развития двуязычия. При этом моделирование может производиться на разных уровнях - в континууме от целостной системы этноязыковых процессов до отдельных факторов, ситуаций, подсистем, элементов и прочих показателей.

4. Современный этап моделирования двуязычия характеризуется тем, что предпринимаются отдельные предварительные шаги: определяются подсистемы этноязыкового процесса, выявляются системообразующие связи языкового компонента с отдельными компонентами этноса, разграничиваются и конкретизируются основные параметры двуязычия, разрабатывается методика и процедуры количественного измерения, взвешивается социальный эффект, выявляется национальная специфика речевого поведения, делаются попытки предварительных прогнозов, имеющих пока частный, локальный характер. На очереди - моделирование механизмов проявления двуязычия, социально-этнических последствий, взаимосвязи между компетенцией - деятельностью - ориентациями. В перспективе - моделирование двуязычия в более широкой системе национальных отношений в СССР.

Л.М.Дробижева
(Москва)

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Межнациональные контакты имеют место в разных сферах - в труде, в общественно-политической жизни, в быту - семье, соседском и дружеском окружении.

Отношение людей к таким контактам в каждой из сфер общения и само общение в разной мере зависят от социальных, культурных, исторических и личностных факторов. Социаль-

ные факторы всегда остаются решающими. Значимость же исторических и культурных обстоятельств для каждого народа или группы народов в каждой из сфер общения может различаться. В силу особого интереса этнографов к культурно-бытовым аспектам жизни народов остановим внимание на их взаимосвязи с межнациональными отношениями. Проведенные этносоциологические исследования в рамках проекта "Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций" среди основных национальностей Молдавии, Грузии, Узбекистана, Эстонии, РСФСР дают возможность рассмотреть эту взаимосвязь на конкретном материале.

Уровень культуры населения и культурно-бытовые традиции наиболее тесно взаимосвязаны с межнациональными отношениями в бытовой сфере. Лишь двуязычие как культурный фактор практически в равной мере связан и с производственным общением.

Широкие межнациональные контакты при благоприятных межнациональных установках не ослабляют внутриэтнической консолидации основных национальностей союзных республик. Вместе с тем они способствуют оптимизации социально-этнических процессов - аккумуляции инонациональной информации для собственного социального и культурного роста и тем самым для увеличения тех пластов культуры, которые имеют "общий язык" с культурой других народов и общесоветской и прогрессивной мировой культурой.

Как показывают материалы этносоциологических исследований, у некоторых народов наблюдается наибольшая "открытость" в межнациональных связях и установках на общение. Это касается и многочисленных национальностей (например, русских в своей и инонациональной среде) и немногочисленных этнических групп (например, болгары в Молдавской ССР) в условиях благоприятного социального развития.

Отношение к межнациональному общению и сами межличностные контакты связаны прежде всего с нормативной сферой культуры, в том числе исторически сложившимися традиционными нормами поведения и в меньшей степени - с ориентациями в сфере профессиональной культуры (поскольку последние чаще всего предопределяются социально-профессиональными потребностями и культурными интересами).

Естественно, у тех народов, в современной жизни которых пласт традиционной культуры играет меньшую роль, влияние его на межнациональные отношения меньше (величина этого пласта, особенно весомость в нем нормативной культуры, не всегда коррелируется с урбанизацией). Связь межнациональных отношений с национальными ориентациями в сфере профессиональной культуры повышается, когда тем или иным элементам её придается этносимволизирующее значение (например, национальные ансамбли рассматриваются как предмет национальной гордости).

Чем меньше распространены узконациональные ориентации в культуре у широких кругов населения, тем чаще это сочетается с расположенностью к межнациональному общению и реальными контактами (показательны в этом отношении группы квалифицированных рабочих в городе и на селе, механизаторов в деревне). В принципе, это касается не только социальных, но и этнических групп.

В.А.Забелина, А.Д.Бегзи
(Кызыл)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ТУВИНСКОЙ АССР

I. Ускоренные темпы развития Советской Тувы оказали существенное влияние на изменение социально-экономических характеристик ее населения, в первую очередь коренного. В 1944 г. тувинцы в республике составляли 85% населения, по переписи 1959 г. - 57 %, а к 1976 г. 61%, что связано с особенностями естественного движения и миграции населения. Тувинцы относятся к числу наций, составляющих большинство населения в пределах своей автономии, при этом практически все тувинцы живут на своей этнической территории (в 1970 г. - 97,1 %).

Значительные сдвиги произошли в социальной структуре тувинцев. В 1945 г. рабочие и служащие составляли лишь 9,4 % населения, колхозники - 19,8 %, а более 70 % населения были некооперированными аратами; перепись 1970 г.

показала уже практически полное сближение тувинцев по социальной структуре с населением всей страны (рабочие - 61 %, служащие - 16, колхозники - 23 %). Происходит освоение тувинцами нетрадиционных для них видов занятий в промышленности, строительстве и других несельскохозяйственных отраслях производства.

2. Значительный прогресс достигнут в повышении общеобразовательного уровня тувинского населения.

Происходит интенсивный процесс формирования национальной интеллигенции. Численность тувинцев с высшим и средним специальным образованием за последние 20 лет увеличилась в 8 раз, а их доля в общей численности специалистов - с 16 % до 32 %. По ряду специальностей (педагоги, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники) доля национальных кадров приближается к показателю, соответствующему удельному весу тувинцев в численности населения.

3. Материальная культура тувинцев приобретает современный, урбанизированный облик. Для нее характерна тенденция постепенного стирания национальных особенностей, в то же время сохраняются хорошо приспособленные к климатическим условиям, специфике труда и быта сельских жителей некоторые виды жилища, средств передвижения, одежды, домашней утвари. Заметны национальные различия в структуре потребления продуктов питания.

4. Особую актуальность приобретают вопросы трудообеспеченности производства и стабильности кадров народного хозяйства. В связи с этим требуется проведение в Туве широких этносоциологических исследований. Целесообразно расширение комплексных полевых исследований, начатых в 1977 г. Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР совместно с Тувинским Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории.

Н.И.Здоровега
(Львов)

ОБЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКОВ И ОБРЯДОВ НА УКРАИНЕ

I.Становление современных праздников и обрядов на Украине началось сразу же после победы Советской власти. Уже в 20-е годы на Украине наметилась классификация советских праздников и обрядов: революционно-государственные, трудовые, календарные и семейные. Формы их бытования отличались определенной спецификой, которая изменялась, обогащаясь новыми чертами в процессе развития советского общества.

2. Качественно новые формы приобрела советская обрядность в период зрелого социализма . "Только с социализма, - писал В.И.Ленин, - начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни". (ПСС, т.36, с.178). За последнее время сформировался комплекс современных праздников и обрядов, которые, следуя за И.А.Крывелевым, мы разделяем на общественно-гражданские, лично-семейные, лично-гражданские. В проведении каждого праздника прослеживается интернациональное содержание, одновременно в них, особенно в обрядах семейного и календарного циклов, заметна национальная специфика.

3. Советская гражданская обрядность на Украине в настоящее время вошла в новую фазу своего развития. На современном этапе она служит активным идеологическим арсеналом одной из действенных форм нравственной, этической, эстетической и морально-политической воспитательной работы.

В.Я.Калитс
(Тарту)

О РОЛИ ТРАДИЦИЙ В РАБОЧИХ КОЛЛЕКТИВАХ

В лаборатории коммунистического воспитания Тартуского государственного университета проводится конкретно-социологическое исследование по теме "Направление социального развития рабочих коллективов". В рамках этой работы

в 1973 г. для трех Таллинских машиностроительных заводов была составлена анкета "Наш труд и отдых" с целью сбора материала о проблемах, связанных с настоящим и будущим завода. На основе этого исследования руководителям заводов можно представить обоснованные предложения по устранению явлений, которые препятствуют нормальному труду и отдыху трудящихся. В анкету были включены (по инициативе и при помощи автора)и некоторые вопросы по трудовым традициям (всего 10 вопросов). Анкеты заполнили около 1000 человек. Полученные материалы обработаны на ЭВМ в ВЦ ТГУ.

Результаты исследований трудовых традиций позволяют нам сделать следующие предварительные выводы:

1) Трудящиеся считают самым важным внимание коллектива к работнику в момент крупных событий в личной и трудовой жизни - уход на пенсию, трудовой юбилей в связи со стажем на заводе, по специальности и др., получение государственной награды.

2) Внимание коллектива выражается по мнению опрошенных в признательности труженику со стороны коллектива. Выражением признательности считают прежде всего: получение бытовых льгот (например, лучшей квартиры), премирование бесплатной туристической путевкой, благодарность в приказе.

3) Общественное мнение сложилось в пользу трудовых юбилеев, связанных со стажем работы на заводе или по специальности. Такие юбилеи считают возможным отмечать при стаже работы в 25, 30, 40 лет и более.

4) Трудящиеся считают возможным отмечать в коллективе дни рождения, когда человеку 50, 60, 65 и более лет.

Из традиций, связанных с символикой коллектива, считают необходимым в первую очередь использовать - значок стажа, знамя, значок за заслуги.

Из традиций, укрепляющих чувство патриотизма и дружбы народов, в первую очередь считают полезными и необходимыми: экскурсии, туристические поездки, встречи со специалистами своей профессии, с представителями братских

республик и другими народностями нашей страны.

В числе негативных традиций называют вышивку по случаю получения зарплаты и прочих подобных событий.

Мнения об организации мероприятий связанных с традициями, на заводе относительно невысокие. Абсолютно довольны мероприятиями лишь I,I - I6,4 %.

Уже по этим предварительным подсчетам мы сможем представить некоторые предложения по улучшению работы в области внедрения новых трудовых традиций.

Р.С.Карапетян
(Ереван)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЕРЕВАНА И ВЛИЯНИЕ ИХ НА ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ (по материалам этносоциологического обследования г.Еревана)

I. Этносоциологическое обследование населения Еревана позволило выявить специфические стороны формирования современного социальнокультурного облика его населения. Бурный рост города в основном обеспечивался миграцией городского и сельского армянского населения как внутри республики, так и из-за её пределов.

Этносоциологическое исследование позволило установить соотношение коренного ереванского населения и мигрантов различного типа (внутриреспубликанских - городских и сельских, мигрантов из других республик Союза ССР, репатриантов).

Материалы обследования дают представление о доле мигрантов и коренных жителей среди представителей различных социально-профессиональных групп.

2. Миграционные группы города, кроме общих черт, имели различия социальнокультурных параметров. Особенности миграционных групп обусловливались той средой, откуда они переехали в Ереван.

3. В процессе социальной адаптации в среде мононационального города происходит сближение культурных параметров миграционных групп. Эти группы привносили вместе с тем разнообразие элементы инонациональной культуры.

4. Одну из особенностей этнических процессов в таком быстро растущем городе как Ереван составляет то, что при преобладании процессов этнической консолидации здесь сохраняется своеобразие культуры мигрантов разных поколений и их детей.

5. Спецификой города является также довольно широкое распространение двуязычия при выраженном мононациональном составе населения.

Е.Н.Котова, Л.М.Лойко

(Ленинград)

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО БЫТА НАСЕЛЕНИЯ "КОНТАКТНЫХ ЗОН" ПОВОЛЖЬЯ

Отдел Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР ряд лет ведет работу по заполнению тематических пробелов в своих собраниях. При сборе коллекций по отдельным народам учитываются все их локальные группы и разновидности.

За последние годы экспедиционные работы проводятся в "контактных зонах", где тот или иной народ живет небольшими группами в инонациональной среде, что придаёт его быту своеобразный характер. С одной стороны, он принимает некоторые локальные черты своего окружения, с другой - стойко сохраняет свои традиционные особенности.

Экспедиционная работа отдела в 1976 г. проводилась среди западных групп татар ТАССР и восточных марийцев. Западная группа татар живет на границе с ЧАССР. Материалы по этой своеобразной, малоизученной группе, мишарями по языку, чувашами по быту, до настоящего времени в наших коллекциях отсутствовали.

Изучение современного состояния быта и духовной культуры западных татар, сохранивших элементы традиционной

культуры позволяет в какой-то мере реконструировать их прошлое. Кроме того, нами ставилась задача изучения тех коренных изменений, которые произошли в жизни этой группы за годы Советской власти.

У восточных марийцев, живущих на территории Удмуртии, помимо сбора материала по исторической этнографии, проводилась работа по изучению современного традиционного праздника "окрашудо" (буквально "дикий чеснок"), имевшего в прошлом древнюю религиозную основу; этот весенне-летний праздник в настоящее время превратился в народное гулянье, посвященное подведению итогов весенних полевых работ. Собранный материал по названному празднику будет использован при разработке новой экспозиции "Современные праздники и обряды народов СССР".

В.Кронис
(Рига)

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ В ИНТЕРЬЕРЕ ЖИЛИЩ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

I. В период индустриализации социалистического сельского хозяйства быстро возрастает уровень культуры сельского населения, что отражается в оформлении интерьера жилища.

2. В качестве главного источника данного сообщения использованы материалы Института истории АН Латвийской ССР, собранные в этнографических экспедициях в 1973-1977 гг. Для исследования взято по одному сельсовету в пределах каждого историко-этнографического района, квартиры в них были выбраны по принципу механического отбора.

3. Обследованные жилища находятся: а) вне перспективных сельских поселков, на хуторах и в других населенных местах; б) в домах, возведенных у ферм или других производственных объектов; в) в перспективных или сельских подсобных поселках.

4. Обследованные жилища хронологически группируются:

а) традиционные дома, возведенные в XIX в. В них часто встречаются шкафы, кровати, стулья, комоды, входившие в приданое и изготовленные местными ремесленниками; б) возведенные в XIX в., но перестроенные в XX в., а также построенные в первых десятилетиях XX в. В них ярко выражена функциональная дифференциация помещений; мебель, изготовленная сельскими ремесленниками, чередуется с современной мебелью фабричного производства, приобретенной в 50–70 гг. В жилищах сельского населения различных национальностей заметны различия в использовании декоративных элементов; в) односемейные и коммунальные жилые дома, возведенные по типовым, реже индивидуальным проектам в годы строительства социализма, в квартирах которых преобладает современная фабричного производства мебель.

5. В квартирах новых перспективных поселков интерьер современнее, лишь с некоторыми отличиями от интерьера жилых квартир в городе.

6. В связи с движением населения и возрастанием контактов с другими советскими республиками у населения разных национальностей усиливается взаимодействие традиций в создании интерьера жилища, все чаще наблюдается заимствование.

С.М.Мирхасилов.
(Ташкент)

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ОТРАЖЕНИЕ ИХ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Глубокие прогрессивные изменения, произошедшие в Узбекистане после победы Великой Октябрьской социалистической революции, предопределили преобразование семейно-брачных отношений. Если в предвоенные годы решающее значение для изменения семейного уклада жизни узбеков имели коллективизация и внедрение в быт норм социалистического общежития, то в послевоенные годы главными детерминантами куль-

турно-бытовых изменений выступали такие процессы как урбанизация, профессионализация и интеллектуализация (прежде всего громадный сдвиг в образовательном уровне широких кругов населения, в том числе женщин как в городе, так и в селе).

Этнографические материалы и социологические исследования, проведенные сектором конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР и сектором этнографии советского периода Института истории АН Уз.ССР в 1974-1976 гг. дают возможность проследить, как социально-культурные изменения влияют на культурно-бытовую жизнь в частности, в такой социальной ячейке как семья. Во всех социальных группах ориентация на семью очень высокая. Распространение городских стандартов жизни и на сельскую местность вместе с ростом материального благосостояния и культуры привели к тому, что основной формой семьи сейчас является малая семья. Рост образования и социальных запросов стимулируют повышение трудовой занятости женщин, изменилось её положение в семье.

Для современной семьи характерно равноправие её взрослых членов, уважение их друг другу. Тенденцией времени является установление между супругами и всеми членами семьи небывалых прежде товарищеских отношений. Идет глубокий процесс изживания старых традиций семейных отношений и формирования новых. Подавляющее большинство опрошенных мужчин и женщин оценили сложившиеся у них в семье отношения как отношения хорошие.

Материалы исследований показывают как благоприятные отношения в семье, рост образования родителей влияет на социальное продвижение детей.

Наблюдается тенденция некоторого увеличения числа смешанных в национальном отношении браков. Большинство опрошенных благоприятно относятся к таким бракам, при этом не менее, чем 1/5 населения считают необходимым сохранять и уважать традиции каждого из супругов. Довольно широко распространены социально-смешанные семьи.

Для современной семьи узбеков характерны в целом те же тенденции, что для других народов Советского Союза.

Л.Ф.Моногарова
(Москва)

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ССР

1. Доклад основан на этностатистических данных и полевых материалах, собранных автором за время командировок в города Таджикской ССР (Душанбе , Орджоникидзеабад, Регар, Куляб, Исфара, Ура-Тюбе и Хорог). В изучении этнических процессов важное место занимает исследование этнических контактов в семейно-брачной сфере - динамики смешанных в национальном отношении браков. Итогом, находящим в конечном счете отражение в этнических процессах, является выбор национальности подростками из национально-смешанных семей.

Учитывая абсолютную численность контактирующих в изучаемых городах народов, были выбраны для исследования таджики, русские, узбеки и татары.

2. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о весьма высокой устойчивости эндогамности таджиков, узбеков, русских и татар в изучаемых городах. Несмотря на наличие различных вариантов национально-смешанных браков, выбор национальности подростками из национально-смешанных семей также свидетельствует об устойчивой эндогамности таджиков и узбеков.

3. Наши материалы показывают, что в случае смешанных браков таджикского и узбекского населения (преимущественно мужчин) с лицами других национальностей потомство выбирает соответственно таджикскую

или узбекскую национальность. В результате этого численность таджиков и узбеков имеет дополнительный прирост. Таким образом, статистические материалы подтверждают устойчивость таджикского и узбекского этносов в Таджикской ССР. Этим также подтверждаются выводы об устойчивости этнических характеристик (признаков или особенностей), сделанных на основе изучения языкового поведения, потребления культурных ценностей, семейного быта, семейных обычаев и обрядов в национально-смешанных семьях. В национально- смешанных семьях для подростков характерно при выборе национальности причисление себя к более крупному этносу.

Р.Г.Мухамедова
(Казань)

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ

I. Татарский народ населяет многие районы нашей страны, но основная его масса издавна живет в районах Среднего Поволжья и Прикамья, которые являются территорией его раннего этнического развития. Татарская нация сложилась в условиях дореволюционной России (конец XIX - нач. XX вв.). В годы Советской власти в её структуре произошли глубокие изменения.

2. Характерной особенностью развития экономики Татарии в советскую эпоху явились более высокие, по сравнению с общесоюзными, темпы роста, причем развитие шло преимущественно в направлении строительства крупной промышленности, - что по существу решало проблему ликвидации экономической отсталости Татарии. Ускорились социальные процессы, в первую очередь, урбанизация, социальная мобильность. Конкретные социологические исследования социально-этнических отношений, проведенные сектором социологических исследований Института этнографии АН СССР в Татарской АССР, показали, что татарская нация, в прошлом в громадном большинстве крестьянская, к 1970 г. достигла общесоюзного уровня развития социально-классовой и социально-профессиональной структуры.

3. Сущность этнических процессов, связанных с внутриэтнической интеграцией и дальнейшим развитием татарской нации, выражается в исчезновении обособленности различных групп одного и того же этнического корня (казанских и других татар, мишарей, кряшен, тептярей и др.). Сложились однотипные общенациональные образцы культуры, прежде всего национальный язык. Все это способствует общности черт национальной психологии (укреплению общих черт в характере, нравах, привычных обычаях и традициях). В то же время происходит сближение татар с другими народами страны, сопровождающееся созданием общесоветских форм культуры и быта (межэтническая интеграция).

4. Процесс сближения татарского народа с другими народами нашей страны протекает в условиях как регионального, так и всесоюзного межнационального общения. Особенно сильные этнические смешения и взаимовлияния культур происходят на границах расселения татар и башкир. Здесь с давних пор происходило обоюдные заимствования или создание переходных форм - схожий быт, унификация материальной и духовной культуры.

Составной частью этнических процессов по пути сближения татар с другими народами страны является прежде всего распространение русского языка как языка межнационального общения. Происходит сближение художественных вкусов, духовных запросов, что, в свою очередь, усиливает процесс межэтнической интеграции, в котором диалектически сочетаются интернациональное и национальное, общее и особенное.

К.В.Сехбосян
(Ереван)

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ГОРОДСКОМ БЫТУ

(По материалам города Ленинакана)

I. При исследовании культуры и быта современного городского населения важное теоретическое и методическое значение имеет учет всей совокупности условий формирования и функционирования того или иного города. Ленинакан

относится к числу городов с давно устоявшимися традициями производственного и общественно-семейного быта. Здесь, как и всюду, наряду с новыми чертами, возникшими всецело в современную эпоху, в трансформированном и преобразованном виде продолжают функционировать традиции прошлого. В связи с этим чрезвычайно актуальны вопросы о месте традиций в нем и о соотношении и формах взаимопроникновения традиционных и инновационных явлений.

2. Сложение Ленинакана (в прошлом Гюмри, Александрополь) как города относится к первой половине XIX в. Он всегда представлял собой значительный торгово-ремесленнический город, со сложившимися устоями амкарства в производственном быту и переплетением восточных и европейских черт в общественно-семейном быту. Появление первых промышленных предприятий и строительство железной дороги придали новый размах росту города. В этих условиях в среде горожан сформировалась определенная ориентация к конкретным занятиям и сферам производства, которая явственно прослеживается и в наши дни.

3. В годы социалистического строительства весь этот комплекс условий был в значительной степени учтен при планировании производственного и культурно-бытового развития города. При наличии общих закономерностей развития социалистического города в быту ленинаканцев дают о себе знать обычаи и установления "традиционалистского" периода. Поэтому не случайно, что ленинаканцам свойственна, например, склонность к техническим специальностям, их формы организации повседневного и праздничного быта, ритуально-престижного поведения и др. в некоторых отношениях отличными от общеармянских.

4. Изучение культурно-бытового своеобразия ленинаканцев, на наш взгляд, дает нам основание, при исследовании современного города акцентировать внимание на наличие или отсутствие "традиционалистского" (термин употребляется нами условно) периода, имеющего исключительное значение для понимания всего механизма функционирования и развития культуры и быта населения.

А.А.Сусоколов
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ МИКРОСРЕДЫ И САМОСОЗНАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

I.Одна из основных задач этносоциологии - изучить, как различные формы межэтнических отношений и компоненты этнических процессов зависят от основных факторов микросреды межэтнического общения, которое должно быть рассмотрено с учетом его конкретных возможностей и социальной структуры непосредственно контактирующих групп.

2. При изучении закономерностей этно-социальных процессов закономерно стремление к более полному использованию массовых источников - данных загсов, паспортных столов, переписей и т.д. Эти источники обеспечивают широкую межрегиональную сравнимость результатов анализа. Ценность их возрастает при использовании статистических методов.

3. В известной мере этноассимиляционные процессы связаны с частотой браков между представителями контактирующих национальностей и выбором детьми от таких браков национальности, официально закрепляемым при получении паспорта. Выбор национальной принадлежности последними в значительной степени определяется ситуацией, в которой происходит выбор.

4. Статистический анализ данных по Молдавской ССР показал, что частота межэтнических браков различных национальностей определяется прежде всего численностью, взаимным расселением национальностей и соотношением их социального состава.

Статистический анализ данных паспортных столов позволил выяснить зависимость частоты выбора детьми от смешанных браков национальности одного из родителей от таких факторов, как соотношение численностей контактирующих групп, взаимное распределение национальностей в населения
социальной структуре, сочетание пола и национальности

У родителей, пол ребенка. К сожалению, эти данные не позволяют учесть социальную принадлежность родителей. Точный учет влияния каждого из перечисленных моментов на браки и выбор национальности позволяет судить об основных тенденциях развития межэтнических отношений и прогнозировать в известной степени развитие этноассимиляционных и консолидационных процессов в изучаемом регионе.

Л.А.Ткаченко
(Киев)

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАКАРПАТЬЕ

I. Советское Закарпатье - историко-этнографическая область Украинской ССР, находящаяся на стыке расселения восточных и западных славян, венгров и румын. Край является зоной активного взаимодействия нескольких генетически разнородных культур.

2. В 1972-1975 гг. в сельской местности Виноградовского и Тячевского районов Закарпатской области УССР нами изучались современные этносоциальные процессы. Объектом исследования были избраны трудящиеся украинской, венгерской и румынской национальностей.

3. Сегодня все народы, живущие в этом многонациональном крае, имеют однотипную классовую и социально-профессиональную структуру и тенденции её развития характерные для развитого социалистического общества.

4. Особенно убедительно выглядят достижения трудящихся области за годы Советской власти в сфере народного образования. Уровень образования украинцев, венгров, румын и других народов, населяющих Закарпатье, достиг общесоюзного уровня.

5. Функционирование родного и неродных языков зависит от этнической среды. Значителен удельный вес языка своей национальности среди украинцев, венгров и румын, живущих в однонациональных селах. В смешанных украинско-венгерских селах все больше развивается двуязычие: среди

венгерского населения возрастает степень функционирования украинского языка; среди украинцев (хотя и в меньшей степени) распространяется венгерский язык. Во всех сферах деятельности трудящихся Закарпатья важнейшим средством межнационального общения (имеются в виду и контакты разного уровня с трудящимися других регионов страны) служит русский язык. В настоящее время для всех народов края характерен билингвизм и трилингвизм (русский, украинский и язык своей национальности).

6. Одной из характеристик высокой активности населения в потреблении культуры является пользование библиотечными фондами: ими постоянно пользовались 53,2 % украинцев, 57,9 % венгров и 38,3 % румын выборочной совокупности. Многие трудящиеся имеют домашние библиотеки. Значителен интерес трудящихся всех национальностей к периодической печати.

7. Постоянный рост благосостояния трудящихся способствует изменениям в культурно-бытовой сфере. Большинство новых домов закарпатцев построены по современным проектам. Коренным образом изменился интерьер; повсеместно вошла в быт мебель фабричного производства. Вместе с тем сохраняются отдельные элементы традиционного убранства народного жилища, приобретая новое, чисто эстетическое звучание. Инициаторами культурно-бытовых изменений являются группы квалифицированного труда работников и молодежь. Центр этнической специфики смещается из сферы материальной в сферу духовного быта народов. Так, лишь 10,8 % украинцев, 10,8% венгров и 15,3% румын указали на национальную одежду, жилище и пищу как на признаки, роднящие их с людьми своей национальности.

8. Современные процессы этнокультурного развития народов, населяющих Закарпатскую область УССР, отражают общую тенденцию развития наций и их всестороннего сближения в СССР.

Л.А.Фадеев
(Москва)

СОВЕТСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

I. Становление советской этнической психологии как особой отрасли этнографической науки было осложнено напряженной идеологической борьбой. Специфика её задач затемнялась слабой разработанностью теории этноса и свойственной тому времени приблизительностью представлений о месте этнографии среди других наук.

2. Теоретическое обоснование современной концепции этнической психологии дано в труде Ю.В.Бромлея "Этнос и этнография" в I973 г. Этнопсихологическая проблематика выступает здесь логическим следствием общей постановки проблемы этноса, а также находит прочное методологическое обоснование в трудах основоположников марксизма.

3. Этническая психология является отражением общественного (этнического) бытия людей. Она детерминирована общественной (этнической) практикой. Отражение общественного бытия в психике формируется и развивается в рамках универсального всемирно-исторического процесса, образуя соответственно формационным состояниям общества устойчивые комплексы психического склада.

4. Изучение психических особенностей этнических общностей в советской этнопсихологической науке связано с коммунистическим преобразованием общества. Поэтому советская этнопсихология не только объясняет явления этнической психологии, но и стремится найти оптимальные решения психологических проблем, возникающих в этническом развитии народов СССР. В приложении к зарубежным народам эта тенденция выражает мирные устремления советского народа как неизменную органическую особенность советского общества.

5. Важнейшую задачу советской этнической психологии составляет изучение диалектической связи между социальными и этническими моментами в психологии. Первые из

них отражают непосредственную социальную практику людей, они подвижны, динамичны, в последних проявляется некая результанта социальных отношений, закрепленных межпоколенной передачей, с ними связаны традиционные, консервативные психологические состояния.

6. Сложность соотношения этнических и социальных моментов в психической жизни людей может создать определенные трудности в практике национального строительства. Этнопсихологические исследования способствуют их разрешению, если постановка задач, отбор и оценка этнопсихологического материала, равно как и последующее его обобщение определяются интересами пролетарского интернационализма.

7. В настоящее время этнопсихологические исследования ведутся в Институте этнографии АН СССР, а также в Институте социологии АН СССР и ряде других учреждений СССР.

Б.Б.Хубиев
(Нальчик)

ВЛИЯНИЕ ТИПОВ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ИХ ЖИТЕЛЕЙ (по материалам этносоциологических обследований в КБ АССР)

I. Постановка проблемы вытекает из гипотезы, что межпоселенческие различия имеют "не только внешний аспект, но и внутрисельский, т.е. проявляются не только между городом и деревней, но и между крупными и мелкими сельскими поселениями" (Ю.В.Арутюнян). Сельские поселения кабардинцев типологизируются с учетом их величины, географического местоположения и близости к городу.

2. Дифференцированный подход к изучению культуры сельского населения, её анализ в связи с конкретной средой делает более наглядным решение проблемы преодоления существенных различий между городом и деревней в области культуры.

3. В сообщении взаимосвязанно рассматриваются некото-

рые элементы материальной культуры (жилище и интерьер), структуры и численности семей, образовательный уровень жителей, степень бытования некоторых элементов культуры.

4. Влияние типологических характеристик поселений на культуру и быт жителей села раскрывается путем генетического и функционального анализа. В первом случае изучается степень сохранения традиционных элементов культуры и быта вообще и в различных типах поселений в особенности, что позволяет установить доминанту их сохранения. Во втором случае для установления зависимости функционирования урбанизированной и интегрированной культуры от типологических характеристик села упор делается на функциональный анализ, т.е. на степень бытования тех или иных элементов культуры в различных микросредах.

5. Сближение города и села в сфере культуры становится более эффективным в случае исчезновения существенных различий между селами разного типа.

Л.Н.Чижикова
(Москва)

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ БЫТУ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

I. Традиционно-бытовая культура, сложившаяся в районах смешанного русско-украинского расселения на территории Белгородской и Курской областей ко второй половине XIX в., представляла собой сплав разновременно возникавших и разнородных компонентов. В быту сформировавшихся в полосе смежных этнических территорий локальных этнических групп этнодифференцирующие свойства наиболее ярко проявляли такие устойчивые компоненты культуры как язык, одежда, структура семьи, обряды, устно-поэтическое творчество, народное искусство.

2. В период развитого социализма наблюдается актив-

6 - 248

ный процесс бытового и культурного сближения народов и этнических групп, сопровождающийся постепенной нивелировкой прежних локальных особенностей быта, что не исключает сохранения некоторых национальных его форм.

3. Степень устойчивости этнической традиции зависит от сложного сочетания факторов социально-экономического, этнического и психологического характера. Изменилось соотношение устойчивых и неустойчивых признаков в различных компонентах культуры. В процессе урбанизации широко распространяются стандартизированные предметы материальной культуры, соответствующие современному экономическому уровню и культурным потребностям сельских жителей.

Один из наиболее "этничных" в прошлом компонентов культуры - одежда, под воздействием городской моды и распространения в сельской местности фабрично-заводских изделий, стал в ряд изменчивых элементов. Вместе с тем во многих селах сохраняют этнические функции праздничные, обрядовые, театральные формы одежды.

Традиционные особенности в повседневном быту этнических групп сильнее проявляются в тех элементах культуры, которые более непосредственно связаны с укладом домашней жизни, с эстетическими представлениями, а также выражают развитие национального самосознания.

4. Сохраняются общие для русских и украинских групп населения традиционные особенности, сложившиеся в определенных природных и социально-экономических условиях, в результате длительного этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния.

5. Этнические традиции в современном быту сельского населения Белгородской и Курской областей не остаются неизменными, возникают новые традиции, а многие традиционные особенности исчезают или, наоборот, получают дальнейшее развитие и распространение. Вопрос о причинах возрождения и развития ранее угасавших традиционных элементов культуры требует дальнейшего исследования.

В.Н.Шамшуров
(Москва)

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Культурно-бытовые условия жизни сельских жителей Молдавии заметно отличаются в разных поселениях. Это связано не только с размером населенного пункта, но и особенностями расселения, с уровнем развития транспортного сообщения, близостью города и др. Заслуживают внимания вопросы о том, в какой мере различия условий жизни определяют состав жителей разных сел, степень выраженности тех или иных социальных явлений, особенности образа жизни.

Сравнивая различные группы сел(в качестве типообразующего признака выступают размер села, функциональная значимость, удаленность от города, регулярность автобусного сообщения и др.), мы отмечаем изменения показателей, характеризующих как население (его возрастную структуру, социальный состав, уровень образования и т.п.), так и его реальное поведение (миграция, частота посещений городских и сельских поселений и т.п.).

В качестве суммарного показателя, отражающего реакцию сельского населения на комплекс жизненных условий, мы берем динамику численности населения.Если население сел растет (или остается стабильным), то это указывает на благоприятные условия в них с точки зрения жителей. Напротив, сокращение численности свидетельствует о недостаточном уровне развития поселения. Тем самым мы получаем возможность рассмотреть различные варианты сочетания поселения и социальной среды,и на этом основании судить о запросах различных групп сельского населения.

Специфика Молдавии состоит в том, что здесь преобладают крупные сельские поселения, культурно-бытовые условия в них мало в чем отличаются от небольших городов. Это оказывает влияние на характер социально-этнических процессов в Молдавии, на степень урбанизированности культуры сельского населения.

В.А.Бдоян
(Ереван)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ГОМАСЕНЯК У АРМЯН ДЖАВАХКА.

I. Гомасеняк (гоми ода - комната при хлеве) - помещение, которое является составной частью хлева. У населения Армении это помещение называлось турецким термином ода, который распространился среди армянского и инонационального населения Армении.

2. Гомасеняк имел широкое распространение в разных областях исторической Армении. Время его появления не поддается точному определению; можно полагать, что оно появилось тогда, когда население часть хлевов зимой использовало для жилища и сооружало в них каменные, земляные или деревянные возвышения.

3. В Джавахке гомасеняк представлял собой специальный отсек в хлеве. Он имел особые и разнообразные формы пола, перекрытия потолка и камин (бухари). В Джавахке по принципу гомасеняк изредка строились и помещения, примыкающие к глхатуну, получавшие тепло тонира последнего.

4. Гомасеняк у части населения, особенно у сельских старейшин, имел многофункциональное значение как место для проведения собраний общин, игр и бесед мужчин и юношей, семейной и общинной гостиницы, сцены и амфитеатра теневого театра, клуба певцов, сказителей эпоса и рассказчиков.

5. Деревянные детали гомасеняка и камина украшались искусной резьбой. В орнаментальных мотивах этой резьбы вплоть до XX в. сохранялись отголоски некоторых культовых представлений.

В гомасеняке иногда хранились священные книги, совершались венчания, крещения и другие обряды. Можно полагать, что гомасеняк с его многофункциональным назначением восходит к временам глубокой древности.

Н.В.Бикбулатов
(Уфа)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕЙ МОДЕЛИ БАШКИРСКОЙ СИСТЕМЫ РОДСТВА

Ретроспективное изучение башкирской системы родства для восстановления её исчезнувших архаических черт основывается на сопоставлении: I) вокативных и референтивных терминов; 2) подсистем кровного родства и свойства; 3) диалектных вариантов терминов; 4) башкирской системы родства в целом с системами родственных народов. Определенные ориентиры дает также изучение вышедших из широкого употребления пережиточных терминов.

Для древней башкирской системы родства характерны следующие признаки, утраченные современной системой:

I. Обозначение родителей классификационными терминами (слитность прямой и боковых линий родства во всех поколениях).

2. Различение родителей матери и отца; существование особого термина для брата матери.

3. Выделение специальными терминами детей и внуков сестры.

4. Существование взаимных терминов для детей сестер.

По-видимому к древней системе восходят и сохраняющиеся ныне взаимные термины для мужей сестер и жен братьев, вокативные термины для отчима и мачехи.

Остается неясным, охватывали ли классификационные термины для отца и матери всех сиблингов и кузенов (кузин) одного с ними пола, или только старших или младших. При двух последних случаях приходится допустить релевантность критерия относительного возраста в поколении ро-

дителей (и частично выше) уже в весьма отдаленные времена. Она была возможна при условии, когда элементарное родство "родители - дети", хотя и сознавалось и обозначалось референтивными наименованиями, существенного значения в социальном плане не имело. Иными словами, низшей социальной ячейкой общества была скорее всего большесемейная община.

Разграничение братьев и сестер "эго" на младших и старших, а также смешение представителей двух смежных поколений было характерно для систем родства урало-алтайских народов, по всей вероятности, с древнейших времен. А это означает, что эти системы, хотя по бифуркативно-линейной характеристике и выявляют определенную близость к известным типологическим моделям, в вертикальном (поколенно-возрастном) разрезе издревле отличались большим своеобразием.

В.К.Борисенко
(Киев)

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ПРИАЗОВЬЯ

I. Приазовье заселялось украинскими и русскими крестьянами. В освоении степных земель Украины участвовали также болгары, чехи, греки, сербы, гагаузы и другие народы.

Традиционно-бытовая культура различных групп населения Приазовья периода капитализма отличалась большим разнообразием, в том числе специфическими особенностями в обычаях и обрядах. Но уже в то время создавались условия для активных межэтнических взаимосвязей.

2. Общность исторических судеб различных групп населения региона, интенсивное развитие промышленности и капиталистических отношений в деревне приводили к ломке национальных перегородок, способствовали взаимовлиянию в области их материальной и духовной культуры. Форми-

ровались, в частности, общие черты в свадебной обрядности народов, живущих в Приазовье, прежде всего у украинцев и русских. Они прослеживались в основных обрядовых действиях, в свадебном фольклоре и пр.

3. Дольше сохранялась специфика свадебной обрядности у греческого, чешского и болгарского населения, но в начале XX в. появляются общие черты, наблюдается проникновение элементов украинской и русской свадебной обрядности.

4. За годы Советской власти в процессе сложения новой исторической общности людей - советского народа, происходит формирование общесоветских черт в семейной обрядности. В свадебной обрядности в быту всех народов Приазовья утверждается ритуал торжественной регистрации брака.

5. Как показали проведенные исследования, общим для современной свадьбы всех народов Приазовья можно считать: повязывание сватов вышитыми рушниками, приготовление свадебного каравая, "шишек", бытование свадебных украинских песен. У многих народов Приазовья популярны болгарские пляски "хоро". Наблюдаются взаимовлияния и в приготовляемых блюдах для свадебного стола. Составной частью свадебной обрядности всех народов стала торжественная регистрация брака.

Специфические особенности у разных народов Приазовья сохранились в обычае приглашения на свадьбу, в обряде одаривания молодых; у греков и болгар большую роль на свадьбе играют посаженные мать и отец, у украинцев и русских более, чем у других, распространен обычай свадебного ряженья.

Современные этнические процессы у народов Приазовья способствуют формированию общих черт свадебной обрядности в этом регионе.

6. На степень сохранности традиционных свадебных обрядов и на их преобразование оказывают влияние такие факторы, как этнический и социально-профессиональный состав населения конкретного населенного пункта, уровень его образования, длительность и интенсивность связей его с другими народами.

Л.М.Варданян
(Ереван)

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ЧЕРТЫ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ АРМЯН (по материалам этносоциологического обследования г.Еревана)

I. Семейно-праздничные традиции являются своеобразным индикатором ориентированности населения на этноспецифические черты в современной культуре. Значительное место среди них принадлежит свадебной обрядности, которой нами будет уделено основное внимание.

2. Обзор материала позволяет говорить о том, что у армян еще довольно сильна приверженность к национальным обычаям в культурно-бытовой сфере, в частности, в области семейной обрядности (отмечается высокий процент свадеб с соблюдением традиционных элементов национального обряда).

3. Из новых форм свадебных торжеств относительно большее развитие получило просто застолье (в ряде случаев опять-таки не лишенное отдельных традиционных элементов) и в меньшей степени - свадебное путешествие.

Вместе с тем, обращает на себя внимание недостаточно высокий организационный и эмоциональный уровень церемониала регистрации брака в загсах.

4. Решающими факторами, влияющими на состояние семейной обрядности, являются: возраст, образование (как самого респондента, так и его родителей), социальное положение, прежняя этническая среда мигрантов, срок их адаптации в городе, степень прочности родственных связей не только в самом городе, но, что особенно важно и показательно, и с селом.

5. Отношение различных слоев населения к разным видам свадебных торжеств выявляет картину состояния свадебной обрядности в наши дни и соотношения в ней традиционных и новых элементов.

6. Ориентация на тот или иной вид свадьбы дает возможность составления прогноза для моделирования свадебной обрядности в ближайшем будущем.

Ю.Г. Гошко
(Львов)

К ВОПРОСУ О БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ В ЗАКАРПАТЬЕ

I. В трудах некоторых дореволюционных (О.Охримович, О.Франко, М.Зубрицкий) и советских исследователей (И.Ф. Симоненко и др.) было высказано мнение о бытовании у украинского населения Карпат в конце XIX - начале XX столетия большой патриархальной семьи. Однако авторы этих исследований располагали лишь весьма фрагментарным материалом и высказывания их представляются недостаточно аргументированными.

2. Пережитки семейных общин и следы существовавших в прошлом больших семей в Карпатах хорошо прослеживаются по документальным материалам XУ-XУI столетия.

3. В Карпатах в силу ряда экономических и политических причин (относительная личная свобода населения, постоянная его миграция и др.) к концу XУI в. повсюду сложились благоприятные условия для развития малой семьи.

4. Документальный материал, собранный нами, свидетельствует, что в конце XУII и в XIX вв. вновь появляются условия для известного возрождения большой неразделенной семьи как вторичного явления.

В.П.Дьяконова
(Ленинград)

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ НА СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОБЫЧАИ У ТЕЛЕНГИТОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

В настоящее время специфические особенности традиционного свадебного обряда, присущие прежде тем или иным этническим группам алтайцев, проследить весьма сложно. В современном семейном быту алтайцев прочно укоренились новые формы обрядности.

Однако в ряде сельских местностей, особенно в Кошагачском и Улаганском районах Горно-Алтайской автономной области элементы свадебной обрядности еще функциониру-

ют и поныне, хотя и в модернизированном виде. В названных районах издавна локализована одна из групп южных алтайцев - теленгиты.

Наиболее действенными традициями в свадебной обрядности теленгитов, по-видимому, являются те, которые наиболее четко закреплены в сознании лиц старшего возраста.

Так, до сих пор вступление в брак лиц, предки которых относились к одному и тому же родовому подразделению, встречает весьма серьезное осуждение со стороны родителей и старших родственников молодых.

Как дань традиции соблюдается обряд сватовства (кудо), когда родители и родственники жениха едут с подарками и подношениями к родителям невесты, для обговаривания места и даты проведения свадьбы.

Оформлению брака, свадебному церемониалу иногда предшествует акт фиктивного похищения девушки её будущим мужем. Теперь оно совершается по предварительной договоренности и "умыкают" невесту не тайно, а увозят на автомобиле или мотоцикле.

У теленгитов девушкам до замужества в семье готовят нарядную с вышивкой и крытую шелком шубу, длиннополую безрукавку (чегедек) и шапку. Родители и родственники девушки считают своим долгом снабдить её всем необходимым для обстановки и убранства дома, выделяют из личного хозяйства часть скота для нее. Во время свадебного тоя в специально установленном жилище за занавеской совершается обряд одевания невесты, расчесывания её волос.

Этнографическое изучение теленгитов Горного Алтая свидетельствует о том, что в настоящее время в их семейно-брачных обычаях сохраняют определенное значение традиции.

К.Калилов
(Фрунзе)

НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ У КИРГИЗОВ

Сектором этнографии Института истории АН Киргизской ССР в течение ряда лет и в различных районах Киргизии

проводился сбор материалов по новым семейным обычаям и обрядам. Результаты этих исследований обобщены в предлагаемом докладе.

За 60 лет Советской власти произошли огромные политические, социально-экономические и культурные преобразования в общественной жизни и семейно-бытовом укладе киргизского народа. Изжиты многие отрицательные социальные явления - продажа девушек за калым, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних и т.п.

В результате социалистических преобразований и борьбы с вредными пережитками сформировалась советская киргизская советская семья. У молодежи нет экономических преград для заключения семейного союза по любви. Брак теперь в абсолютном большинстве заключается на основе свободного взаимного выбора без вмешательства родителей и духовенства.

В настоящее время у киргизов бытует переживающая изменения традиционная обрядность, сохраняется немало её прогрессивных элементов, развивающихся на социалистической основе, и в то же время складываются совершенно новые, успешно внедряемые в быт церемониалы.

Из всех семейных обрядов наиболее значительным считался свадебный.Свадьба прежде требовала крупных материальных затрат и длительной подготовки, участия многих родственников в её проведении, соблюдения различных церемоний.

Обязательными для предсвадебного периода являлись сговор между родителями молодых людей без их согласия, выплата калыма. Часто встречались такие формы сватовства: сговор между родителями еще не родившихся детей, или детей, еще лежащих в колыбелях.

Молодые люди, достигшие брачного возраста, не имели права жениться без согласия родителей.

Сейчас молодые люди сами выбирают себе супругов, нередки межнациональные браки, которые никем не осуждаются. Под влиянием советской действительности изменилась психология старшего поколения.

Ушли из жизни многие унизительные и обязательные в прошлом обычаи: запрет для невестки называть по имени родственников и родственниц по мужской линии; обычай избегания их, когда она не могла показываться им вовсе или показывать свое лицо, вступать с ними в разговор, а если являлась такая необходимость, то обязана была говорить шепотом, отворачиваясь; обязанность кланяться при каждой встрече всем старшим по возрасту мужчинам из родни мужа и т.д. Все эти обычаи были крайне стеснительны для молодой невестки, но невыполнение их вызывало всеобщее осуждение.

В прошлом брак оформлялся при участии представителей мусульманской религии и при соблюдении многих религиозных обрядов. Теперь и в городах, и в селах бракосочетание происходит во дворцах и "домах счастья" и это вызывает одобрение.

В киргизской семье получают развитие совершенно новые обряды, в частности, "дни рождения детей", которые отмечаются не только в семье, но и в дошкольных учреждениях, школах и т.д.

День рождения киргизского ребенка в прошлом отмечался; это - "бешик той" (колыбельное торжество) - традиционное угощение в день первого укладывания ребенка в колыбель, сопровождавшееся некоторыми религиозными церемониями. С ним связан и обычай "тушоо кесмей" (разрезание пут) - торжество, посвященное первому шагу ребенка.

Таким образом, в современной семейной обрядности у киргизов наблюдаются два тесно связанные друг с другом явления: в преобразованном виде продолжают бытовать традиционные обряды, возникают и внедряются в быт новые семейные обряды, отвечающие духу советского времени и социалистическому образу жизни.

Э.Т.Карапетян
(Ереван)

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ (по материалам этносоциологического обследования г.Еревана)

I. Формирование современной городской семьи определяется рядом факторов, среди которых значительную роль играют традиционные установки и ценностные ориентации жителей города. По характеру и степени воздействия традиций можно выделить три типа семьи, условно названных нами - сельским, маргинальным и городским.

2. В сельском типе семьи преобладают традиционные установки. В таких семьях традиционное сохраняется по межпоколенной информации, а регулятором в основном выступает сама семья и родственная группа.

3. В маргинальном типе семьи традиционное сочетается с современными стандартами. В семьях этого типа межпоколенная информация скрещивается с горизонтальной. Регулятором выступает, с одной стороны, родственная группа, с другой - социальная среда, вследствие чего в этом типе семьи наблюдаются различия между действительным поведением в семье и представляемым вне её сферы.

4. В городском типе семьи проявляется избирательное отношение к традиционному, которое сохраняется постольку, поскольку оно соответствует современным нормам поведения.

5. Интеграция традиционного и современного, в процессе которого происходит отбор целесообразного, определяет этническую специфику современной городской семьи.

Э.Кару
(Таллин)

СЕЛЬСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА И РОЛЬ ИХ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЭСТОНСКИХ КРЕСТЬЯН НА РУБЕЖЕ XIX - XX вв.

I. Развитие капитализма в Эстонии во второй половине XIX в. вызвало значительные изменения в общественной

жизни эстонской деревни и обусловило отмирание многих древних сельских общественных мероприятий. Стали изменяться прежние формы коллективных работ (толоки) и сопровождавшие их вечерние развлечения. Существенно изменились также традиционные виды и формы встреч и развлечений сельской молодежи.

2. Изменению общественного быта деревни способствовала деятельность различных добровольных обществ - сельскохозяйственных, пожарных, трезвости, но более всего музыкальных. Во второй половине XIX в. названные общества в Эстонии и Латвии были тесно связаны с национальным движением.

3. Во второй четверти XIX в. в эстонской деревне появились первые певческие хоры и оркестры. Число их стало быстро расти после первого всеэстонского праздника песни (1869 г.) повысился и их художественный уровень. Особенно много музыкальных обществ в эстонской деревне появилось в 1880-е годы. К концу XIX в. насчитывалось пятьдесят обществ с утвержденным уставом. Образцом для сельских музыкальных обществ служили городские общества - "Эстония," основанное в 1865 г. в Таллине, "Вайнемуйне," созданное в 1865 г. в Тарту и др.

Членами обществ были представители разных слоев сельского населения, в первую очередь интеллигенция и дворохозяева. Инициаторами и непосредственными организаторами обществ чаще всего были учителя. Территориально общества объединяли две-три деревни, волость или весь приход; наиболее крупные общества насчитывали до ста человек.

Большинство основанных в XIX в. музыкальных обществ действовали в экономически более развитой Южной Эстонии, на более отсталых западно-эстонских островах их совсем не было.

4. Основной формой деятельности музыкальных обществ были регулярные репетиции и проведение вечеров с подготовленной программой. Вначале проводилось два-три вечера в году, к концу столетия их число заметно возросло. Различные вечера проводили и другие общества, например,

общества трезвости.

Сельские культурно-просветительские общества сыграли немалую роль в приобщении эстонского крестьянства к городским формам общественной жизни и профессиональным видам искусства (музыка, театр).

Р.Х.Керэйтов
(Черкесск)

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ СТЕПНЫХ НОГАЙЦЕВ

I. Степные ногайцы издавна живут в Ногайских степях Северного Кавказа. Их этнические группы - джембойлуковцы, едисанцы, едшикульцы, караногайцы, костековцы, таркинцы, аксаевцы населяют Нефтекумский район Ставропольского края, Ногайский, Кизлярский, Бабаюртовский районы Дагестанской АССР. Обособленность от кубанских и других ногайцев способствовала сохранению степными ногайцами некоторых традиционных свадебных обрядов.

2. У степных ногайцев в отличие от кубанских и кумских устойчиво сохраняется традиция помолвки молодых людей. Роль сватов выполняют старшие родственники жениха. Невеста традиционно поселяется в "чужом доме". Со дня помолвки и поселения в "чужом доме" она выполняет общепринятые правила избегания. Институт избегания бытует и у других ногайцев, причем повсюду наблюдается постепенное изживание этого обычая.

3. В упрощенном виде сохраняется одаривание родственников невесты ("къуржын"). Обязательный в прошлом калым изжит, но отголоски этой традиции находят выражение в виде подарков родителям девушки. Отмечены пережитки прежних брачных ограничений.

4. В некоторых случаях под влиянием родственников старшего поколения исполняется религиозный обряд бракосочетания, хотя он и носит чисто символический характер. Молодожены при таком бракосочетании отсутствуют.

5. Современная свадебная обрядность степных ногайцев характеризуется широким внедрением в быт новых элементов. Молодые вступают в брак по обоюдному согласию. Растет число межэтнических браков. Изживаются левират и сорорат. Широко практикуется торжественная регистрация брака с обязательным обменом обручальными кольцами. В целом у степных ногайцев формируется свадебная обрядность, которая соответствует их современному быту.

6. Вместе с тем важной задачей остается изучение остаточных элементов свадебной обрядности, не отвечающих современным условиям. В связи с этим делается попытка обобщить работу партийных, советских и других организаций по внедрению в быт новых прогрессивных обрядов. В сообщении освещаются также незаслуженно забытые элементы свадебной обрядности: состязания борцов, силачей, всадников, певцов, сказителей.

К.Кубаков
(Самарканд)

СПЕЦИФИКА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА УЗБЕКОВ-КЫРК

В этнографической литературе отсутствуют сведения о свадебной обрядности узбеков-кырк. Задача доклада - познакомить специалистов с полевыми этнографическими материалами, собранными автором в течение последних лет среди населения кишлаков Малтан, Кешкавут, Муклабулак и др. (Галля-Аральский район Джизакской области Узбекской ССР), традиционно бывших местом расселения узбеков, причислявших себя к группе кырк.

В докладе рассматриваются традиции, связанные с периодом, предшествовавшим свадебному обряду. У узбеков-кырк в прошлом было принято выдавать замуж девочек еще не достигших 15 лет; девушка старше 15-16 лет считалась старой девой. Браки заключались, как правило, между родственниками (двоюродными и троюродными братьями и сестрами), жившими в одном и том же кишлаке или в соседних

селениях. Девушку старались не выдавать замуж за чужого человека, в отдаленное селение. Женщины, которым пришлось выйти замуж за людей, не состоявших с ними в родстве, и уехать далеко от родительского дома, считали себя бездомными (дословно "странницами" - мусафир). Сыновей женили по очереди, сначала старшего, затем младших. Если в семье была единственная дочь, то родители старались уговорить зятя жить в их доме; если же, кроме дочери, у родителей имелись и сыновья, то нужды в зяте-примаке не было. Но в любом случае родители предпочитали выдать замуж единственную дочь в семью, живущую поблизости.

Когда юноша собирался жениться, он обращался к своей янге или близкому другу, чтобы они сказали об этом его матери, а она, в свою очередь, сообщила бы отцу. Затем отец или родственники юноши приходили к родителям невесты сватами и договаривались, в случае их согласия на брак, о затратах на предстоящее празднество. В докладе освещаются ритуальные детали, связанные с этапом сватовства, в частности, обычай угощать сватов особыми блюдами (например, кескан аш), обычай преломления лепешки (нан синдириш) и др.

В докладе рассматриваются такие этапы свадебной церемонии, как "фатиха той", "калик уйнаш" или "куёвлаш", "кыз пули", "мулла пули", "кайина тавак", "женга тавак", "поёндоз тушаш" и другие. Особое внимание обращается на своеобразие обычаев, связанных с приездом жениха в дом невесты. При входе в комнату невесты жених, сопровождаемый друзьями, должен был традиционной формулой (куёв салами) приветствовать родителей и родственников невесты. Обычай требовал, чтобы мать или янга невесты отвечали жениху следующим образом:

Ўтринг, куёв, ўтринг
Жонимга асраган
қизимни бердим,
Ўтринг, куёв, ўтринг.
Богимдаги булбулимни
бердим.
Ўтринг, куёв, ўтринг.

Садитесь, зять, садитесь.
Душой взлелянную свою дочь
(тебе) отдала.
Садитесь, зять, садитесь
Из моего сада соловья
отдала
Садитесь, зять, садитесь.

После этих фраз присутствовавшие женщины повторяли: "Живите долго (кўп яшангизлар)!" - и жених с друзьями могли садиться. Женщины, произнося формулу "10 йиллик усма, 40 йиллик хина", требовали от жениха деньги или традиционный выкуп (12 хада). При входе в комнату невесты жениха осыпали деньгами.

Когда друзья жениха покидали комнату невесты и жених с невестой в первый раз садились рядом (кол ушлатар), обрядовые действия продолжались. Вокруг голов жениха и невесты обносили светильник или какой-либо горящий предмет, им показывали зеркало, чтобы их жизнь была светлой и счастливой.

Волосы невесты гладили по направлению к корням, при этом жених должен был взять невесту за правую руку: по этой причине он садился с правой стороны от девушки.

В руки невесте давали ребенка; нередко в руки жениха клали яиц, чтобы у молодых родился мальчик, а невесте - 4 яйца, чтобы родилась и девочка. После этих церемоний одна из присутствующих старух раскрывала постель и укладывалась на несколько минут, делала вид, что спит, а затем рассказывала присутствующим, какой она видела сон. Она вставала и в постели делали яму ("чукур тулдирар"), жених обязан был бросить в эту "яму" деньги. Затем жениха выводили на улицу, а невесту начинала одевать её янга (невеста не должна была одеваться сама). Перед увозом невесты все её подруги собирались в её комнате ("ийиллаш").

В докладе описывается встреча невесты с населением в кишлаке жениха ("бокан солиш" или "оркан солиш"), трехкратный обвод её вокруг костра ("оловни айлантириш"), обычай, предписывающий невесте кланяться порогу при входе в дом, открывание лица молодой на следующий день в присутствии всех родственников и мужа, а также другие обычаи и ритуалы.

В докладе рассматриваются различные поверья, связанные со свадебной обрядностью (толкование снов первой ночи молодых, традиция класть альчик на край одеяла) "курпача" и др.).

Многие обряды, свойственные свадебному церемониалу узбеков-кырк, известны и другим группам узбеков, а также другим народам Средней Азии (обычай "кампир улди", обычай усаживать невесту на овчинную шкуру "пустак" и т.п.). Наибольшие черты сходства обнаруживаются у групп, чья хозяйственная деятельность была связана преимущественно с кочевым и полукочевым скотоводством.

Г.Х.Мамбетов
(Нальчик)

КАЛЫМ У КАБАРДИНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - начале XX в.

I. Как и другие народы Северного Кавказа, кабардинцы в прошлом вступали в брак только с уплатой калыма. Его размер у представителей различных социальных слоёв общества был неодинаковым. В конце прошлого века он колебался от 250 до 500 рублей. Высокий размер калыма был причиной поздних браков мужчин, а также широко распространенных разбойных набегов на соседей, краж скота и т.д.

2. Со второй половины XIX в. в уплате калыма стали наблюдаться некоторые изменения. Они состояли не только в попытках ограничения размеров калыма, которые делались и ранее, как это видно из народных постановлений, принятых еще в 1807 г., но и в том, что перестала быть обязательной одновременная уплата всего калыма.

3. Калым во многих случаях стал выплачиваться в два приема, при этом нередко до перевоза невесты в дом жениха выплачивалась меньшая его часть. В отличие от предшествующего периода калым вносился не только скотом, но частично и деньгами.

Уплата калыма по частям породила необходимость в появлении ответственных лиц, ручавшихся, что оставшаяся часть калыма будет уплачена в установленный срок. В большинстве случаев такое поручительство было устным, но нередко оно оформлялось и письменно.

4. В конце XIX - начале XX в. стали встречаться случаи, когда невесту перевозили в дом жениха и без всякой уплаты калыма. При этом стороны в присутствии поручителей договаривались о сроках уплаты калыма. Однако эти сроки неоднократно нарушались, что вызывало споры и судебные разбирательства. Интересно, что среди множества судебных дел редкими были случаи, когда калым взыскивался непосредственно с зятя. Многие споры решались через посредников или медиаторские суды, часть - в официальных судах. Лишь в отдельных случаях суд или медиаторы изменяли размер калыма, и с ответчика взыскивали меньше оговоренной или даже указанной в брачном контракте суммы.

5. Об эволюции калыма свидетельствовал не только факт оставления его части (иногда половины) в хозяйстве зятя как собственности дочери, которая должна была способствовать её обеспечению в случае развода, но и то, что при установившемся порядке родители жениха по существу освобождались от уплаты этой части калыма: во второй половине XIX - начале XX века в Кабарде разводы были редким явлением. Фактически муж или его родители по своему усмотрению распоряжались этой "собственностью" жены или невестки.

6. Разбирательства, связанные с решением вопроса о невыплаченной части калыма, чаще всего возникали при разделах семьи, при создании женатым сыном самостоятельного хозяйства. Интересно, что такие тяжбы возбуждались обычно невестками или их родителями и только изредка мужьями.

7. Калым был повсеместно изжит в первые годы Советской власти. Однако в некоторых районах республики (в Терском, Урванском, Чегемском и др.) с конца 60-х годов под тем же термином "уасэ", т.е. калым, вновь распространился обычай денежных подарков, которые рассматриваются в качестве вознаграждения родителям невесты за их труды и свадебные расходы.

Г.Е.Марков
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ КОЧЕВНИКОВ
(по полевым материалам, собранным на Алтае)

В связи с наличием значительных разногласий в научной литературе относительно характера общественного строя кочевников, стоит задача дальнейшего вовлечения в научное обращение нового полевого этнографического материала. Этнографическое изучение населения Алтая осуществлялось неоднократно: опубликованы статьи и монографии. Тем не менее в его общественном строе остается много неясностей. Фактический этнографический материал вступает в резкое противоречие с данными, сообщавшимися дореволюционными авторами, а также с данными некоторых современных этнографических исследований. Указанное обстоятельство подтверждает необходимость дальнейшего этнографического изучения населения Алтая.

Общая оценка общественных отношений всего населения Алтая невозможна, т.к. в прошлом там были распространены самые различные хозяйственно-культурные типы и социально-экономические уклады.

Установлено, что различия в хозяйстве и общественных отношениях существовали не только между населением Северного и Южного Алтая, но и между небольшими территориальными, подчас соседствующими группами.

Этнографические исследования экспедиции Московского государственного университета под руководством автора доклада проводились во многих селениях Горного Южного Алтая среди алтайцев и казахов.

Традиционными занятиями этого населения были кочевое и полукочевое скотоводство, наиболее подвижное в окрестностях Кошагача, таежная охота и собирательство кедровых орехов. Земледелие из-за высокогорных климатических условий распространения почти не имело.

Детально исследованы формы и способы ведения скотоводческого хозяйства, годовой скотоводческий цикл, связанный

с условиями местности и имущественным положением хозяйств.

Установлено наличие в прошлом значительного имущественного и социального расслоения, различных форм эксплуатации, как в связи с отдачей скота "на выпас", так и наймом пастухов. Пастбища находились в общинно-племенном владении, и никаких правовых норм по продаже, купле, дарению и т.п. не существовало. Не возникало каких-либо поземельных отношений и в тех случаях, когда богачи или другие представители привилегированной верхушки захватывали пастбища лично для себя. Захват пастбищ в индивидуальное пользование получил широкое распространение в связи с проникновением на Алтай элементов капиталистических отношений. Таким образом, этот процесс напоминал "огораживание" в Англии.

Верхушку общества алтайцев и казахов составляли богачи и чины местной администрации. Более зажиточные середняки использовали также наемную рабочую силу. Интенсивно шло обеднение массы скотоводческого населения. Особенно эти процессы обострились в 1880-1890-х гг. с проникновением на Алтай капиталистических товарно-денежных отношений.

М.А.Меретуков
(Майкоп)

СЕМЬЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ АДЫГСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. В адыгском феодальном обществе существовали два вида семьи: феодальная и крестьянская, которые имели различную организацию.

2. Социальное положение и одно из важнейших занятий феодала - военное дело накладывали отпечаток на его семью. Феодал рассматривал брак как средство для упрочения хозяйственной мощи семьи, увеличения её богатства и обеспечения её военной безопасности. Семья была для него важным средством для завоеваний, осуществления административных функций, установления отношений с другими феодалами.

3. Князья и дворяне были верховными владетелями земли, располагали крупным скотоводческим хозяйством, имели право

на имущество своих крепостных. Они также являлись предводителями вооруженных сил, а на народных собраниях занимали самые почетные места. Сельскохозяйственными и домашними работами они не занимались, а проводили время на войне, охоте, в грабительских набегах на соседние земли.

4. Все домашние и хозяйственные работы у князей и дворян выполняли домашние рабы-унауты, крепостные крестьяне и другие феодально-зависимые люди. Имущественное и правовое положение крестьян, степень их зависимости от владельцев были различны. Унауты-домашние рабы были лишены личных, имущественных и семейных прав. Крепостные крестьяне, как и унауты, были собственностью владельца и передавались по наследству, но имели семью.

5. В крестьянских семьях все необходимые работы по дому и хозяйству выполняли оба супруга: мужчина занимался земледельческими работами, женщина - домашними, а также помогала мужу убирать зерновые и сено.

6. В пореформенный период с зарождением капиталистических отношений в среде адыгского крестьянства усилилась социальная дифференциация, выделялись кулаки и бедняки. В семье стали складываться элементы буржуазных отношений, переплетавшиеся с феодальными и пережиточно сохранявшимися патриархальными отношениями. С отменой крепостного права крестьяне стали юридически свободными. Бывшие унауты получили право на семью, обзавелись хозяйством. В пореформенный период ускорилось разложение пережиточно сохранившихся семейных общин.

7. Благотворное влияние на развитие адыгской семьи, особенно на её хозяйство и материальный быт, оказывала русская культура.

Р.В.Меркене
(Вильнюс)

ЖИВОТНОВОДЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ В ЛИТВЕ И БЕЛОРУССИИ (конец XIX - начало XX века)

I. Типологизация животноводческих обычаев (так же, как Установление их ареалов), является одним из наименее изученных вопросов развития духовной культуры в различных

социально-экономических условиях. В связи с этим наше исследование пока находится в рабочей стадии. Настоящее сообщение основано на архивном и полевом материале, собранном на территории Литвы (сеть - 15-20 км) и Западной Белоруссии (сеть - 100-150 км).

2. Животноводческие обычаи на изучаемой территории делятся на две группы: первую составляют общественные обычаи, выполняемые коллективом, объединенным местом жительства (деревня, село, местечко), общим землевладением или землепользованием (сервитутные и общие пастбища). Это - организация пастьбы, животноводческих праздников.

Вторая группа - это обычаи семейного и индивидуального характера, а именно различные магические обряды: предохранительные, стимулирующие, лечебные, а также вредоносные.

3. Распространение, бытование и отмирание обычаев первой группы тесно связаны с социально-экономическими условиями жизни крестьян. Неравномерность социально-экономического развития разных частей Литвы (с одной стороны - Центральной и Восточной, а с другой - Западной и Юго-Западной) и Белоруссии в капиталистический период отражалась на степени сохранности в них общинных форм выпаса.

4. На грани XIX и XX вв. из обычаев второй группы наиболее широко были распространены отличавшиеся религиозным синкретизмом предохранительные и стимулирующие обряды, выполняемые в день первого выпаса (в Северной, Западной и Южной Белоруссии, отчасти в Восточной Литве - выгон с вербой через положенное у порога яйцо, в Северной Литве и Северной Белоруссии - окуривание скота "освященными" зельями и т.п.). Вредоносная магия встречалась крайне редко.

5. В начале XX в. в районах наиболее интенсивного животноводства (Юго-Западная, отчасти Центральная Литва) обычаи второй группы вышли из употребления или приняли игровой характер. На степень их распространения влияла трансформация обычаев первой группы. Переход к

индивидуальной пастьбе привел к исчезновению обычаев, связанных с коллективными выпасами. С ростом общего культурного уровня, а также под влиянием распространения научных знаний в период социализма стимулирующие и лечебные обряды сохраняются лишь как незначительный пережиток.

А.Оразов
(Ашхабад)

НОВЫЕ ЧЕРТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ТУРКМЕНСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ И ОБЫЧАЯХ (по материалам Красноводской области Туркменской ССР)

Доклад посвящен изучению новых черт в традиционной свадебной обрядности и обычаях туркменского населения западных районов республики, где в прошлом жили преимущественно кочевые и полукочевые скотоводы, в меньшем числе - оседлые и полуоседлые земледельцы, а также рыболовы.

Социалистические преобразования, происшедшие за годы Советской власти в социально-экономическом строе и культуре туркменского народа, обусловили и глубокие изменения в их семейно-бытовом укладе, обычаях и ритуалах. В процессе формирования социалистического образа жизни преодолевались патриархально-феодальные пережитки в семейном быту, складывались новые формы советской семьи и семейных отношений.

Свадьба (гелин той) как и прежде, остается одним из самых многолюдных и веселых семейных праздников. Однако в советский период происходит отмирание устаревших элементов свадебного ритуала и наряду с этим развиваются многие национальные обряды, происходит обогащение свадебного торжества новыми советскими обычаями и обрядами.

Традиционные свадебные обычаи и обряды туркмен можно разделить на три основных цикла:

I) досвадебные - сватовство (савчи), сговор (гуда болма) - совет по организации свадебного торжества (генешой), уплата калыма за невесту;

2) собственно свадебные - свадебный поезд (гелин алыпжы,

атбашчы, енатлы), устройство паланкина для невесты (кежебе), свадебное угощение (той), акт бракосочетания (ника), игры и развлечения;

3) послесвадебные - изменение девичьей прически молодой (гелине баш салма), возвращение её в отцовский дом (кайтарма), подготовка приданого (сеп), обычай избегания мужем родителей жены, а жены - родителей мужа, и, наконец, выдел женатого сына из отцовской семьи (огул айырма).

В настоящее время преобладающей формой заключения брака в изучаемом районе, как и вообще у туркмен, является сговор родителей парня и девушки путем сватовства. Однако, как правило, молодые люди вступают в брак по взаимному согласию и любви, без калыма. Редко (при несогласии родителей невесты на брак) встречаются браки умыканием - "похищение" девушки, но только с её согласия.

В прошлом брак всегда сопровождался мусульманским обрядом бракосочетания (ника). Сейчас молодые обязательно регистрируют свой брак в местных бюро загсов и лишь в отдельных случаях после регистрации брака духовное лицо совершает религиозный обряд.

Изжиты архаические, не соответствующие современному быту обычаи и обряды: ранние браки, многоженство, левират, умыкание девушки против её воли, ношение женщиной яшмака и др. Изживаются и такие консервативные обычаи как кайтарма, избегание и др. Исчезли распространенные в прошлом запреты браков между представителями различных социальных и этнических групп.

Наряду с преобразующейся традиционной национальной свадьбой, с каждым годом все большее распространение в быту у туркмен, даже в наиболее отдаленных, отсталых в прошлом районах, получает новая форма свадьбы - так называемая комсомольская свадьба. Она отличается общесоветскими чертами, свойственными современным свадьбам других народов нашей страны. Наш материал свидетельствует также о постепенном сложении общетуркменской формы свадебного ритуала - исчезают прежние локальные разли-

чия в нем: туркменская свадьба по своей форме и по содержанию мало чем отличается как в городах - в Красноводске, Небитдаге, Ашхабаде, Мары, - так и в сельских районах.

М.Г.Рабинович
(Москва)

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКИХ ГОРОЖАН.

I. Семейные традиции русских горожан весьма важны для изучения многих сторон жизни русского народа в целом. Возникнув на основе семьи сельского населения, городская семья в дальнейшем стала активным элементом, влияющим на изменение быта как города, так и деревни.

2. Ко времени возникновения городов (IX - X вв.) у русских уже существовали две формы семьи - большая и малая. У городской верхушки, среди которой значительное место занимали феодалы, бытовала семья, объединявшая широкий круг родственников, рабов и иных зависимых людей, а также вольнонаемных слуг. Семья рядовых горожан еще в X - XIII вв. была по преимуществу малой. Однако процесс развития семьи от большой к малой не был однороден. При определенных хозяйственных и социальных условиях могли возрождаться большие семьи, с исчезновением этих условий возобновлялся процесс развития малой семьи. В XУI - XУШ вв. в городах большая семья удерживалась у социальных групп, владевших значительной собственностью, которую не хотели делить.

3. Семья горожан была преимущественно отцовской, значительно реже - братской. Часто встречались также семьи, в которых главой была мать-вдова. В XУI - XУШ вв. материнские семьи были более характерны для бобылей, духовенства и нищих. Среди тяглых городских сословий их было меньше.

4. Анализ переписных книг показывает, что в XУП - XУШ вв. у горожан преобладала семья из двух поколений, численностью в среднем 5 человек. На втором месте была семья из трех поколений, численностью 8 человек. Семьи из одного поколения , в среднем меньше 2-х человек, составляли менее I0% общего количества. Большие семьи из четырех поко-

лений представлены единицами. Важно отметить, что у различных социальных групп наблюдаются значительные отклонения от приведенных выше средних цифр.

5. Брачный возраст у горожан был издавна несколько выше, чем у крестьян. Нередки были браки ровесников, но чаще всего муж был старше жены на 3 - 10 лет. Браки, при которых жена была старше мужа, чаще встречались в среде духовенства.

6. Знакомство молодых людей в городе осуществлялось несколько легче, чем в сельской местности, но в основном происходило в сходных формах: при хождении по воду, в церкви, на гуляньях, на посиделках и вечорках.

7. Браки в городах заключались, как и в деревне, преимущественно по сватовству, которое осуществлялось кем-либо из старших родственников. Но в XVII в. появились и профессиональные сватуньи. Сговор сопровождался заключением письменного условия, в котором оговаривались не только имущественные вопросы, но и самый срок свадьбы, за нарушение которого виновная сторона уплачивала значительную неустойку.

8. Свадебный обряд у русских уже с конца X в. состоял из двух частей: "веселья" - древнего народного обряда - и церковного "венчанья". Если первая часть воспринята была горожанами из деревни и имела более важное значение в некоторых малых городах еще в середине XIX в., то вторая появилась вместе с христианством прежде в городах и из городов распространялась в деревню. Развитие свадебного обряда в городах характеризовалось в целом стремлением церкви слить обе части обряда, введя "венчанье" органично в состав "веселья". При этом локальные особенности "веселья" сохранялись в городах и в XIX в.

9. При рождении детей и в первые годы их жизни соблюдался сложный комплекс обрядов (церковных и древних народных), имевших целью „очищение" новорожденного, матери и повитухи, введение нового члена семьи в круг родичей и "лоно церкви ". Особая роль принадлежала крестным родителям - куму и куме; в крестном отце справедливо ви-

дят древнего авункулуса. Интересна также эволюция праздника наречения новорожденного - имянин.

IO. Погребальный обряд сложился в городе первоначально под влиянием окрестного сельского населения и имел соответствующие локальные особенности. На дальнейшее его развитие оказали влияние как православная церковь, так и требования санитарии, особенно важные для крупных городов, где скапливались значительные массы населения. Сложившийся в городах обряд погребения вытеснил древние обряды и из деревни.

II. Традиции русских горожан в области структуры и численности семьи сложились еще в древности. В XУП - XУШ вв. городская семья мало отличалась от семьи более поздней (XIX - начала XX вв.). Что же касается семейных обрядов, то они эволюционировали на протяжении всего периода существования городов и продолжают развиваться.

Я.С.Смирнова
(Москва)

О ТИПОЛОГИИ ОБЫЧАЕВ УМЫКАНИЯ (по материалам Северного и Западного Кавказа)

I. В мировой и отечественной, в частности в кавказоведческой, литературе единообразная классификация обычаев умыкания отсутствует, хотя преобладает тенденция различать две основные формы - действительное и мнимое умыкание. При этом в некоторых обычаях, например, в умыкании с согласия невесты, но против воли её родителей, одни исследователи видят действительное, а другие - мнимое Умыкание.

2. Различение только действительного и мнимого умыкания связано с преимущественным вниманием к генезису этой совокупности обычаев, а именно со стремлением выявить первоначальную форму и её пережитки. Теперь, когда Установлено, что действительное умыкание никогда не было нормальным и распространенным видом заключения брака,

своевременно обратить больше внимания на функции, а тем самым и на развернутую классификацию обычаев умыкания.

3. Данные, относящиеся к Северному и Западному Кавказу, позволяют выделить три таксономически равнозначных типа умыкания. Это - умыкание невесты против её воли и воли её родителей; с согласия невесты, но против воли её родни; с ведома и согласия всех заинтересованных сторон. С последним из названных типов граничит имитация умыкания в свадебном обряде, но она все же не может быть включена в данный типологический ряд, так как является не способом заключения брака, а элементом свадьбы.

А.Е.Тер-Саркисянц
(Москва)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ АРМЯНСКОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

I. В основу данного сообщения положены полевые материалы, собранные нами в 1976-1977 гг. с применением метода повторного исследования 23 сел Армянской ССР через 11 лет. Этот метод оказался весьма эффективным, поскольку дал возможность на конкретном материале проследить развитие современной семьи у армянского сельского населения за исследуемый период.

2. Общей тенденцией в аспекте социальной принадлежности сельских семей республики является увеличение доли семей промышленных рабочих, а также социально смешанных семей, и соответственно сокращение доли семей, все трудоспособные члены которых связаны с сельскохозяйственным производством. Этот процесс, характерный и для других республик СССР, следует рассматривать как результат урбанизации и индустриализации, т.е. исторически закономерный и прогрессивный.

3. Тенденция к некоторому уменьшению численного состава сельских семей наблюдается в общем в той или иной степени у всех социальных категорий семей за счет главным образом уменьшения доли семей в 8 и более человек и увели-

чения доли семей в 4–5 человек. Увеличение процента одиночек отмечается в основном у пенсионеров. Заметно также некоторое увеличение доли однопоколенных семей (главным образом за счет семей пенсионеров и семей рабочих и служащих) и соответственно снижение доли семей из двух и трех поколений (в основном за счет социально-смешанных семей).

4. Прослеживается тенденция к снижению показателя детности семей, обусловленная в первую очередь повышением культурного уровня населения (главным образом в результате повышения уровня его образования), а также занятостью женщин в общественном производстве.

5. Существенное значение для внутренней организации семейной жизни имеет рост авторитета и независимости армянских женщин в семье, обусловленный в первую очередь повышением их общеобразовательного уровня и социальной активности в сфере общественного труда; не менее важны также значительные изменения, происходящие в моральных ориентациях и поведении супругов, в постепенном освобождении их взаимоотношений от традиционных представлений. Меняется характер взаимоотношений представителей старших и младших поколений, в частности, происходит неуклонное сокращение сроков и степени распространения архаического обычая избегания.

6. Браки по-прежнему в большинстве случаев продолжают заключаться по сватовству, но оценочный критерий брачного партнера, особенно при выборе жениха, меняется: все большее значение придается уровню его образования и специальности.

Происходит расширение брачного круга за счет увеличения браков между молодежью разных сел и даже районов республики, между сельской и городской молодежью, причем возрастает удельный вес социально смешанных браков.

Изучение динамики брачных возрастов сельского населения за 1966 и 1970, 1972, 1974 и 1976 гг. (всего по 31.084 бракам) показывает, что, начиная с 1970 г., наблюдается общая тенденция снижения преобладающего брачного

возраста, которым в 1970-е годы у мужчин становится возраст в 23 - 26 лет, а у женщин - в 19 - 22 года.

7. Заметные изменения наблюдаются в основных семейных обрядах - свадебном и похоронном. Так, в современной свадьбе, с одной стороны, некоторые традиционные обряды перестают быть обязательными и постепенно исчезают, время исполнения других обрядов меняется, сокращаются обязанности тех или иных свадебных персонажей; с другой стороны, выявляется тенденция к дальнейшему увеличению пышности свадебного торжества, разнообразию и обилию угощения, увеличению числа и стоимости свадебных подарков, состава и стоимости приданого невесты.

Та же тенденция наблюдается и в похоронном обряде: с одной стороны, происходит упрощение ритуала, сокращение ряда традиционных моментов, в частности, числа поминальных дней, с другой стороны, - значительный рост денежных затрат на весь похоронный и поминальный цикл, включая и стоимость надгробного памятника.

8. В современном семейном быту армян все более утверждаются общие для всех советских народов праздники.

9. Отмеченные в современной семье тенденции наблюдаются сейчас в целом в той или иной мере в семьях разных историко-этнографических районов Армении, заметно отличавшихся друг от друга в прошлом своей спецификой. Важной тенденцией современности является постепенное стирание различий в быту, в частности, семейном, армян разных этнографических районов.

Многие тенденции развития современной армянской семьи являются общими для всех советских народов.

Л.А.Чвырь
(Москва)

СЕМАНТИКА ДЕТСКИХ ОБРЯДОВ У ТАДЖИКОВ

I. Изучение обрядов нередко требует применения различных методов анализа материала (типологического, историко-генетического, структурно-семиотического). Доклад посвящен попытке семантического анализа так называемых

детских обрядов у таджиков, что стало возможным благодаря целому ряду обстоятельств: своеобразию этнографических источников, частичному сохранению "народной семантики" обрядов, привлечению широкого круга аналогий (типологических и историко-генетических; связанных с древностью, средневековьем и новым временем и др.).

2. Первые сорок дней жизни ребенка ("чилля") обильно насыщены многочисленными обрядами, в которых принимают участие лишь женщины (родственницы и соседки). Центральное событие цикла - обряд "гахворабандон" (положение в колыбель). Сравнение многочисленных вариантов этого обряда выявило сходство и даже тождество идей, лежащих в их основе, но воплощенных в разных символах и образах.

3. Выделение и интерпретация магических действий и материальных атрибутов обряда "гахворабандон" показали, что прежде обряд осмыслялся как ритуальная имитация смерти и нового рождения ребенка.

4. Остальные обряды периода "чилля" необходимо рассматривать в связи с обрядом "положения в колыбель", так как они представляют собой единый идеологический комплекс, связанный с образом "порождающей, животворной смерти".

Н.Шатинова
(Горно-Алтайск)

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ АЛТАЙЦЕВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Историческая динамика изменений семейной обрядности алтайцев в советскую эпоху состоит в радикальном сокращении традиционных архаических элементов, связанных с рождением ребенка. В современных свадебных обрядах отсутствуют традиционные элементы, лишенные эстетической ценности и связанные с религиозными представлениями. Существенному изменению подверглись и похоронные обряды.

В настоящее время происходит диалектический процесс, в ходе которого реализуется тенденция к формированию общеалтайских форм семейной обрядности и происходит интенсивное сближение алтайских обрядов с русскими и общесоветскими.

Например, несмотря на некоторые локальные различия принимают единую схему свадебные обряды алтайцев вследствие сокращения традиционного цикла сватовства и иных архаичных элементов. В быт алтайцев входят свадьбы-вечеринки, родины, золотые и серебрянные свадьбы, праздники-юбилеи т.д.

Процесс формирования новой обрядности у алтайцев может иллюстрировать ход этнических процессов у них. Современные этнические процессы у алтайцев, судя по материалам развития семьи и семейной обрядности, характеризуются как процессы дальнейшей этнической консолидации алтайцев, так и дальнейшим их культурно-бытовым обогащением за счет иноэтнических влияний.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР

М.А.Агларов
(Махачкала)

ГЕОГРАФИЯ ЗЛАКОВ В ДАГЕСТАНЕ
(О роли народной селекции и этнокультурного традиционализма)

I. Дагестан, будучи древнейшим центром горного земледелия на Кавказе, известен как один из значительных очагов географической концентрации генетических признаков культурных растений (Н.И.Вавилов). Дагестан (особенно его горная часть) характеризуется также многообразием агроэкологических условий и этнической пестротой. Эти факторы предопределили географию культурных растений в рассматриваемой части Кавказа.

2. Исследования последних лет по аграрной культуре Дагестана (остаточные явления народной селекции, данные этнографии и лингвистики) позволяют судить о селекционной активности земледельческого населения на эмпирическом уровне при благоприятных для сортообразования агроэкологических условиях. Селекционной активностью населения объясняется сортовое разнообразие культурных растений в Дагестане, в чем убеждает и пример дикорастущих ботанических видов, которые при тех же экологических условиях не дают и малой доли подобной видовой множественности.

3. Сравнительный анализ агроклиматических зон (по С.В.Зонну) и географии пшеницы и ячменя в Дагестане (по Т.К.Енину) дает картину распространения сортов пшеницы и ячменя (за исключением больших экологических групп), их видов и подвидов, выходящую за пределы чисто "агроэкологических характеристик" и сосредоточение определенных культур в той или иной этнической среде. Причинами "этноаккумуляции" аграрных культур были особенности селекции, а также этнокультурный традиционализм, вытекающий из эт-

нической ситуации в Дагестане и на Кавказе в целом. Особенным стимулом селекции являлась борьба за укрупнение зерна и повышение урожайности в условиях высокой аграрной перенаселенности, искусственных почв и истощающего землю однополья в течение тысячелетней эксплуатации.

А.С.Давыдов
(Душанбе)

К ТИПОЛОГИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ РУЧНЫХ ВЕРЕТЕН

М.С.Андреев, исходя из имевшихся у него данных по казахам, киргизам и таджикам, делил среднеазиатские ручные веретена на два типа: один с круглым пряслицем, расположенным в верхней части оси, другой – с крестообразным пряслицем, расположенным в нижней части оси, и предполагал, что первый тип характерен для тюркских народов Средней Азии, второй – для таджиков.

Факты не подтверждают предположение М.С.Андреева. У таджиков Припамирья (А.К.Писарчик), Каратегина и Дарваза (Н.Н.Ершов), Бухары (О.А.Сухарева), Ура-Тюбе (Т.И.Мезурнова), Верхнего Зеравшана (А.С.Давыдов) существует веретено с круглым пряслицем. О том, что у таджиков давно бытует веретено с круглым пряслицем, свидетельствуют археологические находки (А.М.Беленицкий). Вместе с тем у узбеков Гиссара и Денау (А.С.Давыдов), а также у узбекоязычных арабов Карши, живущих среди узбеков (В.Г.Мошкова), и, что особенно важно – у туркмен (В.Г.Мошкова) бытует веретено с пряслицем внизу.

Типология ручного веретена, предмета, связанного с одним из древнейших видов занятий, имеет оольшое значение в плане работ по составлению историко-этнографического Атласа и в конечном счете – исследования этногенеза и этнической истории населения Средней Азии. Для верного решения вопроса необходимо сопоставить ручные веретена всех районов Средней Азии и даже прилегающих территорий. Мы располагаем данными не по всем этим районам, поэтому предлагае-

мая типология является рабочей гипотезой, имеющей целью обратить внимание этнографов на этот вопрос.

Нам представляется, что типообразующим признаком в среднеазиатском веретене является место расположения пряслица и по этому признаку оно делится на два типа: один с пряслицем вверху, другой – внизу. Первый зафиксирован в Бухаре (О.А.Сухарева), Ура-Тюбе (Т.И.Мезурнова), Верхнем Зеравшане (А.С.Давыдов); у казахов, киргизов (М.С.Андреев), а второй – в Припамирье (А.К.Писарчик), Дарвазе и Каратегине (Н.Н.Ершов), Кулябе, Гиссаре (А.С.Давыдов), Нурата (А.К.Писарчик), в Карши и у туркмен (В.Г.Мошкова). Что особенно важно, оба типа бытуют как у тюркских народов Средней Азии, так и у таджиков; этому признаку присущ территориальный характер – каждый тип имеет свой ареал.

Ареалы двух типов ручного веретена (по нашей классификации) приблизительно совпадают с двумя областями (южная и северная), на которые этнографы (М.С.Андреев, Н.А.Кисляков и др.) делят территорию сложения таджикского народа. Мы говорим приблизительно потому, что в северной области встречается веретено южного типа, например в Верхнем Зеравшане, Нурата, и наоборот северный тип встречается в южной области. Это несоответствие границ этнографических областей Средней Азии и ареалов ее ручных веретен может быть следствием быстрого распространения рассматриваемого предмета. Кроме того, трудно сказать насколько точна принятая сейчас граница (по Гиссарскому хребту) между этими областями. Самое главное – процесс консолидации населения двух областей в один таджикский народ, а также поздние передвижения населения, несомненно, сопровождались проникновением предметов и явлений материальной и духовной культуры характерных для одной области в другую.

Насколько позволяют судить известные нам данные, на такие же два типа делятся ручные веретена и в других странах Востока. Это говорит о том, что типология среднеазиат-

ского ручного веретена должна быть проведена на фоне его сопоставленного исследования во всем этом огромном регионе.

Г.В.Джалабадзе,
М.И.Чартолани
(Тбилиси)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ГРУЗИИ 1976-1977 г.г.

Отдел этнографии Государственного музея Грузии в 1976-77 гг. осуществил 6 экспедиций. Среди них по значению и продолжительности выделяются экспедиции в Верхнюю Сванетию и Самегрело. Члены экспедиции, работавшие в Верхней Сванетии, составили описание историко-этнографических материалов, хранящихся в церквах, выявлено и взято на учет около 9000 предметов. Кроме этого, члены экспедиции собрали этнографические коллекции для Государственного музея Грузии. Им также удалось зафиксировать семейный фетиш Чхудани. Чхудани представляет собой бесформенную каменную глыбу. Он являлся покровителем семьи, ритуальные обряды и моления около него совершали лишь женщины, и можно предположить, что Чхудани относится к пережиточным предметам культа первобытно-родового строя.

В Самегрело собран богатый разнообразный материал; на основе этнографического материала разработаны научные темы о земледелии, женском костюме, златокузнечестве, религиозных пережитках и т.д. Там же были зафиксированы названия хлебных злаков - руху и дуру. Дуру, как название хлебного сорта, имеет сходство с названием скордур, - термин, засвидетельствованный в ХУШ в. Георгом. Это- еще одно доказательство того, что в Грузии существовало множество форм эндемных злаков.

Т.А.Жданко
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I. Выделенные на территории Средней Азии и Казахстана основные хозяйственно-культурные типы - оседлых земледельцев, полуоседлых скотоводов-земледельцев и скотоводов-кочевников - еще недостаточно исследованы. Существует много подтипов и вариантов этих главных ХКТ. В частности, это относится к Приаралью.

2. В низовьях и дельтах Амударьи и Сырдарьи наряду с представителями древнего ХКТ оседлых земледельцев крупных оазисов (узбеки южного Хорезма) и ХКТ скотоводов-кочевников пустынь (кызылкумские казахи, туркмены-"кумли"), - издавна обитало в дельтах и полуоседлое население с комплексным скотоводческо-земледельческо-рыболовным хозяйством (каракалпаки, узбеки-аральцы, "озерные" туркмены, сырдарьинские казахи).

3. С.П.Толстов, сопоставляя этот тип хозяйства с археологическими данными Хорезмской экспедиции, считал его очень древним, восходящим к хозяйству племен эпохи бронзы. На протяжении тысячелетий жители дельтовых областей занимались кроме скотоводства и рыболовства неустойчивым земледелием, зависевшим от изменчивого режима дельтовых протоков, часто пересыхавших или затоплявших поля, постоянно менявших свои русла.

4. Многолетние работы этнографических отрядов Хорезмской экспедиции, сбор материалов для "Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана" дали возможность уточнить специфические черты хозяйственных традиций жителей дельтовых областей.

5. В дельтовом земледелии водные источники использовались более архаичными приемами, чем в оазисах с регулярным орошением. Здесь повсеместно практиковалось лиманное ("одноактное") орошение полей; задержанные дамбами и плотинами

воды протоков и озер спускали в низины и заливали поля. Распространено было и земледелие на неполивных - естественно-увлажненных землях: в поймах рек и протоков (после паводков) или на отмелях и островах (каирные земли), а также на дне пересыхающих озер и стариц.

6. Животноводство у населения дельтовых областей было преимущественно полукочевого типа - с почти круглогодичным содержанием скота на подножном корму, в тугаях и тростниковых зарослях. Природные условия дельт более всего благоприятствовали содержанию крупного рогатого скота - традиционной отрасли животноводства каракалпаков.

7. Рыболовством обитатели дельт занимались на озерах, на взморье и мелководных протоках. Орудия рыболовства и конструкция лодки были приспособлены для этих же водоемов. Лодка, наряду с арбой, служила также одним из главных транспортных средств.

8. Основным жилищем у каракалпаков и других, указанных выше этнических групп жителей дельт, была юрта или жилой комплекс, сочетавший зимнее помещение (каркасной, иногда - глинобитной конструкции) с юртой.

9. У всех этнических групп населения дельтовых областей был одинаков и уровень социального развития - патриархально-феодальные отношения с сильными родоплеменными пережитками в общине и семье.

10. Исторически сложившиеся особенности этнографического облика жителей дельтовых областей Приаралья позволяют сделать вывод о существовании в дореволюционной Средней Азии и Казахстане осоого хозяйственно-культурного подтипа - полуоседлых земледельцев-скотоводов и рыболовов дельтовых областей. По разработанной Н.Н.Чебоксаровым и Б.В.Андриановым новейшей классификации хозяйственно-культурных типов ("Сов.этнография", 1972, № 2), его, очевидно, следует отнести к ХКТ "полуоседлых и полукочевых скотоводов-земледельцев аридной зоны" и выделить в качестве третьего (помимо равнинного и горного) подтипа этого ХКТ - дельтовый подтип.

А.Н.Жилина
(Москва)

К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ УЗБЕКОВ И КАЗАХОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ XIX в. (на примере Сузака)

Бассейн среднего течения Сырдарьи (Южный Казахстан) относится к древнейшим земледельческим оазисам Средней Азии. Однако наряду с оседлыми земледельцами, сосредоточенными в городах и многочисленных селениях, здесь на протяжении всей истории в тесном соседстве постоянно проживало кочевое и полукочевое население (различные племена казахов, даштикипчакские узбеки, а в более ранний период – X–XI вв. – огузы и кипчаки).

В XIX в. большое влияние на жизнь населения юга Казахстана оказала колонизационная деятельность Кокандского ханства в1801–1822 гг. Вслед за военными гарнизонами в эти места из Ферганской долины, Ташкента, Бухары стало переселяться мирное население. К концу XIX в. здесь сложился довольно четко выраженный этнический состав населения: узбеки, не знавшие родоплеменного деления и называемые в литературе "сартами", населяли все крупные кишлаки и города – Туркестан, Карнак, Сузак, Чимкент, Сайрам, Манкент, Карабулак и т.д., а казахи, составлявшие значительное большинство, были расселены в районах, прилегающих к этим городам, в так называемых кочевых волостях . Эти две группы населения нельзя рассматривать изолированно друг от друга – узбеки и казахи вступали между собой в постоянные экономические и культурные контакты. Особенно наглядно это можно проследить на примере Сузака, расположенного непосредственно на границе со степью, на северных склонах гор Каратау. По раскопкам город известен с X–XI вв., своего расцвета достиг в XУ–XУI вв., сильно пострадал во время джунгарского нашествия, вновь был отстроен и обнесен крепостной стеной в начале XIX в.

В окрестностях Сузака кочевали казахские роды из Старшего, Среднего и Младшего Жузов и казахи, которые считали себя вне Жуза - торе и теленгуты.

Население самого Сузака в XIX в. составляли узбеки-сарты. Однако внимательное рассмотрение семейно-родственных групп, на которые делилось городское население, свидетельствует, что в его формировании в разные периоды принимали участие и казахи. Так, к узбекским семейно-родственным группам можно отнести: канкараш, туркестанлик, коканлик, дарханлик и т.д., в то же время основу таких групп, как ошакты, сатек, составляли представители казахских родов, осевших в Сузаке после джунгарского нашествия (XУШ в.).

Направление хозяйства у узбеков и казахов в XIX в. было разным: узбеки занимались поливным земледелием, занимались и ремеслом. Основным занятием казахов было кочевое скотоводство.

Близкое соседство двух народов приводило к постоянным взаимовыгодным контактам: в области хозяйства это выражалось в следующем - узбеки отдавали казахам пасти свой скот; казахи нанимались убирать и перевозить урожай. Одной из важных форм экономических контактов являлась торговля. Кроме постоянного базара весной и осенью устраивались большие ярмарки, на которых казахи продавали скот, изделия из шерсти, кошмы, ковры, а узбеки - пшеницу, ткани, утварь, ремесленные изделия.

Элементы взаимовлияния культур узбеков и казахов можно проследить в материальной и духовной культуре.

Х.З.Зияев
(Ташкент)

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ УЗБЕКОВ В СИБИРИ (связи с русским и татарским населением)

В результате экономических и политических связей в XУI - первой половине XIX вв. на территории России, в

частности в Западной Сибири, Астрахани, Оренбурге возникли довольно многочисленные поселения (колонии) узбеков и представителей других народов Средней Азии.

Оценив роль выходцев из Средней Азии в деле усиления экономических и политических связей с Востоком, русское правительство решило привлекать их на окраины России, особенно в Сибирь, предоставляя им ряд привилегий.

Известно, что в конце XУШ в. бухарцев и ташкентцев, поселившихся на территории России, насчитывалось оолее 20 тысяч человек. В течение XУI-XУШ вв. местами поселения бухарцев и ташкентцев являлись главным ооразом Тобольск, Тара и Тюмень, а со второй половины XУШ в. и в оолее позднее время они обосновывались и в городах Сибирской линии (Семипалатинск, Петропавловск и др.).

Приняв русское подданство, бухарцы-ташкентцы (узбеки, таджики и уйгуры) в Сибири оказались в более благоприятных условиях, чем в Бухарском и Кокандском ханствах: они были ограждены от междуусобных войн феодалов и нападений извне. Занимаясь торговлей, земледелием, скотоводством, рыболовством и промысловой охотой, они принимали таким ооразом активное участие в хозяйственной жизни Сибири.

В течение длительного времени оухарцы и ташкентцы сохраняли и в Сибири свой быт, культуру, осооенности внутреннего устройства жилищ, одежду и пищу. Вместе с тем общение с другими народами, особенно с русским, вело к постоянным изменениям в быту и культурной жизни оухарцев и ташкентцев. Общение с русским народом оказывало благотворное влияние на материальную и духовную жизнь бухарцев и ташкентцев в Сибири.

Помимо связей с соседним русским населением, бухарцы и ташкентцы ощущали и сильное влияние сибирских татар, чему способствовало длительное общение, сходство языка и общность религии. Это влияние особенно усилилось во второй половине XIX в. В настоящее время они ассимилировались с татарами.

И.Х.Калмыков
(Черкесск)

ИЗ ИСТОРИИ СКОТОВОДСТВА НОГАЙЦЕВ

Распад ногайской орды и приход калмыков на Волгу вызвали миграционное движение ногайского населения из Нижнего Поволжья в различные районы Российской империи, в том числе на Северный Кавказ. Многочисленные ногайские родоплеменные объединения в конце XУП в. уже имели четко сложившиеся кочевья в ряде районов Северного Кавказа и Дагестана. Здесь они по-прежнему продолжали заниматься основным и древнейшим занятием народа - кочевым скотоводством. Ногайцы разводили лошадей, верблюдов, крупный рогатый скот, овец, коз, домашнюю птицу.

Коневодство являлось древнейшим занятием ногайского населения в районах Поволжья и на Северном Кавказе. Об этом свидетельствует выведенная ими порода лошадей, получившая название "ногайской". Лошадь у ногайцев работала обычно под седлом и в упряжи, реже под вьюком. Именно это и способствовало выработке у ногайской лошади таких качеств, которые были свойственны верховой и упряжной лошади. Ногайская лошадь славилась также своей молочной продуктивностью. Из кобыльего молока издавна изготовляли кумыс. Кроме того, конское мясо считалось национальным деликатесом и подавалось на стол во время больших семейных и религиозных праздников. В конце XIX и в начале XX в. зажиточные слои ногайского общества начали уделять большое внимание развитию коневодческого хозяйства. Оно было вызвано прежде всего потребностями рынка, а вместе с тем и ростом цен на строевых лошадей, пригодных для службы в армейских частях.

Кроме коневодства у ногайцев было развито верблюдоводство. Держали так называемых астраханских двугорбых верблюдов, обладавших большой силой и выносливостью. Верблюд являлся у кочевника и вьючным, и упряжным животным. В на-

туральном хозяйстве кочевника-скотовода немаловажную роль играли верблюжье молоко, шерсть, мясо и кожа. Однако в конце XIX в. переход населения к оседлому образу жизни привел к сокращению верблюдоводства.

Крупный рогатый скот ногайцы начали разводить еще в древнейшие времена, о чем свидетельствуют ранние письменные источники, фольклор и археологические находки в районах обитания их далеких предков. Как свидетельствуют материалы XIX в., ногайцы на Северном Кавказе разводили крупный рогатый скот мясо-молочного направления, который пользовался большим спросом у соседних народов. Для ногайского населения крупный рогатый скот являлся одним из основных источников благосостояния семьи. От него население получало молоко, жиры, мясо и кожу. Конские сбруи, обувь и другие предметы первой необходимости изготовляли домашним способом из кожи крупного рогатого скота. Излишки сырья, а также мясо-молочные продукты скотоводческого хозяйства шли на продажу соседним народам. На вырученные средства кочевники приобретали, в первую очередь, зерно и фабрично-заводские товары.

Ведущее место в общей структуре скотоводческого хозяйства ногайцев Северного Кавказа занимало овцеводство. В отдельных районах овца долгое время была основной меновой единицей, своеобразным денежным знаком. Наибольшее развитие овцеводство получило в степных зонах Ставропольской губернии и в северо-восточной части Дагестана с ногайским населением.

Б.Х.Кармышева
(Москва)

СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННЫХ СПОСОБАХ ПРИГОТОВЛЕНИЯ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ (на примере приготовления масла)

I. У народов Средней Азии и Казахстана выявлено (Е.М.Пещерева, Ф.А.Фиельструп, М.С.Андреев и др.) 6 основных способов получения масла из молока и его производных: I) вытапливанием масла непосредственно из сливок; 2) размешиванием, разминанием или взбиванием сливок руками или ложкой; 3) "толчением", движением по вертикали деревянной мутовки, на нижнем конце которой насажена крестовина или диск с прорезанными по краям отверстиями; 4) раскачиванием сосуда; 5) вращением мутовки; 6) сочетанием "толчения" и вращения. Для получения масла 3-5-ым способами исходным продуктом являлось преимущественно квашеное молоко или смесь квашеного с парным или со сливками или (что значительно реже) молоко в натуральном виде. При 6-ом способе использовалось исключительно квашеное молоко.

2. Первые два способа были характерны, с одной стороны, для оседлого населения оазисов, располагавшего обычно небольшим количеством сливок

дарвазцев, каратегинцев, кулябцев и припамирские народности, исконно оседлые узбеки, уйгуры), с другой - для киргизов. У последних это объяснялось их генетическими и историко-культурными связями с центральноазиатскими тюрко-монгольскими народами (тувинцы, северные алтайцы, монголы, калмыки), для которых характерны именно эти способы. Второй способ встречался (но отнюдь не преобладал) еще у полукочевых узбеков даштикипчакского происхождения, и у генетически весьма близких к ним казахов, а также у восточных башкир, т.е. у народов, по культуре принадлежавших также к северному (по отношению к Средней Азии) кочевому миру.

Третий способ, по мнению исследователей, генетически восходит к способу получения кумыса, известного еще скифам, и связан с культурой евразийских кочевников древности. В Среднеазиатско-казахстанском регионе он был распространен у туркмен, казахов, отчасти киргиз, а также узбеков и таджиков (исключая носителей южных диалектов и припамирские народности). У первых трех народов маслобойкой служил бурдюк, а деревянные или керамические высокие цилиндрические маслобойки были поздним заимствованием. При этом у туркмен, в отличие от казахов и киргиз, бурдюк привязывался не к остову юрты, а к треноге из палок, что сближало их с южными кочевниками. У таджиков и узбеков бытовали деревянная и керамическая маслобойки. Ареал деревянной маслобойки, как известно, очень широк и охватывает Балканы, Турцию, южную Россию, Северный Кавказ и отчасти Закавказье, Поволжье и Приуралье и Среднюю Азию.

Четвертый способ получения масла представлен тремя основными типами маслобоек: I) бурдюк, подвешенный в горизонтальном положении к деревянной треноге и раскачиваемый руками; 2) деревянный сосуд в виде длинного бочонка, подвешенного к потолку; 3) керамический сосуд в виде высокого кувшина, положенного на бок и раскачиваемого по земле. Первый из них принадлежит к южному кочевому миру. Его ареал охватывает всю Переднюю Азию, Закавказье, южную часть Средней Азии. Второй тип бытует среди той части оседлого населения Закавказья, для которой характерна яйлажная форма скотоводства. Третий принадлежит исконно оседлому населению обширной территории от Турции и Закавказья на западе, до Афганистана и Средней Азии - на востоке. В Средней Азии к XIX в. он был почти полностью вытеснен способом толчения (Е.М.Пещерева), сохраняясь лишь в Каракульском оазисе и у ягнобцев. Археологические данные свидетельствуют о древности этого типа маслобойки для всей названной территории.

Пятый способ - сбивание масла во вместительном гончар-

ном или деревянном сосуде путем вращения с помощью ремня массивной деревянной мутовки – был специфичен для оседлого ираноязычного населения бассейна Пянджа (припамирские народности, таджики Куляба, Каратегина, Дарваза, Афганского Бадахшана). Ареал бытования его тянется далее на юго-восток вплоть до Мадраса (М.С.Андреев). Генетически он, видимо, восходит к характерному для народности тода способу, когда масло сбивается вращением мутовки ладонями.

При шестом способе основной операцией является толчение в обычной цилиндрической деревянной маслобойке, однако масло доводится до кондиции путем вращения ладонями мутовки меньшего размера в котле и деревянном ведерке. Этот способ зафиксирован пока лишь у каракалпаков.

В.А.Козьмин
(Ленинград)

ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ ХАНТОВ И МАНСИ

I. В течение двух полевых сезонов 1976 и 1977 годов. Западно-Сибирский этнографический отряд кафедры этнографии и антропологии ЛГУ им.А.А.Жданова занимался изучением современного хозяйства северной группы хантов и манси, проживающих в Березовском и Шурышкарском районах Тюменской области.

2. Изучение оленеводства северной группы хантов и манси показало, что 1) господствует крупнотабунное, мясошкурное направление; 2) при этом в ряде мест были зафиксированы следы таежного "избенного" оленеводства, характерного для хантов и манси до периода коллективизации.

3. В литературе отмечалось, что ханты и манси переняли оленеводство от ненцев (Чернецов В.Н., Хомич Л.В. и др.), поэтому было обращено внимание на два отмеченных типа в плане их отношения к ненецкому оленеводству. Анализ осо-

бенностей крупнотабунного и "избенного" типов оленеводства показал, что оба они имеют ненецкую основу: терминология, типы нарт и упряжи, но оба имеют и отличия.

Для "избенного" оленеводства, наряду с чертами ненецкого, характерны приемы выпаса и оленеводческая техника, широко распространенные в таежной зоне Сибири (небольшие стада, изгороди, дымокуры, частично свободный выпас, различные типы пут).

На крупнотабунное оленеводство определяющее влияние оказало оленеводство коми-ижемцев (система выпаса, применение металла в упряжи, наличие женских и мужских нарт). Основу стад совхозов "Саранпаульский" и "Казымский" в период коллективизации составили олени коми-ижемцев.

4. Специфику оленеводства северных хантов и манси составляет очевидно степень их занятости в оленеводстве в настоящее время, а также малое количество оленей, имеющихся в личной собственности.

Л.З.Кунижева
(Черкесск)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ АБАЗИН (XIX - начало XX в.)

I. Письменные источники и полевые материалы позволяют установить существование у абазин четырех систем земледелия и соответствующих им четырех групп пахотных орудий: залежная система земледелия, которой соответствовала простая деревянная соха-суковатка (махъвда) с одной парой волов; переложная система, которой соответствовали грядильные пахотные орудия (мшIкIватан) с 2-4 парами волов; паровая система - передковые пахотные орудия (кIватан) с 4-6 парами волов и система глубокой вспашки с передковыми пахотными орудиями с отвалом (кIватан) с 4-6 парами волов.

2. Одним из важных факторов получения высокого урожая является удобрение земли. В конце XIX - начале XX в. аба-

зины для повышения урожайности сельскохозяйственных культур вносили в почву удобрения. Основными видами удобрений были зола и навоз.

3. Среди культивируемых злаков преобладало просо. Сеяли также ячмень. К концу XIX в. широкое распространение получили кукуруза, пшеница.

4. Сев, как и пахоту, производили вручную. Засеяное поле бороновали с целью заделать разбросанные семена. Были известны несколько типов бороны: борона-волокуша (хъхIвхIвага) - пучок связанных вместе веток рододендрона или облепихи; борона-плетенка, сделанная из лозы, на которую накладывали груз; рамная - борона с поперечной доской, сквозь которую протягивали ветки рододендрона, облепихи; рамная борона с несколькими поперечными досками, снабженными отверстиями, сквозь которые пропущены деревянные (позже железные) зубья.

5. Со второй половины XIX в. в некоторых хозяйствах абазин появляются русские фабричные сельскохозяйственные орудия труда, которые обладали большой легкостью и требовали меньше тягловой силы.

6. Было распространено объединение в супряги - "гвып, адгылра". Как правило в супряги входили представители одной фамилии, но бывали случаи, когда в него включались и представители других фамилий. Принцип этого объединения сводился к тому, что каждый его участник вносил то, что имелось у него в хозяйстве: плуг, борону, рабочий скот. У кого не было ничего, выполнял подсобные работы (был погонщиком волов, водовозом). День выезда на пахоту, проведение первой борозды, окончание пахоты сопровождались целым рядом обычаев и обрядов.

7. Уборку и обмолот колосовых культур производили вручную. Собранный хлеб распределяли следующим образом: I/IO часть из годового урожая выделяли на зекят, часть на семена и для пропитания в будущем году. Из оставшегося урожая платили зерном пастухам, табунщикам и, наконец, отдавали владельцам определенную часть урожая для угощения гостей.

А.Лутс
(Тарту)

СООТНОШЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЙ У ПРИБРЕЖНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЭСТОНИИ в 1920–30-е ГОДЫ

Главным хозяйственным занятием эстонцев издавна является земледелие в сочетании с животноводством. В малоплодородных районах, прежде всего в низменных частях Восточной и Западной Эстонии, наряду с земледелием, более или менее важную роль играли и различные другие хозяйственные занятия. Х. и А. Моора показывали, что эти различия являются основной причиной возникновения культурных подобластей в Эстонии.

Автором проведены исследования в средней части северного побережья Эстонии (район Лахемааского национального парка). Здесь в прибрежной полосе преобладало комбинированное хозяйство (земледелие и морские промыслы, прежде всего рыболовство).

На основании полевых материалов и сельскохозяйственных переписей 1929 и 1939 г. можно сделать следующие выводы:

а) рыболовство и другие морские промыслы были распространены в прибрежных деревнях, остальное население занималось почти исключительно земледелием;

б) в прибрежных деревнях морские промыслы также не были единственным занятием, во многих случаях даже не доминирующим. Почти все население было связано с земледелием, а иногда оно (во дворах с большими земельными владениями) преобладало. Из морских промыслов на первом месте ст оя ло рыболовство;

в) как показывает материал, морские промыслы и связанные с ними более тесные контакты с другими районами и народами накладывали значительный отпечаток на быт и культуру прибрежного населения, которые в определенной мере

отличались от быта жителей чисто земледельческих деревень.

Мамое Халит (Дарвешян)
(Ереван)

ОСОБЕННОСТИ ГОДОВОГО СКОТОВОДЧЕСКОГО ЦИКЛА КУРДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ
(вторая половина XIX - начало XX в.)

I. В социально-экономической жизни закавказских курдов первостепенное значение имело скотоводство. В течение веков курды выработали определенные формы ведения этой отрасли хозяйства, которыми в основном и был обусловлен весь жизненный уклад народа, его культура и быт.

2. Хозяйственный год у курдов делился на ряд последовательных циклов, обусловленных сезонным содержанием скота. Годовой цикл содержания скота делится на четыре основных периода - весенний, летний, осенний, зимний, имеющих наряду с общими чертами и много характерных особенностей. При этом выпас скота во все сезоны был пастбищным, и только в зимний сезон иногда сочетался со стойловым содержанием.

3. Скотоводческий цикл осуществлялся следующим образом:

а) хозяйственный год начинался ранней весной, когда мелкий рогатый скот перегоняли с зимних кочевок на ранневесенние пастбища (с начала марта по конец мая). В этот период происходил окот скота и на него приходились заботы о сохранении и выпасе молодняка;

б) летний период (начало июня - конец августа) характерен накоплением продуктов животноводства и откормом скота;

в) основу осеннего сезона составляла организация оплодотворения мелкого рогатого скота и обеспечение откорма животных, как гарантии подготовки к зиме (с начала сен-

тября до начала ноября);

г) зимний период содержания скота (середина ноября - конец февраля) - период ухода за стельными животными. Это обеспечивало воспроизводство стада на следующий хозяйственный год. В суровые зимы скот переводили на стойловое содержание.

4. Умело используя разнообразные возможности природно-климатических условий, закавказские курды в течение всего хозяйственного года совершали сезонные переходы с равнинных лугов на альпийские пастбища и обратно - в полустепи. Таким образом, применялась система вертикально-зонального выпаса скота, составляющего отличительную черту скотоводства закавказских курдов.

5. Все важнейшие события, связанные с содержанием скота (переезд на летние стойбища и возвращение оттуда, окот, стрижка, доение, смешение баранов со стадом и т.д.), сопровождались разнообразными традиционными обрядами и празднествами, характерными для быта и культуры этого полукочевого народа.

Э.Л.Мелконян
(Ереван)

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ "СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ" (СЭФ) И "ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ТИП" (ХКТ)

I. Для исторического знания в целом и этнографии в частности большое значение имеет применение сравнительно-типологического метода, предполагающее предварительную типологизацию изучаемых исторических систем и конструирование соответствующих понятий. Исходя из основных познавательных задач исторического знания возможно построение двух видов типологии: общей и локальной. Если локальные исторические типы призваны обобщать исследуемые системы с целью выявления их индивидуальной специфики, понятия, относящиеся к классу общего исторического типа, дают возможность свести их в единый ряд на основе присущих им универ-

сальных характеристик.

2. Понятия на уровне общей типологии конструируются по различным основаниям. В этой связи актуален анализ соотношения понятий СЭФ и ХКТ. Это тем более необходимо, что в основе их выделения лежат формы производства, присущие человеческим обществам.

3. Понятие СЭФ типологизирует историю человечества на основе изучения исторически сложившихся способов материального производства, являющихся, в свою очередь, выражением исторических форм соотношения общества и природы. При этом, однако, основной познавательный акцент делается на изучении социальной структуры общества, основанного на той или иной форме производства. Различные формы производства являются в конечном счете адаптивно-адаптирующими механизмами по отношению к природной среде и с этой точки зрения основанные на них СЭФ могут быть рассмотрены как все более усложняющиеся типы приспособления к природной среде путем ее активного преобразования человеком. Понятие ХКТ также позволяет типологизировать отношение общества к природной среде, но на ином уровне.- на уровне рассмотрения обществ под углом зрения присущей им хозяйственной специализации и культурной специфики, продиктованных конкретной экологической нишей их обитания.

4. В отличие от СЭФ ХКТ не носит столь универсального характера и ограничен преимущественно докапиталистическими формами производства. Со становлением капиталистического способа производства взаимоотношение общество-природа приобрело качественно иной вид - впервые между человеком и природой вклинивается машина и их взаимоотношение приобретает опосредованный характер. Материальная технология каждого конкретного общества все меньше перестает носить на себе печать этнокультурного своеобразия. Именно поэтому специфика этнических культур наиболее явственно начинает выражаться в сфере традиционно-бытовой культуры.

5. Взаимообусловленность СЭФ и ХКТ не строгая, не однозначная. Если ХКТ охотников, собирателей и рыболовов

имел место лишь при первобытнообщинной форме производства, то ХКТ земледельцев и скотоводов с равной степенью мог существовать как при рабовладельческом, так и феодальном способах производства. Следовательно, наряду с определенной зависимостью между формационными этапами в истории человечества и ХКТ необходимо учитывать также определенную автономность или, если можно так выразиться, меж-формационные свойства ХКТ.

В.И.Моркунас
(Вильнюс)

ОРУДИЯ ОЗЕРНОГО ПРОМЫСЛОВОГО РЫБОЛОВСТВА В ЛИТВЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.

Большинство традиционных орудий озерного промыслового рыболовства были известны на всей территории современной Литвы. Локальные особенности в основном определялись степенью частоты применения отдельных видов снастей в различных районах, способами пользования снастями, а также местной терминологией.

Главную роль в формировании локальных особенностей озерной рыболовной техники сыграли физико-географические условия. Степень распространения рыболовных орудий различных типов обусловливал характер водоемов. В больших и чистых озерах Восточной и Юго-Восточной Литвы были широко распространены невода, большие сети; на остальной части территории преобладали малые и заросшие озера, где применялись в основном ставные ловушки, сети меньших размеров.

Природные условия не были единственным фактором, обусловившим неравномерное распространение и использование различных форм орудий озерного рыболовства. Важную роль в этом играли местные традиции и контакты с другими народами.

Анализ материала об орудиях озерного промыслового рыболовства конца XIX в. – начала XX в., применявшихся литовцами, латышами, русскими, белорусами и поляками, показывает общность в конструкции и форме орудий, в их названии, способах пользования ими.

Рыбацкая терминология славянского происхождения преобладает в Восточной и Юго-Восточной Литве. Это объясняется главенствующей ролью русских и белорусских рыбаков в промысловом рыболовстве данного района, а также пестрым национальным составом населения и культурным обменом между литовцами, русскими, белорусами и поляками.

Широкое распространение славянской лексики в озерном промысловом рыболовстве связано с тем, что первыми профессиональными рыбаками являлись главным образом русские крестьяне-старообрядцы, проживавшие в Литве.

М.О.Османов
(Махачкала)

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ ДАГЕСТАНА И ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ И КОНСОЛИДАЦИИ

I. Сложение разных хозяйственно-культурных типов (ХКТ) в пределах исторически сложившихся регионов способствует активизации общения населения региона.

2. Такие хозяйственные предпосылки особенно важны в условиях этнической пестроты населения региона, в данном случае – Дагестана, ослабляя как территориальную, так и особенно этническую (национальную) замкнутость и изолированность.

3. Результативность и продуктивность общения населения разных ХКТ обусловлена тем, что основное содержание ХКТ структурно определяется, по мнению советских исследователей, ведущей отраслью хозяйства, которая в комплексе с экологией во многом определяет и особенности материальной культуры (М.Г.Левин, Н.Н.Чебоксаров, Б.В.Андрианов,

В.И.Козлов). А это означает, что контакты лежат в сфере производства и обмена, что придает общению фундаментальный и постоянный характер, что создает, в свою очередь, предпосылки и для культурных и языковых (а также политических) взаимодействий.

4. В условиях Дагестана ХКТ и этнохозяйственные регионы распределились территориально и этнически таким образом, что складывались этнические связи двух типов: межэтнические и внутриэтнические. Первые способствовали межнациональному сближению, вторые – внутриэтнической консолидации.

5. В XIX–XX вв. в Дагестане в соответствии с классификацией, принятой в советской этнографии, прослеживаются четыре ХКТ: а) степной скотоводческий кочевой, б) равнинно-предгорный земледельческо-скотоводческий, в) горный земледельческо-скотоводческий, г) нагорный скотоводческо-земледельческий [I].

6. Производственно-хозяйственные и обменные связи степного скотоводческого ХКТ (ногайская степь) с населением остального Дагестана незначительны, речь может идти лишь об этнических связях и влиянии северных кумыков. В результате – частичная ассимиляция пограничных с кумыками ногайцев, особенно оседающих на землю, распространение среди них кумыкского языка.

7. Равнинно-предгорный земледельческо-скотоводческий ХКТ представляет наибольшие предпосылки для этнических контактов.

Главные из них: сдача земель в аренду населению горного Дагестана, соответственно арендование горных летних пастбищ (в меньшей мере); привлечение горцев в страдную пору для земледельческих работ; обмен продуктами хозяйства и ремесла и др.

I. См. Б.В.Андрианов, Н.Н.Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. СЭ, 1972, № 2, с.3–16.

Этническая сторона связей: принимающая среда - преимущественно кумыки и азербайджанцы, поэтому языком общения становятся эти два языка.

8. В горном земледельческо-скотоводческом ХКТ связи носят более местный, внутризональный характер: отгон скота в горные долины и нагорные пастбища, привлечение населения долины в период сбора урожая плодов, интенсивный обмен горной и долинной части. Этнические связи менее разнообразны, преобладают внутриэтнические контакты.

9. Горный скотоводческо-земледельческий ХКТ характеризуется большей степенью контактов, причем они охватывают население всех трех ХКТ, в т.ч. ХКТ Чечни, Грузии и Азербайджана.

IO. Этнические контакты населения всех ХКТ имеют определенные каналы и закономерности. В качестве принимающей этнической среды преобладают кумыки и азербайджанцы. Хозяйственные и этнические контакты с кумыками установились у аварцев, даргинцев, лакцев, с азербайджанцами - у лезгин, агулов, рутульцев и цахуров. Для обеих групп языком общения становится язык принимающей среды, что влечет за собой и немалое культурное влияние.

Другая сторона контактов - пришельцы (преимущественно горцы) взаимодействуют уже не только с местной средой, но и между собой.

II. В советское время, в эпоху плановой социалистической экономики, механизированного сельского хозяйства, в век научно-технической революции, активных процессов урбанизации и культурной революции падает значение ХКТ как таковых.

I2. В условиях постоянно повышающейся роли русского языка в качестве средства межнационального общения и приобщения к мировой культуре, этнические контакты поднимаются на принципиально новую культурную ступень, становясь одним из главных средств (путей) сложения единой советской социалистической культуры и новой исторической общности - советского народа.

I3. В трансформированном (современном) виде сохраняются два ХКТ: I) равнинно-предгорный земледельческо-скотоводческий, с машинным земледелием и в нарастающей степени стационарным содержанием скота на фермах , 2) нагорный скотоводческо-земледельческий, с преобладанием отгонного скотоводства и уменьшающимся удельным весом местного земледелия.

Л.Н.Петросян
(Ереван)

НАРОДНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ РЕКИ В АРМЕНИИ

I. Армянское нагорье отличается значительным многообразием изрезанности рельефа и водных источников (многочисленных малых и больших рек и озер), которые наложили определенный отпечаток на сложение и функционирование различных средств и способов передвижения, как сухопутных, так и водных.

2. Все известные средства и способы переправы через реки можно подразделить на несколько групп. Первую группу составляют естественные переправы - это броды, т.е. известные места в русле больших и малых рек, через которые осуществляется переправа людей и грузов без каких-либо искусственных приспособлений. Такие места обычно выбирались в мелководных участках со спокойным течением (бһур), а также в направлениях важнейших путей сообщения, пересекающихся водными преградами.

3. Во вторую группу входят так называемые передвижные мосты и приспособления - это специальные средства и приспособления типа бурдючных плотов и паромов (топ, ткаласт, апанд, тканавак, навчак, келек, кеми и др.), различные виды и типы которых издревле были распространены как среди других переднеазиатских, так и кавказских народов. С их помощью перевозили людей и грузы по течению рек. Более усовершенствованным вариантом средств этой группы являют-

ся передвижные паромы (ластака мурдж), двигающиеся с помощью канатов.

4. К третьей группе можно отнести временные мосты (зевгма) - представляющие сооою цепочку скрепленных бурдючных плотов, известных в Армении еще с древности и применявшиеся вплоть до нашего столетия. Такие временные мосты "возводились" преимущественно в военных целях, при сезонных перекочевках и т.п. Их сооружали на Тигре, Евфрате, Арацани, Араксе, Куре и др. Показательно, что эти мосты, как правило, охранялись властями.

5. В четвертую группу средств переправы - через реки и ручьи - входят постоянные деревянные или каменные мосты, которые сооружались повсеместно в Армении на больших и малых реках в местах, где проходили важнейшие пути сообщения. Мосты этого типа, сохранившиеся еще со времен средневековья, представляют собой образцы уникальных архитектурных сооружений. По дошедшим до нас историческим сведениям можно судить, что многие постоянные мосты возведены в тех местах, где раньше функционировали временные.

6. Классификация и характеристика водных средств представляет большой интерес с точки зрения всестороннего изучения хозяйственной жизни и материальной культуры армянского народа, тем более, что эти вопросы нашли сравнительно мало отражения в обширной историко-археологической и историко-этнографической литературе.

А.Н.Пиркулиева
(Ашхабад)

ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ТУРКМЕНОК АХАЛЬСКОГО ОАЗИСА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.

Основным населением оазиса в прошлом были туркмены-текинцы, кроме них там жили другие, более мелкие группы туркмен - нохурли, мурчали, мехинли и др.

Головным убором девушек в конце XIX - начале XX в. была вышитая тюбетейка, которая украшалась серебряными изделиями. Самую верхнюю часть тюбетейки всегда украшал серебряный орнаментированный куполок-"купба". Остальную часть тюбетейки покрывали различного рода монеты-"апбасы". На нижнюю часть тюбетейки пришивали листообразные, объединенные цепочкой, серебряные украшения - "шельпе". У висков прикрепляли длинное серебряное украшение с позолотой, бубенцами и листообразными пластинами на концах - "чекелик". На таких украшениях кроме позолоты были еще и цветные камни - сердолики.

Девушки расчесывали волосы на прямой пробор, заплетали в четыре косы и носили их спереди по две с каждой стороны груди.

Туркмены-текинцы своих дочерей обычно начинали наряжать тогда, когда они становились взрослыми - "гозе илмек" (бросаться в глаза).

Перед свадьбой лоб невесты поверх тюбетейки повязывали белым платком, а поверх него накидывали халат-накидку "курте" и "чырпы". (Общее видовое название для всех головных накидок - пурèнджек). Эти халаты шили на подкладке, верх был обычно темно-зеленого, почти черного или вишневого цвета. С лицевой стороны чырпы весь был расшит цветными шелковыми нитками, у курте вышивали лишь края и часть рукавов.

Свадьба обычно продолжалась три дня. На третий день при смене головного убора невесты устраивали шуточную борьбу между девушками и женщинами и после победы женщин молодой меняли прическу, заплетая волосы в две косы, опущенные на спину, и головной убор.

Женский головной убор состоял из трехугольного красного шелкового платка - "гынач", сшитого из нескольких кусков кустарной ткани. Часть его служила для женщины "яшмаком" ("яшмак" - платок молчания перед родственниками и перед старшими в ауле). На гынач в начале XX в. обязательно надевали высокую (до 50 см.) шапку цилиндрической формы

на твердом каркасе, сплетенном из прутьев - "сувселик". Сверху шапку покрывали цветными шелковыми платками и серебряными многочисленными украшениями. Такой женский головной убор назывался "борик". Борик покрывали головной накидкой - чырпы, курте. Без такой накидки, надетой одним рукавом на головной убор, по старым обычаям выходить из дома не полагалось. Если яшмак закрывал рот, то головная накидка закрывала не только лицо, но и всю фигуру женщины. Этот головной убор носили главным образом молодые женщины до рождения I-2 детей.

Женщины старшего возраста в прошлом носили такой же головной убор лишь с той разницей, что борик их был ниже и украшений на нем было меньше, чем у молодых после замужества. С годами количество украшений уменьшалось, но яшмак и пуренджек сохранялись по-прежнему.

Как утверждает большинство женщин-информаторов, курте темнозеленого цвета служили парадной накидкой для молодых женщин после возвращения в дом мужа, по окончании периода пребывания молодой в доме родителей. Курте носили на головном уборе в торжественных случаях в течение 8-I0 лет. В других случаях и в обычной жизни употребляли накидки красного цвета. После 40 лет женщины считались старыми и начинали носить белый гынач и более низкий борик /I2-I5 см/, на него накидывали белый или желтый чырпы; украшений на головном уборе почти не оставалось.

Таким образом, характер женских головных уборов туркменок Ахала конца XIX-начала XX вв. зависел от возраста и социального положения носившей.

Г.Г.Саркисян
(Ереван)

ПРИНЦИПЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТРАПЕЗУНДСКОГО ВИЛАЙЕТА

I. Основой для картографирования послужила историко-этнографическая работа Б.Н.Торлакяна "Армяне Понта и Амшена" (рукопись).

2. Картографической основой послужили разномасштабные топографические карты, опубликованные в начале XX века.

3. Составлена одна крупномасштабная (I:500000) общая карта, где представлен Трапезундский вилайет по состоянию на 1915 год, а также 5 отдельных карт более крупного масштаба, которые дают общую картину просветительных и религиозных центров в пяти уездах вилайета, последние обобщены одной мелкомасштабной картой.

4. На карте вилайета, на географической основе (контуры Черного моря, реки, озера) отмечены все поселения, указанные в работе Б.Н.Торлакяна, причем более полно представлены армянские.

5. Поселения классифицированы: а) по этническим, б) административно-территориальным признакам, что отражено соответствующими условными знаками. Отмечены также отдельно монастыри, крепости, караван-сараи, вершины гор, эйлаги, перевалы и порты.

6. Основываясь на данных старых топографических карт и на некоторых письменных источниках, на карте отмечены три типа границ: I) государственная, 2) вилайета, 3) уезда.

7. Показаны пути сообщения с подразделением их на два типа: а) магистральные дороги, известные с древнейших времен; б) проселки местного значения.

8. Основная цель уездных карт - отобразить картину расположения культурных очагов. Составлены карты просве-

тительных учреждений и культовых сооружений и святилища с пометками: а) монастырь каменный, б) монастырь деревянный, в) школа каменная, г) школа деревянная, д) святилище.

9. Проделанная работа является первой попыткой составления топографической карты определенного историко-этнографического района в соответствии с современными методами картографирования.

Г.А.Сергеева
(Москва)

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ

I. Природная среда является одним из главных условий формирования хозяйственного уклада и материальной культуры этноса. Она может способствовать или наоборот препятствовать развитию хозяйственных, торговых, культурных и иных связей между народами, особенно на ранних исторических этапах их сложения. Поэтому исследование специфики, характера, направленности этнических и культурно-бытовых процессов, протекающих в конкретном этно-географическом регионе, следует начинать с оценки влияния на эти процессы природно-географического фактора.

2. Южный Дагестан, где в 1977 г. вел полевые этнографические исследования Дагестанский отряд Института этнографии АН СССР, является областью расселения народов лезгинской группы: собственно лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров и агулов, а также азербайджанцев.

В географическом отношении он подразделяется на несколько зон: равнинную, предгорную, горную, отличающихся разнообразием климатических условий, рельефом местности, обеспеченностью плодородными землями, пастбищными и водными ресурсами.

3. На равнине и в предгорьях серьезных естественных препятствий для установления контактов между отдельными народами не существовало, за исключением периода распутицы и разлива рек. В остальное время года контакты между лезгинами и южными табасаранцами, северными табасаранцами и азербайджанцами и другими жителями предгорий и равнины носили более или менее регулярный характер, что находило отражение в первую очередь в знании ими языков соседних народов, наличии смешанных браков и взаимных культурных заимствованиях.

В горных районах влияние природного фактора на развитие этнических процессов и культурно-бытовых контактов было более существенным. Высокие, труднопроходимые перевалы, бурные, быстрые реки препятствовали регулярным экономическим и торговым связям, которые имели исключительно сезонный характер (главным образом осенью). Цахуры, рутульцы, агулы все основные хозяйственные операции (отгон скота на зимние пастбища и др.), а также отходничество в связи с малоземельем совершали в это время года. Ведущий тип хозяйственных занятий - отгонное скотоводство, сложившийся под влиянием природно-географических условий, определял основные направления контактов горцев - северный Азербайджан и равнинный Дагестан, места расположения зимних пастбищ. Именно этот фактор (плюс давность контактов), несмотря на определенную географическую изолированность жителей горного Дагестана, способствовал взаимодействию горных и предгорно-равнинных этносов; с ним связано распространение двуязычия и многоязычия, наличие общих элементов в культуре населения данного этнографического региона.

4. В советское время укреплению и развитию постоянных контактов между отдельными народами способствовало интенсивное дорожное строительство, установление регулярного автомобильного и авиасообщения между горными и равнинными селениями и городами. В этих условиях происходит упрочение экономических, этнических и культурных связей между раз-

личными этно-географическими районами Дагестана, успешно преодолевается разобщающее воздействие природно-географического фактора.

Л.А.Чибиров
(Цхинвали)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН

Вопрос о генезисе земледельческой культуры осетин имеет большое научное значение, ибо проливает свет на проблему этногенеза народа.

Традиции скотоводства у предков осетин восходят к древнеиранской эпохе. Надо полагать, что к этой отдаленной эпохе уходят и истоки земледельческой культуры, ибо прародина иранских племен (Иранское плоскогорье) входила в район одного из древнейших центров земледелия. В связи с этим особый интерес представляет древнеиранское слово "аефсаен" (лемех, сошник). Название этой важной детали пахотного орудия было перенесено на металл (железо), из которого деталь изготовлялась. Отсюда следует, что несмотря на то, что предки осетин появились на арене истории как скотоводы-кочевники, им в то же время были присущи глубокие земледельческие традиции.

Упрочение земледельческих навыков произошло в скифскую эпоху, в I тыс. до н.э. Поселившись на территории Северного Причерноморья, часть ираноязычных скифов поддерживала тесные контакты с древней Грецией, с соседними, в частности, балтийскими и славянскими племенами, имевшими развитое земледелие, что оказало благотворное влияние на дальнейшее развитие их земледельческих традиций. Это доказывается наличием ряда осетино-скифских параллелей из области земледельческих культов, а также объяснением большинства земледельческих терминов осетин (соха, серп, колос, ярмо, пашня, урожай, овес,

коса, хмель и др.) из европейских языков.

С III века до н.э. наследниками земледельческой культуры скифов становятся сарматские племена, в частности те из них (сираки, роксаланы), которые обосновались на Кубани и на Нижнем Дону. Среди сарматских племен к концу I в. до н.э. выделились аланы. В то время как основой хозяйства степных алан было скотоводство в сочетании с земледелием, аланы, проживавшие в районах с древним земледельческим населением (Северное Причерноморье, Поволжье) были оседлыми земледельцами.

Вместе с тем материалы по этнографии, фольклору и языку осетин свидетельствуют о том, что подавляющее большинство аграрных праздников, обычаи и обряды их сопровождающие, верования им присущие, неразрывно связаны с Кавказским миром. Более двух тысяч лет предки осетин находятся в тесных отношениях и взаимодействии с народами коренного кавказского этнического мира. В результате культурного взаимовлияния, одинаковых природно-географических факторов, идентичных условий общественно-экономического развития у новой алано-осетинской народности, подобно соседним кавказским народам "земледельческая культура так глубоко вкоренилась в народный быт, так вросла в плоть и кровь народного организма, что помимо практического использования ее достижений, отдельные ее элементы стали объектами почитания и даже святости" [I].

Таким образом, процесс становления и развития земледельческой культуры осетин можно разбить на следующие последовательные этапы: древнеиранский, скифский, сармато-аланский и кавказский. При каждом последующем этапе земледельческая культура поднималась на более высокий уровень.

I. Читая Г.С. Земледельческая система и пахотные орудия Грузии. - Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952, с.92.

Н.В.Шлыгина
(Москва)

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ ПОСТРОЕК В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ АТЛАСЕ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

I. Составители Прибалтийского атласа стремились показать этот регион как единую историко-этнографическую область и отразить специфику его культуры, в значительной мере определяющуюся положением его на стыке двух больших культурных ареалов, западно- и восточноевропейского.

Решение указанной задачи требовало: а) правильного выбора в каждом разделе Атласа подтем и состава входящих в них карт; б) выработки такой типологии и классификации явлений, которая позволила бы затем провести наиболее содержательное сопоставление результатов.

2. В разделе "Постройки" картографировались все основные строения крестьянского двора, как жилые, так и хозяйственные, т.к. именно их комплекс в целом нес ту функциональную нагрузку, которая определялась повседневной жизнью и деятельностью крестьянина.

3. Для периода, рассматриваемого в Атласе первым (середина XIX в.), возможности для четкой типологии жилища дают общепринятые отправные пункты - форма очага и планировка постройки, рассматриваемая во взаимосвязи с местоположением очага. В Прибалтике выделяются три основных типа жилища - северный или т.н. жилая рига, западный - или жилище с теплыми сенями и восточный или жилище с холодными сенями. Следует отметить, что на тем этапе все эти три формы находились примерно на одном уровне развития как очага, так и внутренней планировки. Принятая типология отражает определенные функциональные различия между тремя названными типами жилища.

4. Функциональные особенности типов жилища отражаются и на составе надворных построек. Иногда эта зависимость очевидна (в ареале жилой риги специальная снопосушильня излишня), в других случаях она выявляется лишь при анализе

назначения этих построек (например, распространения летней кухни).

5. Процесс изменения функций основного жилого помещения связан как с развитием его внутренней планировки, так и надворных строений, причем этот процесс определяется многими факторами. В его ходе играют роль исходная форма постройки и степень ее целесообразности, которая для каждой формы меняется в ходе общего исторического развития.

6. Специфика развития каждого из типов жилища отражается и на составе надворных построек и на их функциях. Так, например, усовершенствование жилища постепенно превращает клеть в кладовую, и она теряет значение летнего жилища, или, в частности, улучшение помещений для скота снимает с жилища функцию зимнего помещения для молодняка и т.д.

Представляется, что картографирование с планомерным учетом функциональных особенностей построек даст в итоге новые данные для изучения специфики прибалтийской историко-этнографической области и ее подрайонов.

М.Н.Шмелева
(Москва)

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРИ СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ПИЩИ НАРОДОВ СССР

На новом этапе изучения современности, ставя задачу исследования этнографических аспектов советского образа жизни и современных этно-культурных процессов, советская этнография придает большое значение традиционному сравнительному изучению народов, которое в создавшихся условиях имеет свои особенности.

Большой интерес в этом плане представляет пища народов СССР. Определяясь в целом непосредственно социально-экономическими условиями жизни общества, она чрезвычайно быстро реагирует на изменения в них, но в то же время об-

ладает значительной устойчивостью исторически сложившихся форм. В настоящее время в бытовой культуре народов СССР пища является одной из наиболее традиционных областей. При изучении пищи представляется возможность прослеживать на живом конкретном материале этнические, этно-социальные и культурно-бытовые процессы, протекающие в рамках как отдельных народов, так и групп народов, вскрывать механизм трансформации традиций и передачи их в разных этнических, социальных и культурных средах.

В этнографической литературе по пище накоплен значительный фактический материал. Однако он собирался под разными углами зрения и мало обобщался, и потому подчас он плохо сопоставим. В настоящее время ощущается необходимость в более систематическом изучении пищи по программам, составленным применительно к каждому народу, но построенным с учетом единых принципов и подходов.

Народная пища - область сложная для изучения, при которой требуется учет широкого круга вопросов, касающихся различных сторон жизни народов. Отсюда многосторонность, многоаспектность этой темы.

Наиболее эффективными аспектами ее исследования в настоящее время, на наш взгляд, являются такие, как естественно-географический, социально-экономический, культурно-исторический, семейно-бытовой, общественно-поведенческий. Рассмотрение пищи в рамках этих аспектов даст представление о структуре питания каждого народа, о динамических силах развития народной пищи, о социальных функциях питания и его характерных особенностях, сложившихся под влиянием всей совокупности культурно-исторических связей, а также в зависимости от специфики других сторон материальной и духовной культуры народов.

Пища, связанная с различными сторонами народной жизни, допускает различные способы ее классификации. При выработке программы для сравнительного изучения пищи необходимо заострить внимание на таких различиях, которые отражали бы прежде всего наиболее существенные особенности

культуры и быта того или иного этноса или его части: особенности природно-хозяйственных условий, существенные стороны экономики, материальной и духовной культуры, основные черты общественного и семейного быта, характер проведения праздников и досуга, предписания религии, исповедовавшейся в прошлом и т.д.

Сравнительное изучение пищи народов СССР должно проводиться в историческом плане, с учетом исторических корней, функционирующих бытовых форм и явлений. Необходимость исторического подхода к изучению современной пищи определяется и известной ее исторической "емкостью".

В итоге должно сложиться представление о типологии пищи отдельных народов, об общих и национально-особенных чертах, о сложении межэтнических черт в результате взаимообмена, влияний, заимствований, о роли традиций и новаций, о значении стандартизированной, урбанизированной культуры.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В ПРОШЛОМ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Е.К.Аджинджал
(Сухуми)

СЛЕДЫ РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА У АБХАЗОВ

Христианство проникло на территорию древней Абхазии в первые века нашей эры. В начале IУ века в пределах Абазгии в Питиунте была учреждена самая ранняя христианская епархия на всем Кавказе, представитель которой был на Первом вселенском соборе в Никее в 325 году. Первые раннехристианские культовые сооружения в Абхазии (большой храм в Алахадзы и базиличный храм с мозаикой в Питиунте, а также Цандрипшский и Драндский храмы и древняя часть собора в Пицунде) относятся к IУ-УI векам нашей эры. В первой половине УI века христианство становится официальным государственным культом абхазов. В УП веке образовалась абхазская автокефальная церковь.

Однако христианство с трудом проникло в абхазскую среду. Проникновению новой религии препятствовали традиционные народные верования абхазов - амартатра. О борьбе христианства с язычеством свидетельствуют факты строительства христианских храмов на местах древних капищ (Лдзаа, Лашкындар, Лыхны, Елыр, Псырдаха и т.д.), что способствовало слиянию христианства с местными культами. Например, древнеабхазское святилище Правосудия - Елырных позже становится местом почитания св.Георгия. Следы дохристианского многобожия абхазов проявляются в традиционных представлениях, согласно которым бог не один, а бесконечно множествен в "долях". Каждый род, семья, личность имеют свою "долю" бога.

Целый ряд календарных христианских праздников у абхазов воспринял названия древних празднеств. Слияние произошло и в терминологии сакрального характера, например, святилище и икона называются одинаково "аныха" (голова матери).

Далее, христианский четырехконечный крест в народе идентифицировался с традиционным древком знамени с горизонтально прикрепленной к нему палкой для полотнища из шкуры, название которого состоит из двух понятий, связанных и с дубом (адх) и с войском (ар), в совокупности отзначающих "аджар" - крест, воплотивший в себе по представлениям абхазов символы обновления растительного мира, благополучия в скотоводстве, сакральных сил, покровительствующих металлоплавке, а также служивший оберегом.

Л.Х.Акаба
(Сухуми)

ПОНЯТИЯ О СЧАСТЬЕ И УДАЧЕ В ВЕРОВАНИЯХ АБХАЗОВ

I. Охота - древнейших вид производственной деятельности людей - всегда была связана с игрой случайностей. Особенно велика роль случайности на ранних ступенях исторического развития. Большой зависимостью охотничьего промысла от случая обусловлено то, что в охотничьих и других поверьях абхазов значительный слой составляют представления о счастье и удаче или, наоборот, о несчастье и неудаче.

2.С указанными выше представлениями связаны некоторые слова специального охотничьего языка абхазов: "счастливый бык" - ацәыиш (наименование главы охотничьей группы), "счастливая шерсть" - ахума (куница), "счастливая пасть" - аҧыш (волк) и др.

В соответствии с этими наименованиями находятся и верования абхазов о счастливых следах, которыми обладают якобы эти звери, куница и особенно волк. К числу зверей, имеющих плохой или несчастливый след, абхазы относили зайца.

3. Представления о счастье и удаче (о несчастье и неудаче) зародившиеся в древности на основе охотничьего хозяйства, развивались и на позднейших этапах истории. Так, на стадии скотоводческого и земледельческого хозяйства, в круг счастливых и несчастливых животных были включены и домаш-

ние животные. От этого этапа у абхазов сохранились верования о счастливых (собака, лошадь, буйвол) и несчастливых (кошка) домашних животных.

4. Особую группу верований составляют представления абхазов о людях, наделенных долей счастья. По традиционным воззрениям все люди рождаются счастливыми, но большинство из них лишаются своего счастья уже вскоре после рождения. С поверьями о счастливых и несчастливых людях и соответствующем их влиянии на окружающих у абхазов связывалось празднование одного из дней новогодней недели (первый или второй день нового года, а в некоторых местах - первый четверг после нового года).

5. Изучение терминологии, относящейся к рассматриваемой группе верований абхазов, а также и других кавказских народов, приводит к мысли о правомерности заключения, что в основе этих воззрений лежат представления о солнце, о его благодетельном, способствующем плодородию, влиянии на жизнь людей, зверей и растений.

Н.А.Алексеев
(Якутск)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИХ ЭТНОГЕНЕЗА

Одним из сложных вопросов в этнографии народов Сибири является происхождение тюркоязычных народов региона - алтайцев, тувинцев, хакасов, тофаларов, шорцев и якутов. Они занимают в Сибири обширную территорию и несомненно имеют родственные связи с местными древними тюрками. Для исследования этногенеза этих народов привлекались различные материалы: археологические, антропологические, фольклорные, лингвистические и этнографические. При этом материалы о религиозных верованиях использовались недостаточно. Это прежде всего объясняется отсутствием обобщающих работ по религиозным верованиям тюркоязычных народов Сибири.

В Институте языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, начиная с 1970 г. ведется разработка темы: "Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири", предполагающая обобщение опубликованных материалов, архивных и музейных данных. В целях проверки имеющихся сведений и возможного их дополнения в 1976 и 1977 гг. этнографический отряд Института совершил поездку в Горно-Алтайскую и Хакасскую автономные области, Тувинскую АССР и Иркутскую область. Полевая работа велась среди алтай-кижи, теленгитов, шорцев, качинцев, кызыльцев, сагайцев, тувинцев-тоджинцев и тофаларов.

Сопоставление собранных материалов позволяет в известной мере реконструировать некоторые черты религиозных верований древних тюрков - общих предков исследуемых нами народов. Наши материалы проливают свет и на этногенез упомянутых народов, свидетельствуют о древности их родственных и культурных связей. Общие элементы обнаруживаются в приемах магии, пережитках тотемизма, в культе огня, в обрядах, связанных с рождением детей и т.д.

Удалось также проследить прямые совпадения в верованиях отдельных этнических групп, входящих ныне в состав разных народов. Например, очень близки традиции, восходящие к тотемизму, и представления о природе у хакасов-качинцев, тувинцев-тоджинцев и тофов. Сходны представления о дереве-шамане у теленгитов, тувинцев-тоджинцев, тофов и якутов. Вместе с тем любопытно отсутствие отдельных представлений, весьма распространенных у одной группы народа в религиозных верованиях другой группы этого же народа. Так, если "тёсы" - семейные духи-охранители почитались у хакасов-кызыльцев, алтайцев алтай-кижи, тувинцев-тоджинцев, тофаларов и якутов, то в верованиях алтайцев-теленгитов, хакасов они не обнаружены. Выявление таких элементов свидетельствует о сложности этногенеза тюркоязычных народов Сибири.

Сравнительное изучение материалов о религии тюркоязычных народов Сибири позволит получить дополнительные материалы об их этногенезе и этнической истории.

С.Б.Арутюнян
(Ереван)

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

I. Древнеармянские мифы, мифологические сказания и сведения об армянском пантеоне сохранились в древнегреческих, византийских, армянских средневековых письменных источниках, частично и в поздней народной традиции.

2. Древнеармянская мифология представляет собой довольно сложный комплекс сюжетов, образов, верований различного происхождения, генезис которых обусловлен рядом историко-этнофических и этнических факторов.

3. Армянские мифы (особенно представления о божествах), хотя в основном и принадлежат индоевропейскому миру, но несут на себе следы определенного влияния мифологий переднеазиатских и малоазиатских народов иных языковых семей

4. Основные мифологемы древнеармянской мифологии сводятся к следующему:

а) астральный герой - мифический охотник (Хайк);

б) умирающее и воскресающее божество (Ара Гехецик);

в) вишап-демон и космическая борьба (Вахагн-вишапоборец, Тигран и Ахдахак);

г) герой, заключенный в пещеру (Артавазд);

д) культурные герои-близнецы (Санасар-Аргамозан, Мамик и Конак, Деметр и Гисанэ).

5. Основная специфика древнеармянской мифологии - её сильная историзация и локализация в пространстве и во времени. Архаичные мифы о явлениях природы трансформировались в мифо-историческую эпику. Древние боги и герои превращались в первопредков - эпонимов армян, основателей страны и государственности (Хайк, Арам), в царей или князей (Ара Гехецик, Тигран, Ахдахак, Торк Ангех, Артавазд), в основателей княжеских родов (Санасар и Аргамозан, Мамик и Конак, Вахагн). Мифическое время превращалось в историческое; мифические события переходили на историческую основу и происходили в конкретной географической среде; злые космические или хтонические духи и демоны трансформировались в вождей других

народов, царей или цариц вражеских государств (Ахдахак, Бэл, Барцам, Шамирам), однако продолжали сохранять мифические имена. Борьба между хаосом и космосом превращалась в этно-социальную или военно-политическую борьбу между "нашим" и "чужими" народами и государствами.

6. Отсюда вытекает и характер бинарности в древнеармянской мифологии. Основные носители бинарных оппозиций – армяне и "чужие". При этом первые выступают как стабильные и безразличные по отношению к пространству и времени, в то время, как вторые неустойчивы и меняются в зависимости от временно-пространственного фактора (вавилоняне, ассирийцы, мидияне и др.).

7. На основе демифологизации и историзации древних мифов, их превращения в историческую эпику, складывается и эпическая генеалогия, объединяющая разные мифические персонажи. Между героями разных мифов возникла определенная генеалогическая связь: Арам из потомства первопредка Хайка; Ара Гехецик – сын Арама, Анушаван Сосанвэр – внук Ара Гехецика. Остальные эпические цари древнеармянского эпоса "Випасанк" (Тигран, Арташес, Артавазд и др.) считались Хайкидами.

8. Хотя древнеармянские мифы в большинстве своем и потеряли архаичный облик, однако в них, даже в трансформированном виде, сохранилось много изначальных черт, в ряде случае уникальных, благодаря которым они занимают важное культурно-историческое место среди мифологий древних народов.

Н.А.Бригадзе
(Тбилиси)

К ИЗУЧЕНИЮ НОВОГОДНИХ РИТУАЛОВ ГРУЗИН ("МЕКВЛЭ")

Среди новогодних традиционных обычаев грузин важное место занимает "меквлеоба" – ритуал поздравления с новым годом, совершаемый особым лицом "поздравителем" "меквлэ". Наша задача выяснить происхождение, первоначальный смысл этого термина, производного от слова "квали", означающего: I) след, 2) борозда.

Первоначальное значение термина восходит ко второму значению слова "квали". В докладе анализируются этнографические и лингвистические данные, подтверждающие этот вывод. Так, в древности одной из главных функций меквлэ было проведение первой обрядовой вспашки, ритуальной борозды, что якобы способствовало получению богатого урожая и благополучия в наступающем году. В связи с этим меквлэ выступал в роли человека, способного повлиять на судьбы связанного с ним коллектива; эта его роль отражена в термине "бедис мцерали" (дословно: вершитель судьбы). Понятие "бедисцера" (судьба) восходит к слову "цера" (писать), в древности имевшему значения 'резать, чертить, пахать'. "Кавцера", название одного из древнейших пахотных орудий Грузии, черкушки, является производным от слова "цера", что подчеркивает правомерность обращения к архаическому значению термина (пахать). Очевидно, ритуальная фигура, исполнявшая в древности данный обряд, отсюда и получила свое другое наименование - "мцерали" (проводящий борозду). По грузинскому обычаю рядом с меквлэ, входившим в дом с новогодним поздравлением, должен был находиться бык. Эта деталь также подчеркивает генетическую связь традиционного обряда новогоднего поздравления с древним обычаем ритуальной первой вспашки.

Ш.Д.Инал-Ипа
(Сухуми)

ИЗ СКОТОВОДЧЕСКОГО КУЛЬТА АБХАЗОВ (АЛЫШКИНТЫР)

I. В абхазской мифологии представлен образ оригинального божества собак - Алышкинтыра. Вахушти термином олечкандери называет абхазский морской военный корабль, что перекликается с единичными сведениями, согласно которым у абхазов имелись смутные представления об Алышкинтыре как о неком морском судне. Это можно разъяснить, по В.Иванову, посредством типологического сравнения с древнегерманскими зооморфными лодками-кеннингами, имевшими изображения волчьей (собачьей) головы. У абхазов сохранились архаические фразеологизмы, связанные с указанным божеством (например, обращенное к собаке ругатель-

ство: Алышькынтыр уагааит! - "Чтобы Алышкинтыр взял тебя!").

2. Первый элемент имени Алышкинтыр происходит от абхазского ала - собака, значение же второго остается непонятным. Известно только, что у абхазов встречается старинное мужское имя Кынта; у южных абхазов акынтыр (мегр.кынтыр) означает огурец, в эпосе адыгов (адыгейцев и кабардинцев), находящихся в этнокультурном родстве с абхазами, племя извечных врагов нартских богатырей называют винты (чинты). В Западной Грузии и некоторых смежных с нею областях встречаются топонимические названия, тождественные или сходные с загадочным кинтыр: Кинтришские высоты, р.Кинтриши, ср.также ксенофонтовская р.Кинтрит на северо-востоке Малой Азии.

3. Алышкинтыр в языческих религиозных верованиях абхазов выступает как органическая составная часть создателя и покровителя домашних животных Айтар, в котором, кроме собачьего божества, слились воедино "Мать коров" (Жэабран), "Мать коз" (Иьабран), "Мать лошадей" (Аеышьашьана) и др. Таким образом происхождение Алышкинтыра, как и других "долей" Айтара, связано с хозяйственной жизнью и военным бытом древнеабхазских племен, в особенности скотоводством, немыслимым в местных условиях без охраны стад с помощью собак.

4. Представления, связанные с Алышкинтыром, нашли отражение в археологических материалах и архитектурных памятниках края, а также в разных произведениях народного изобразительного искусства абхазов. Следами его культа можно считать кости собак, найденные вместе с человеческими костями при раскопках дольменов и Эшерских кромлехов, датируемых началом II тыс. до н.э.; скульптурные и другие изображения псов на отдельных дольменах, памятниках колхидской бронзы и близких к ней культур (например, скульптура собаки на куланурхинском топоре, сдвоенные головки собак на эшерских ворворках); рельефное изображение двух стоящих друг против друга крупных собак на фронтоне раннесредневекового храма в Южной Абхазии (с.Ткварчели) под названием Лашкиндар, почти идентичны с именем интересующего нас божества, и др.

5. Надо полагать, что по крайней мере некоторые из этих памятников представляют собой конкретное воплощение Алышкин-

тыра - самобытного образа древнеабхазской мифологии, воспоминания о котором всё ещё удерживаются в фольклоре абхазского народа. Его ареал, возможно, совпадает с территорией расселения древнеабхазского этноса.

А.Р.Израелян
(Ереван)

БУСЫ-ОБЕРЕГИ ОТ "СГЛАЗА" У АРМЯН

I. В основу данного сообщения легли полевые материалы 1972-77 гг., собранные в разных районах Армянской ССР, а также коллекции этнографического фонда Государственного музея истории Армении.

2. Разнообразные бусы-обереги можно классифицировать следующим образом:

а) ракушки - каури;

б) шаровидные бусы с пятнышками (стекло, паста). Они имеют темный фон и светлые пятна или темные пятна и светлый фон;

в) синие бусы (глина, стекло); синий цвет считался у армян оберегающим от "нечистой силы";

г) бусы с узорами (стекло);

д) бусы разных форм, нанизанные на одну нитку, изготовленные из естественных или искусственных материалов (перламутр, агат, стекло, паста и т.д.).

3. Бусы-обереги, хранящиеся в этнографическом фонде музея, в основном изготовлены в XIX - начале XX вв. Однако в музее имеется большое количество аналогичных бус, найденных при археологических раскопках и датируемых периодом от I тыс. до н.э. до позднего средневековья. Например, шаровидные бусы с пятнышками были найдены при раскопках Кармир Блура и в могильниках эллинистического периода. О бусах-оберегах имеются и отдельные сведения историков средневекового периода.

4. Бусы от "сглаза" имели широкое применение в XIX-начале XX вв. Их пришивали к одежде детей, женщин, носили в косах, вешали на колыбель, на предметы, связанные со свадебным обрядом, прикрепляли к налобным, шейным украшениям, браслетам с серебряными пряжками, к украшениям для скота.

В.П.Кобычев
(Москва)

К ПЕРИОДИЗАЦИИ СВЯТИЛИЩ ИНГУШЕТИИ

I. В горах Северного Кавказа и, в частности, в Ингушетии до настоящего времени сохраняется большое число разнообразных древних культовых памятников. Среди них выделяется группа склепообразных святилищ и близких к ним в конструктивном отношении языческих и христианских храмов. К периодизации этих памятников в последние годы проявляют повышенный интерес специалисты ряда смежных дисциплин: археологи, этнографы, историки архитектуры, религиеведы и другие. Объясняется это тем, что решение указанной проблемы позволит вплотную приблизиться к пониманию социальных корней местного зодчества в широком смысле этого слова.

2. В разное время были высказаны две взаимоисключающие точки зрения на исходную основу культовых сооружений Ингушетии. Согласно первой из них, предложенной еще в 1930-х годах известным краеведом Л.П. Семеновым и архитектором И.П.Шеблыкиным, а в наши дни поддержанной В.Б.Виноградовым, Н.Н.Бараниченко и рядом других исследователей, толчком к возникновению святилищ-зданий послужили позднесредневековые христианские храмы типа Тхаба-ерды, Галь-ерды и т.п.

Однако несколько лет тому назад ингушский археолог М.Б. Мужухоев предложил диаметрально противоположное объяснение, а именно, что архитектурные особенности местных христианских церквей свидетельствуют о их тесной зависимости от более ранних памятников данного района, в частности от так называемых "малых святилищ", сохранившихся в небольшом числе на вершинах некоторых почитаемых гор, вдали от селений.

3. Столь резкое расхождение во взглядах на один и тот же предмет свидетельствует о том, что разрешить данный вопрос на местном материале практически невозможно. Поэтому следует обратиться к сравнительному материалу из соседних областей края, развитие которых протекало в сходных исто-

рических условиях.

4. Ближе всего в этом отношении нам представляется горная Дигория, население которой в средние века, подобно, ингушам, исповедовало сначала христианство (причем, как и в Ингушетии, по-видимому, весьма формально), а затем приняло ислам. Поэтому мы находим здесь также остатки различной конструкции христианских храмов, из которых ближе всего к ингушским стоит известный храм Сиппай-Соппба, расположенный на старинном заброшенном кладбище между селениями Лесгор и Донифарс.

В конструктивном отношении Сиппай-Соппба фактически ничем не отличается от стоящих по соседству с ним средневековых склепов, часть которых при строительстве была даже сориентирована на него. О том, что перед нами храм, а не склеп, можно догадаться лишь по наличию алтарного придела с подобием иконостаса, да изображению креста на одном из камней, завершающих крышу. Все остальное, в том числе характер кладки, ложное завершение свода, прямоугольный неправильной формы план и даже вход, расположенный на высоте около метра над первоначальным уровнем почвы и размером едва в половину человеческого роста, - полностью аналогично соседним склеповым постройкам.

С точки зрения интересующего нас вопроса важно подчеркнуть, что на левобережье Уруха, в пределах Дигорского ущелья, описанный храм представляет собой уникальное явление. Все другие святилища здесь суть естественные объекты - пещеры, священные рощи, поляны, перевалы и т.п. Возведение святилищ-зданий в горной Дигории с падением христианства полностью заглохло. Объяснение этому явлению следует искать с одной стороны в слабой, поверхностной христианизации населения ущелья, а с другой - в довольно раннем переходе последнего в мусульманство (не позднее середины XУП в.). В Ингушетии христианство было значительно прочнее и долговечнее, поэтому и традиция сооружения искусственных святилищ оказалась более устойчивой.

Т.В.Лукьяненко
(Москва)

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КОЛЬСКИХ СААМОВ
(к проблеме этногенеза)

Этногенез саамов до сих пор остается невыясненным. Существуют две основные точки зрения: в соответствии с первой происхождение саамов связывают с Зауральем, вторая точка зрения рассматривает саамов как потомков древнейшего населения севера Европы. Для решения названной проблемы необходим комплексный подход и анализ данных этнографии, антропологии, археологии и лингвистики.

Этнографические материалы о саамах содержат мало аргументов в пользу восточного происхождения этого народа. В материальной культуре некоторые черты сходства обнаруживаются лишь в жилых постройках и в конструкции лыж саамов и обских угров.

Духовная культура саамов еще недостаточно рассматривалась в этом аспекте, в то время,как некоторые её стороны отличаются большой консервативностью и могут иметь бесспорное значение для исследования этногенеза. Это относится, в частности, к погребальному обряду, который у саамов, особенно кольских, остается почти не изученным.

Сбор материалов по погребальному обряду кольских саамов был начат в 1976 г., когда автор данного сообщения совместно с группой антропологов Института этнографии, руководимой И.И.Гохманом, начал раскопки заброшенных саамских кладбищ конца XIX - начала XX в. с целью накопления краниологического и остеологического материала и изучения их погребального обряда. Эти работы были продолжены в 1977 г.

В результате обследования погребений выяснилось, что в похоронном обряде кольских саамов в конце XIX - начале XX в. еще сохранялся ряд особенностей, связанных с прежними дохристианскими верованиями. Это проявлялось, например, в выборе места для кладбища, которое обычно отделялось от поселения рекой, ручьем или располагалось на острове. Обычай хоронить "за водой", очевидно, связан со страхом перед

покойником и верой в то, что по воде умерший не может вернуться в мир живых.

Особый интерес в плане реконструкции погребального обряда, несомненно, представляют обнаруженные на крестах изображения лиц умерших, упоминания о которых в литературе нам до сих пор не встречались. Личины умерших вырезались в нижней части креста скорее всего острым ножом и располагались наклонно по отношению к вертикальной оси креста. На детских захоронениях личины не были зафиксированы.

Традиция таких изображений, напоминающих погребальные маски, выявлена у разных групп кольских саамов (каменских, семиостровских, иокангских и др.). Этот обычай, по-видимому, уходит своими корнями в глубокую древность. Дальнейшее исследование этого вопроса может способствовать решению проблемы этногенеза саамов.

С.Х.Мафедзев
(Нальчик)

О НЕКОТОРЫХ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АДЫГОВ И ИХ СВЯЗИ С НАРОДНЫМ КАЛЕНДАРЕМ

Космологические знания адыгов обусловливались их хозяйственной деятельностью и бытом. Об этом свидетельствуют многие факторы, в том числе самобытные названия звезд, планет, созвездий, а также легенды, связанные с ними. Имеются сведения, что в далеком прошлом адыгские наездники во время походов ориентировались по звездам, в частности руководствуясь расположением Млечного пути, Большой Медведицы и др. Венеру, как и многие другие народы, адыги называли утренней звездой. С животноводческим бытом связан Вагъуэбаш (вагъуэ - звезда, баш-палка).

Особое место в космологии адыгов занимало созвездие Вагъуэбэ (по данным одних информаторов, это - созвездие Дельфина, по сообщениям других - Тельца). Вагъуэбэ (вагъуэ - звезда, бэ - множество) в представлении адыгов обладало свойством входить (не заходить за горизонт) в землю и, пройдя четверть своего пути, выходить из нее снова, а потом передви-

гаться по небосводу, "переваливаясь". Исходя из того, где и какой отрезок пути проходило это созвездие, определяли основные периоды сельскохозяйственного года.

В кабардинском языке и сейчас существуют выражения: "Вагъуэбэр щIым къыхэкIащ" (Вагоба вышло из земли) "Вагъуэбэр гъавэм къавэм къыхэплъащ" (Вагоба на урожай посмотрело), "Вагъуэбэр жыг щхьэкIэм хыхьащ" (Вагоба зашло в кроны деревьев) и "Вагъуэбэр щIым хыхьэжащ" (Вагоба в землю опять вошло).

В зависимости от этих фаз год делился на четыре равных периода, каждый из которых характеризовался определенными явлениями природы, приметами, обрядами, полевыми работами и т.д. С ними было связано наступление весны, лета, осени и зимы. Расположением Вагоба определяли самые жаркие сорок дней лета (гъэмахуэ шылэ: гъэмахуэ - лето, шылэ - шелк) и самые холодные сорок дней зимы (щIымахуэ - зима, шылэ - шелк).

Выход Вагоба из земли соответствовал весеннему равноденствию. Существовало поверье, что только после выхода из земли Вагоба, в землю проникают солнечные лучи, которые обогревают её. Вагоба "посмотрит" на урожай, т.е. достигнет верхней кульминации только в дни летнего солнцестояния. Когда это происходит, растения тянутся к небу, быстро растут и наливаются соком. К этому периоду земля получает самое большое количество тепла. В народе говорили с радостью: "Вагоба посмотрело на урожай, теперь он пойдет в рост". Затем Вагоба зайдет в кроны деревьев. Это произойдет в осеннее равноденствие. К этому сроку из земли успевает выйти тепло и деревья перестают расти, т.е. останавливается сокодвижение. Считается, что только теперь можно заготовлять полезную древесину. "Вагоба вошло в кроны деревьев, можно делать заготовки для деревянных вил", - гласит народная традиция. Входит же Вагоба в землю обратно, т.е. достигает своего нижнего рубежа.

в дни зимнего солнцестояния. С этого времени , по выражению адыгов, земля сковывается холодом (щIыр мэдыкъ).

Изложенные материалы собраны во время этнографичес-

ких экспедиций последних лет и хранятся в архиве Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики. Они свидетельствуют о своеобразии космологических представлений адыгов и их связи с практической деятельностью и народным календарем, который в прошлом регулировал земледельческий быт адыгов.

Т.М.Михайлов
(Улан-Удэ)

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ШАМАНИЗМА БУРЯТ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

I. Сравнительно-историческое изучение шаманизма бурят и тюркоязычных народов Сибири (а также монголов и тюркоязычных народов Средней Азии) выявляет поразительное сходство в нём не только в основных элементах, но и в деталях. Это сходство обнаруживается:

а) в представлениях о сверхъестественных силах, пантеоне и мифологии, в частности, в культе неба, земли и воды, в почитании гор, онгонов, тотемических предков быка, волка, орла и лебедя, в именах и функциях божеств Ульгэн, Умай, Кайракан, Этуген, Эрлик, в "учении" о шаманах и их деятельности;

б) в культовой системе - в коллективных и индивидуальных жертвоприношениях, в обрядах посвящения и похорон шаманов, в наличии особого набора шаманского снаряжения, в функциях и действиях шаманов и шаманок, в обычае посвящения животных, в использовании в магических целях одинаковых предметов;

в) в культовой терминологии, т.е. в названиях обрядов и предметов религиозного назначения. Например, тайлаган-тайлга-тахил-таих (коллективное жертвоприношение),хэрэг-кэрэк-кырык (индивидуальное жертвоприношение), утган-удаган-одегон (шаманка), аранга-арангас (помост для воздушного захоронения шамана), айха (шаманская роща), туруу-туургэ (мировое дерево), обо-ова (куча камней на почита-

емой горе). Сходными являются восклицания-призывы "Ай хурый!" (Уруй!), "Төөрөк! Сөөк!" (Чок), которые произносятся во время молебствий.

2. Эти общие черты могли быть выработаны в тот переиод, когда предки названных народов жили в непосредственной близости друг от друга и имели тесные этнокультурные связи. Поиски в историко-генетическом плане приводят исследователя в Центральную Азию с прилегающей Южной Сибирью, где в период ранних кочевых обществ существовал примерно одинаковый хозяйственно-бытовой уклад населения, основанный на кочевом и полукочевом скотоводстве, и развивались специфические общественные отношения, характеризуемые как строй военной демократии и ранних государственных объединений.

3. Во времена господства хуннов, сяньби, жужаней и древних тюрков, последовательно сменивших друг друга, происходили интенсивные передвижения и смешения народов и племен, что вызвало в свою очередь миграцию и смешение религиозно-мифологических образов и сюжетов, предметов и традиций. Вместе с этим, особенно в древнетюркское время, возникли на огромных территориях и у разных этнических образований общие черты в культуре и идеологии, сложился комплекс верований, составивших основу шаманизма позднейших тюрко-монгольских народов.

Монгольские завоевания сыграли большую роль в последующих этнических и историко-культурных процессах, расширили зоны влияния центрально-азиатских традиций. Например, тюрко- и монголоязычные племена Прибайкалья (курыканы и хори) проникли в среднее Приленье, где, смешавшись с аборигенами, положили начало якутской народности. Известно, что тунгусоязычные группы, процессы формирования которых проходили в Прибайкалье и Забайкалье, длительное время находились в тесном взаимодействии с тюрко-монгольскими кочевниками, испытывая со стороны их немалое влияние. В период I и П тысячелетия н.э. тунгусы расселились на огромных территориях Сибири и Дальнего Востока, ассимилируя и вытесняя палеоазиатские и другие племена. Они явились распространителями многих культурных черт южного происхождения, в том числе и

религиозных.

4. Л.Я.Штернберг писал, что "такие общие черты, вплоть до совпадения иногда терминов частей шаманского обряжения или отдельных действий шамана, несомненно, указывают либо на общий центр происхождения специфических особенностей сибирского шаманизма, либо на древние культурные связи между ныне очень отдаленными друг от друга народами".

Наш опыт историко-сравнительного изучения материалов по верованиям указанных выше народов приводит к мысли, что таким центром была Центральная Азия вместе с Южной Сибирью. По всей вероятности, она явилась одним из ареалов формирования своеобразного комплекса шаманских верований на азиатском континенте. В ходе исторического развития этот комплекс, наряду с другими культурно-бытовыми явлениями, распространился за пределами тюрко-монгольской среды, оказал влияние на верования других народов Азии, особенно Сибири. Имеются данные о том, что шаманизм монголов и бурят оказал влияние на верования эвенков.

В свою очередь шаманизм тюрко-монгольских народов испытал влияние мировых религий.

И.Мухиддинов
(Душанбе)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛИЩЕМ, У ПАМИРСКИХ ТАДЖИКОВ

В этнографической литературе хорошо освещены вопросы планировки и способов постройки традиционного жилища памирских таджиков, однако верования, связанные с жилищем, почти не исследованы. Между тем, изучение этих верований представляет большой интерес, ибо в них запечатлены пережитки древних религиозных традиций, впоследствии испытавших влияние мусульманской идеологии, в данном случае исмаилизма.

Обычаи и обряды, связанные с культом предков, особенно явно проявлялись при постройке дома на месте старого, еще крепкого дома отца (деда, прадеда). Приготовленные блюда

несли на кладбище и у могилы предка устраивали угощение для родственников и соседей. Хэлифэ читал молитву, просил разрешение у духа предка, ангелов и святых на слом старого дома. На могиле предка в течение двух-трех суток горели свечи. Считалось, что после этого дух предка дает согласие.

По народным представлениям и кладбище, и дом отца рассматривались в равной степени как обиталище духов предков. Пять опорных столбов-колонн дома одушевляли, полагая, что они обладают сверхъестественной силой. Центральный столб считали олицетворением бога творца-Муртазо-Али, столб напротив него - Мухаммеда, столб у очага - Фотимы-Зухры, а обрамляющие входной проем в жилое помещение два столба, соединенные деревянной планкой с резным орнаментом - Хасана и Хусейна. Культ центрального столба находил выражение в обрядах, совершавшихся в дни празднования Нового Года - "Навруза" (здесь "Шогуни"), в день первой пахоты, в день жатвы и т.п. Древние народные представления, связанные с культом предков, под влиянием исмаилитской идеологии были переосмыслены, и несущие кровлю опорные столбы стали связываться с богом-творцом, пророком, его дочерью и внуками.

Пережитки имитативной магии наблюдались в обряде "опоясывания" (камарбандон) мужской половины дома, впервые выявленном нами в 1976 году. В кладку стены помещали доску, выступающую от поверхности стены на 8-10 см. В новогодний праздник на доске выставляли выпеченные из ржаной муки ритуальные хлебцы в виде фигурок барана, быка, лошади, козла и т.д., что по поверью должно было в наступающем году обеспечить обильный урожай, умножить поголовье скота, увеличить надои молока, количество масла и т.п.

Многие магические обряды, совершавшиеся при вселении в новый дом, также были переосмыслены под влиянием исмаилизма, особенно обряд "освящения" жилища, совершаемый после трех-пяти лет жизни в новом доме. Называется он "Приглашение" (Даъват). По народным представлениям, если не совершить этот обряд, дом будет считаться "нечистым" („харом"), его сравнивают с невенчанной невесткой, с незаконнорож-

денными детьми. Исмаилитская идеология оказала существенное влияние на сам церемониал, на весь комплекс ритуальных действий, связанных с магией оберега и культом предков.

Описанные обряды еще продолжают совершаться отдельными людьми, которые сохраняют и связанные со старой обрядностью воззрения. Но эти традиции близки к тому, чтобы окончательно уйти из жизни. Преодолению религиозной обрядности способствует ряд объективных факторов. Во-первых, вызванный самим образом жизни, а также идеологической работой коммунистов и комсомольцев рост атеизма даже среди лиц среднего возраста, не говоря уже о молодежи. Во-вторых, в новых условиях жизни нередко обряд теряет смысл. Например, в случаях, когда построен типовой дом или семья получает квартиру в двух-трехэтажном доме, где отсутствуют детали традиционной архитектуры (опорные столбы, открытый очаг, светодымовое отверстие и т.п.), являвшихся в прошлом объектом ритуального действия, обряды не совершаются, даже если в семье есть верующие старики. В настоящее время памирские таджики повсеместно отмечают новоселье, в котором слились предцник вселения в дом (хонадароён) и обряд "приглашение", но без участия халифы и совершения религиозных действий.

Н.Б.Немцева
(Ташкент)

ДОИСЛАМСКИЕ ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В СКЛЕПАХ ШАХИ-ЗИНДА

I. Вскрытие двадцати склепов (20) в мавзолеях ансамбля Шахи-Зинда позволило выявить разнообразные виды погребального обряда в среде высшей мусульманской знати и духовенства средневекового Самарканда. Погребальный обряд, фиксированный там для длительного промежутка времени (XI-XУП вв.), точно датированный в каждом отдельном случае надписями или комплексом археолого-архитектурных данных, позволяет классифицировать его по типам, наметить определенную линию разви-

тия и взаимосвязи с эволюцией самих погребальных сооружений.

2. Устанавливается, что в домонгольском Мавераннахре при мавзолеях не было склепов как специальной погребальной камеры – помещения в нижней части постройки. Редким исключением был мавзолей башенного типа (сырцовый мавзолей XI – XII вв. башенного типа в долине Сурхандарьи), схожий с азербайджанскими или западно-иранскими, в которых склепы имелись уже в XI–XII вв. Склепы при мавзолеях в Мавераннахре появляются во второй половине XIII в. (мавзолей 33 из ансамбля Шахи-Зинда) , получают наибольшее распространение в XIУ – ХУ вв. и сохраняются наряду с появившимися новыми типами погребальных сооружений (дахма, сагана) в ХУI – ХУII вв.

3. Первые примитивные склепы ансамбля Шахи-Зинда, изолированные планировочно и конструктивно от наземных частей мавзолея, показывают, что они развились генетически из обычных кирпичных могил (склеп – гипертрофированная могила), получивших наибольшее распространение в Средней Азии в первые века ислама. Функция кирпичной могилы, осуществлявшей предписанную зороастризмом изоляцию "нечистого" покойного от "священной" земли, с утверждением ислама распространяется в такой же мере и на фамильные склепы средневековья.

4. Погребальный обряд в склепах Шахи-Зинда при единой ориентации (северная, иногда северо-западная, с поворотом лица на запад) и трупоположении на спине представлен различными типами или их вариантами: захоронение непосредственно на полу склепа, в деревянном гробу или на доске, захоронения под полом склепа в различного типа грунтовых могилах – подбойной, обычной, крытой поперечным или продольным древесным накатом, с обкладкой стенок кирпичом, в деревянном гробу. Все эти виды погребений известны в Средней Азии с доисламских времен и бытуют , при количественном преобладании подбойных могил, до настоящего времени.

5. Во всех склепах (если погребения совершались на поверхности пола) положение костного материала было нарушено еще в средневековье и обусловливалось самим ритуалом; при очередном погребении останки предшествующих покойников, а

также полуистлевшие деревянные части гробов сдвигались в сторону (в угол) и слегка присыпались землей. Обычай этот определялся не только небольшой площадью фамильных склепов, но и древнейшей традицией, прослеженной в частности в катакомбных погребениях долины Зеравшана, в геоксюрских сырцовых камерах IУ - III тыс. до н.э. и других местах.

6. В большей части склепов обнаружена посуда (чаще дефектная), что может рассматриваться как свидетельство последующей трансформации древнего погребального обряда, связанного с анимистическими представлениями народов Средней Азии о бессмертии души и необходимости её подкармливать. Этот обычай в отдельных местах сохраняется до сего дня и прослеживается в различных формах на некоторых современных кладбищах.

Г.А.Носова
(Москва)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОБРЯДА КРЕЩЕНИЯ

I. Среди религиозно-бытовых пережитков своей распространенностью и воздействием на массы населения выделяется обряд крещения. Как и другие обряды христианства, крещение представляет собой многоплановый синкретический комплекс разнородных явлений социальной и духовной жизни, религиозных и нерелигиозных обычаев, ритуалов, поверий, которые, взаимодействуя между собой через церковный обряд, составляют определенную целостность. Учет этого обстоятельства помогает разобраться в современных формах обряда и причинах его сохранения до сегодняшнего дня.

2. Первая исторически сложившаяся группа обрядов, которые нами рассматриваются, - это обряды, связанные с беременностью и родами. Они основаны на древнейших религиозно-магических представлениях, в частности, и тех, которые характеризуются непониманием естественных причин зачатия ребенка. На эту обрядность наложил свой отпечаток также ряд запретов, вызванных представлением о магической нечистоте

беременной женщины и роженицы, которые сохранилась и в предписаниях православной церкви. Церковь стремилась взять под контроль древние обычаи, придать им христианский облик.

3. Вторая группа обрядов - это обряды, непосредственно связанные с крещением: выбор крестных, само крещение, крестины, имянаречение. Особого внимания заслуживает вопрос о значении и функциях крестных родителей, в первую очередь, крестного отца, кума. Институт кумовства уходит корнями в архаические институты родового общества. Крестный отец занял место широко популярного в родовом обществе дяди по матери , который оказывал покровительство своему племяннику. В народном обычае функции и роль крестных не ограничивались восприемничеством, а продолжались в течение всей жизни крестного и крестника и особенно возрастали при заключении брака крестником.

Отчетливый реликт древнеславянской семейно-родовой обрядности представлял собой обряд крестин, в котором сохранялись действия, относящиеся к группе обычаев "кувады".

4. Большое значение для понимания путей трансформации народных обычаев, взаимодействовавших с церковным ритуалом крещения, имеет учет особенностей семейного уклада и их преломления в общественных отношениях. Преемственность религиозной обрядности осуществляется в основном через семью и среду ближайших родственников. Наряду с лучшими семейными традициями все еще происходит усвоение отдельных архаических элементов групповой психологии, что проявляется и в отношении к обряду крещения.

Одним из каналов, по которым идет передача религиозных традиций, являются семейные праздники и обычаи, в частности обычай кумовства.

5. В настоящее время древние народные обычаи - родины, крестины - все более освобождаются от религиозной оболочки, приобретают обновленное содержание. Крестины, независимо от того, отмечаются ли они после крещения ребенка в церкви или вне связи с крещением, сохраняя лишь своё церковное название, превращаются в обычай семейно-родственного общения, который способствует укреплению родственных и дружеских

связей людей, оказывающих родителям поддержку в воспитании ребенка. Утрата большинства обрядовых черт, а также религиозного содержания создает основу для полного превращения крестин в безрелигиозный семейный праздник.

А.А.Погосян
(Ереван)

ПЕРЕЖИТКИ ОБРЯДОВ ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ У АМШЕНСКИХ АРМЯН

I. Со второй половины XIX века усиливается переселение амшенских армян из Трапезундского вилаета на черноморское побережье Кавказа. Здесь армяне основывают ряд селений - Мцара, Цебелда, Атара, Лабра и другие.

2. В июле 1976 года, во время экспедиции в Абхазскую АССР, мною были собраны материалы об обрядах вызывания дождя во время засухи, пережитки которых еще до недавнего времени сохранялись у амшенских армян.

3. Для вызывания дождя амшенские армяне совершали религиозные обряды: устраивали жертвоприношения, обрызгивали водой людей и животных, обливали водой друг друга во время праздника Вардавар (Преображение), совершали другие религиозно-магические действия.

4. Особенно большой интерес вызывает обряд "Кушкурик" - один из вариантов широко распространенного у армян обряда "Нури-Нури". Во время совершения этого обряда группа подростков с чучелом (кушкурик) обходила дома и собирала угощения. После обхода всех домов "кушкурика" бросали в реку, оплакивали и устраивали коллективную трапезу; угощение приготовляли из собранных продуктов.

5. У амшенских армян практиковались в основном те же обряды вызывания дождя, что и в других историко-этнографических районах Армении. Обряды вызывания дождя, имевшие дохристианский характер, в силу традиции дожили вплоть до наших дней.

Г.В.Смыр
(Сухуми)

О ПЕРЕЖИТКАХ ПРАВОСЛАВИЯ У АБХАЗОВ

Конкретно-социологические и этнографические исследования, проведенные в Абхазии (1965-1975 гг.), показали, что в результате социальных преобразований в ходе построения развитого социализма, развития просвещения и науки в Абхазии произошли значительные изменения в общей картине бытования религиозных традиций в жизни абхазского народа. Так, у абхазов, считающих себя христианами, разрушена идеология православия как целостная система взглядов, и связь между отдельными проявлениями религиозности, которая бы объединяла их в единое и стройное целое, как правило, отсутствует. Среди православного абхазского населения нет известной в других регионах группы убежденных верующих, распространяющих религиозные взгляды ($В_I$). Нет даже церковнослужителей и учащихся в духовных семинариях и академиях.

Религиозность многих убежденных верующих ($В_2$) и всех колеблющихся первого ($К_I$) и второго ($К_2$) порядка, сводится к соблюдению отдельных элементов религиозного комплекса, прежде всего обрядовых.

Особенно живучими оказались те пережитки христианского культа раннего средневековья, которые переплелись с дохристианскими религиозными верованиями абхазов. К таким пережиткам относятся - праздник успения богоматери (нанух), мужские и женские пасхи, "выход" из некоторых постов, похоронно-поминальные обряды и др. Для всех этих обрядов характерно застолье или, как говорят в народе , "хлеб-соль".

Несмотря на быстрый отход населения от религии, следует отметить, что пережитки идеологии православия оказывают влияние на верующих абхазов. Как известно, иллюзорно-компенсаторная социальная функция религии в условиях социалистического общества существенно меняется, но не исчезает.

В нашу задачу не входит давать конкретные рекомендации, касающиеся всех направлений и методов работы по атеистическому воспитанию трудящихся, однако следует подчеркнуть тот

момент, что среди других потребностей человека весьма существенной является потребность в выражении чувств, переживаний и настроений с помощью определенных действий. В связи с этим большую роль призваны сыграть работники культурно-просветительных учреждений, деятельность которых способствует утверждению безрелигиозных традиций.

И.К.Сургуладзе
(Тбилиси)

КУЛЬТ ХРИСТИАНСКИХ СВЯТЫХ В РИТУАЛАХ "ИЗМЕНЕНИЯ" ПОГОДЫ

I. Ритуалы, связанные с верой в возможность изменить погоду, основанные на религиозных представлениях древних земледельцев, сохранялись в народном быту кавказских народов до недавнего прошлого. Такая живучесть этих представлений была обусловлена примитивным уровнем хозяйства, при котором результаты земледельческого года сильно зависели от внешних факторов, стихийных сил природы, неподвластных воздействию человека.

2. Указанные ритуалы имеют весьма сложную стратиграфию, поскольку восприняли наслоения разных религиозных систем и верований, распространенных в прошлом на Кавказе.

3. По представлениям грузин, изменение погоды подвластно верховному божеству смерти, св. Георгию, св. Илье. Другие "святые", исторические или легендарные, (Лазарь, Давид Гареджи, Максим Конфессор и др.), считались посредниками между богом и людьми.

4. В ритуалах "Лазароба" и "Муроба", связанных с культами св.Лазаря и Максима Конфессора, сохранились следы оргиатических празднеств в честь юного умершего бога. Наличие этих пережитков указывает на генетическую связь обрядов, связанных с погодой, с древнейшими представлениями об умирающих и воскресающих божествах, распространенными в древности по всему Кавказу.

К.Тайжанов, Х.Исмаилов
(Ташкент)

ХИЛВАТ- СУФИЙСКИЙ ОБРЯД У УЗБЕКОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА (конец XIX – начало XX в.)

Основателем суфийского ордена Ясавийя считается среднеазиатский мистик, поэт и проповедник Ахмед Ясави (Хазрат Султан Ариф-ин Ходжа Ахмед Ясави) - личность историческая, но приобретшая в народных преданиях черты мифического персонажа. Воспринятое орденом учение о возможности личного общения человека с богом путем мистического экстаза было неразрывно связано со специфической обрядностью суфизма – радением (зикр). По легендам, при жизни Ахмеда Ясави зикр будто бы проводился в подземной келье (хумишк), где он, достигнув 63 лет (возраст пророка Мухаммеда), пребывал постоянно еще в течение 63 лет. После смерти Ахмеда Ясави радения стали проводиться в мечети при его усыпальнице (нынешний г.Туркестан Чимкентской области Казахской ССР). Эти радения продолжались до 1928 г.

Согласно учению Ахмеда Ясави, люди в течение 7 (или 10) дней в году должны отгородиться от внешнего мира, уединиться и забыть все, посвятив себя богу. Ритуальное уединение называлось хилват. В мечети собиралось до 5000 человек,которые предавались молитвам, пению мистических песен, чтению священных книг и радению (зикр-сухбат). Народные певцы - хафизы, порою числом до 400 человек, читали стихи Ахмеда Ясави и других классиков (Навои, Юсуфа, Сарями, Мукими, Фурката и др.), а танцоры закир отановились в круг халка, ритмично ходили по кругу под пение. Само радение (зикр) имело четыре ритма: чарзарб, сезарб, дузарб и якзарб, которые, как утверждают информаторы, названы так по количеству ударов в бубен (чарзарб - четыре удара, се - три удара и т.д.). Но во время зикра вместо аккомпанемента бубна участники издавали гортанные звуки (ху-ху-ху-ху), соответствующие количеству ударов , определявших тот или иной ритм. Для проведения хилвата выбирали зимнее время, когда люди в основном были свободны от раоот. Так как при хилвате

участникам обряда следовало изолироваться от внешнего мира, то закрывались все окна и двери, и в помещении стояла такая жара, которую вряд ли можно было вынести в летнее время. Внутри мечети были комнаты для омовения-тахарат хана; туалет находился за стеной мечети, но к нему вел закрытый коридор.

Главный руководитель - (азлар, от азизлар - дорогой, любимый) через глашатаев хабарчи объявлял день начала хилвата, хотя о нем все знали заранее. Желающие принять участие в хилвате приносили с собой жертвенных животных (баран, корова, лошадь, верблюд и др.) и продукты. Приехавшие пораньше находились при азларе и до начала хилвата принимали участие в религиозном обряде даха (дах - от перс. десять), который, как и хилват, состоял в молитвах, чтении священных книг и радений.

Хилват в г.Туркестане начинался в начале декабря. В пятницу, до дневной молитвы, главный азлар угощал всех собравшихся ритуальной едой - халим (каша из очищенной пшеницы и мяса). После молитвы участники обряда, подняв азлара на руки, входили в мечеть. За азларом шли певцы и танцоры, а за ними все остальные. Хафизы пели трогательную песню (халкаи надамат). После входа всех людей в помещение, из считавшихся святыми комнат выходили 12 азларов (в том числе и главный азлар) с длинными копьями в руках; эти копья прислоняли к краю большого котла (этот котел в настоящее время находится в Эрмитаже).

В это время специальные люди суфичиракчи усаживали всех на отведенные им места, причем прибывшим из с.Карамурт было отведено место справа от главного азлара. Люди сидели на полу на соломе только в одном нижнем белье - в белой рубашке и штанах. Так как двери и окна закрывались, чтобы не проникал дневной свет, то помещение освещали свечами-шам. Участники не различали дня и ночи. С внешним миром был связан только суфичиракчи, который приносил им еду. Обычно состоятельные люди угощали участников обряда в течение всего хилвата. Главный азлар в эти дни соблюдал диету (пархезгар булган), другие держали пост руза. Разрешалось есть и пить только певцам и закирам, так как их действия требовали боль-

шой затраты сил.

Как правило, в затворничестве следовало находиться 7 дней, однако не все участники могли высидеть до конца: некоторые не выносили духоты и жары и уходили раньше срока. Но среди участников были и такие люди, которые заранее клялись сидеть до конца. В отличие от других, перед тем как войти в хилват, они стригли волосы на правом виске (это делал парикмахер). Таких людей называли эран (слово, имеющее значение "клятва"); их затворничество до конца называлось "эран утириш", а преждевременный выход из хилвата - "эран бузмок", т.е. нарушение клятвы. За эти дни они даже не брились. После окончания обряда эраны (эранлар) еще три дня держали пост.

Всеми действиями в хилвате управлял староста суфиданишманд, который объявлял время намаза, чтения хафизов, начало радения закиров и т.д. Он же останавливал эти действия словом суфисуннат (перерыв). Во время перерыва люди отдыхали, причем могли и спать.

Заканчивали хилват также в пятницу, после дневной молитвы. Окна и двери мечети открывали люди, получившие на это благословение потихо, в связи с чем они приносили жертву. Старики рассказывают, что пар выходил из помещения в течение 2-3-х дней. Азлар в эти дни сильно уставал; его, как и в начале хилвата, выносили на руках. Последнее угощение с кашей халим также давал он. Хафизы в последний раз пели песни халкаи надамат, а закиры устраивали радение. Затем азлар объявлял о сроках проведения хилвата в других селениях - Сайрам, Карамурт, Манкент, Карабулак (также в Чимкентской области Казахской ССР) и собравшихся отпускал. В названных селениях хилват начинался также в пятницу, но совершался только три дня, по очереди, сначала в одном, потом - в другом (примерно с 19 декабря по 3-5 февраля следующего года.

Руководили хилватом уже местные азлары. Обычно выносливые и фанатичные люди участвовали в трех-четырех хилватах. С началом подготовки к весенним полевым работам хилват прекращали.

В наши дни о хилвате помнят лишь пожилые участники последних обрядов. Изучение этого религиозного обряда дает новый материал, освещающий своеобразие суфийской практики в Средней Азии в прошлом.

М.А.Хамиджанова
(Душанбе)

ПЕРЕЖИТКИ АРХАИЧЕСКИХ ПОХОРОННЫХ ОБРЯДОВ У ТАДЖИКОВ ДОЛИНЫ ЗЕРАВШАНА

За годы Советской власти в долине Зеравшана коренным образом изменился культурно-бытовой уклад жизни. Особенно велики преобразования в материальной культуре. Во многих областях духовной культуры также наблюдаются большие сдвиги, в частности, связанные с отходом населения от религии. Тем не менее религиозные пережитки все еще сохраняются в быту, причем наряду с верованиями и предписаниями ислама продолжают бытовать и отдельные реликты доисламских религиозных традиций. В частности, некоторые домусульманские пережитки удерживаются в похоронной обрядности, которая оказалась более консервативной, чем другие обряды семейного цикла. В дополнение к материалам, опубликованным М.С.Андреевым, А.К.Писарчик, Е.М.Пещеревой и другими исследователями, автором собраны новые сведения об архаических погребальных обрядах ягнобцев.

Основное внимание было обращено нами на обряды, совершавшиеся на похоронах молодых людей. Если человек умирал незадолго до своей свадьбы, то в день похорон, до того как обмыть покойника, его покрывали одеждой, приготовленной к свадьбе. Одеяла, вышивки, одежду, платки развешивали в комнате, как это делается во время свадьбы, но только выворачивали их наизнанку. Иногда вещи развешивали и на веранде, и во дворе. Все близкие покойника - женщины и мужчины - надевали халаты. При этом родители покойного надевали халаты, вывернутые наизнанку, подпоясывались поясными платками и брали в руки посохи, а на шею вешали всю легкую одежду умершего. Мать, бабушка, сестры покой-

ника распускали волосы и спускали платок с головы на плечи. Некоторые царапали лицо до крови, а иногда мазали лицо сажей, что традиционно считается признаком глубокой скорби.

В день похорон во дворе расчищали площадку и в центре её устанавливали украшенные дорогими тканями и цветами носилки "тобут", на которых лежал умерший, а сверху накидывали его самую нарядную одежду.

Взрослые мужчины, положив руки на плечи друг другу, образовывали вокруг носилок круг; когда бывало много народа, то получалось два-три круга. Четверо молодых близких родственников, находясь в центре круга, держали высоко над головой носилки; в это время совершалось радение. Под носилками четыре самые близкие женщины - мать, сестра, бабушка, тетка - с распущенными волосами, без головного убора, накинув свой платок на шею, также исполняли траурный танец.

Когда умирали очень старые люди, то считалось, что пришел их праздник - "туяшон", и обряды, выражающие крайнюю скорбь, например радение джахр, не совершались.

В наши дни описанные обряды все еще совершаются частью населения. При этом следует отметить, что в районных центрах среди интеллигенции, советских и партийных работников соблюдаются новые формы похоронного обряда: проведение траурного митинга, участие женщин в похоронном шествии и др. Наряду с этим и в среде верующих не соблюдаются многие старые традиции - например, раздача собравшимся денег ("хайрот") или кусков материи ("иртиш"). Старые похоронные традиции все более разрушаются.

К.С.Ханагян
(Ереван)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИТОЧНЫХ ФОРМ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ БЫТУ АРМЯН (по материалам этносоциологического обследования г.Еревана)

I. Материалы этносоциологического обследования г.Еревана позволяют проанализировать современное состояние религиозной обрядности.

2. Сохранение религиозно-обрядовых пережитков в современном быту городских (как, впрочем, и сельских жителей) тесно связано с силой традиций, оказавших влияние и на поведение, и на сознание людей.

3. Многообразие праздников вызывает необходимость их классификации, что позволит поставить изучение тех или иных групп праздников на теоретическую основу и будет способствовать выявлению закономерностей процессов их формирования.

4. За сравнительно короткий исторический период (60 лет) в быт народа вошли новые советские праздники (I-ое Мая, 7-ое ноября). Внедрение новой безрелигиозной обрядности происходило и продолжает усиливаться в условиях далеко зашедшего процесса разрушения прежней, религиозной обрядности, в ходе которого одни праздники еще отмечаются, утратив свое первоначальное значение, а другие близки к окончательному исчезновению из жизни народа.

5. Решающими факторами, влияющими на сохранность религиозных праздников, являются - образовательный уровень населения, микро- и макросреда, а также миграционная направленность, что и было учтено во время этносоциологического обследования, проведенного в г.Ереване.

З.Р. Хубецова
(Орджоникидзе)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ОСЕТИН

I. В осетинском языке сохранились фразеологизмы, отражающие особенности христианской и мусульманской религий, например: Мады майрам - Святая богоматерь; Хъуыраны стан! - Клянусь кораном!

2. Остатки языческой религии, просматривающиеся сквозь христианство и мусульманство, также зафиксированы в осетинской фразеологии. Например: Уастырджийы стан! - Клянусь святым Уастырджи! Къобы Уастырджи да фандарст факанад! - Пусть опекает тебя в пути Уастырджи Коби! Лагты дзуар да рахиз фарс цауад! - Чтоб опекал тебя в пути ангел - хра-

нитель мужчин (имеется в виду тот же Уастырджи, но женщинам-осетинкам было запрещено произносить имя покровителя мужчин Уастырджи, и они называли его лагты дзуар - ангел мужчин).

3. Осетинские клятвенные формулы и проклятия также удерживаются во фразеологии. Например: „Хуыцауы ардыстан! - Клянусь богом! (клятвенная формула), Мʼарт бауазал! - потух мой очаг! (букв. охладел мой огонь) (заговорная формула). Последнее выражение употребляется в случае сильного удивления, испуга.

4. Во фразеологических словосочетаниях отразились многие осетинские обычаи и обряды. Например: Бах фалдисын - посвящать коня. Имеется в виду обычай посвящения коня покойному, который известен и другим кавказским народам.- черкесам, чеченцам, хевсурам, курдам, абхазам. С этим же обычаем связана и формула проклятия - Авзар мардан фалдыст фау! - Чтоб тебя посвятили плохому покойнику!

Другая деталь погребального ритуала отразилась в поговорке: Хъаздыг Йа заронд мардтан дар дугъ уадзы - Богатый устраивает скачки даже в честь старых покойников.

Культ змеи связан с фразеологическим оборотом: цыкурайы фардыг - волшебная бусинка (буквально цы - что + кура - попросит, фардыг - бусинка).

Древний обычай, связанный с наречением имени, запечатлен в выражении Йа хъул сах абадти! - Ему (ей) повезло (букв. его альчик принял выгодное положение "шах"). По традиции осетин, тот,у кого альчик при подбрасывании принимал выгодное положение "шах", получал право дать новорожденному имя.

5. В ходе исследования выявлены ареальные кавказские (имеющие общекавказское распространение) фразеологии, связанные с религиозными верованиями.

И.Ц.Авакян
(Ереван)

ОБ АРМЯНСКИХ КОБРАХ - ДРАКОНАХ (ВИШАПАГОРГАХ)

I. Ковроделие как одна из отраслей ремесла в Армении имеет многовековую историю. Об этом свидетельствуют найденные при раскопках в Артике и Кармир Блуре остатки ковров (без ворса), относящиеся к УШ-УП векам до нашей эры, а также сведения, содержащиеся в армянских и арабских письменных источниках и описаниях европейских путешественников.

2. С древнейших времен армянские ковродели применяли широкую гамму ярких красок (вордан кармир), в частности пурпурную краску, а также умело сочетали в своих композициях растительный, животный и геометрический орнаменты, излюбленными элементами которого издавна были: древо жизни, виноградные лозы и листья, лотос, миндаль, олень, птицы, крест, драконы, люди, животные и др.

3. Среди старинных ковров с драконами особое место занимают ковры "Анаит" и "Гоар", с изображением на фоне растительности борьбы дракона с орлом, символизирующей борьбу злых и добрых духов. Культ дракона в армянской мифологии имеет древние корни. Образ его, тесно связанный с космогоническими представлениями, часто встречается в армянских мифах. Статуи драконов были поставлены у входа в храм Халда в Мусасире, у древних ирригационных сооружений на склонах Арагаца и Гегамских гор. Образ дракона нашел отражение и в декоративном искусстве, в частности, в ковроткачестве.

4. В этнографическом фонде Государственного музея истории Армении хранятся вишапагорги XУП-XIX вв. из разных районов Армении - Ширака, Зангезура, Араратской долины, Карса, Карина, Еревана, Гугарка, а также из Нагорного

Карабаха и Васпуракана.

Композиции на этих коврах различны. Каждая из них имеет свою специфику.

С.Х.Агаева
(Баку)

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ДУХОВЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ТРАКТАТАХ АБДУЛ'АДИРА МАРАГИ (XIУ-XУ вв.)

Духовые инструменты разделены ученым на две группы: с игровыми отверстиями (мугайедат) и без них (мутлагат).

К первой группе Абдулгадир Мараги относит: най сэфид (белый най). Длина этого инструмента различна - от семи "кулаков" ("мошт", "кабза") до одиннадцати. Трубка состоит из трех частей. Первая часть (отсчет ведется от конца) приблизительно равна половине всей длины. На ней расположено семь отверстий. Последние три не используются, а на четырех играют четырьмя пальцами: указательным, средним, безымянным и мизинцем. На тыльной стороне второй части имеется одно отверстие, называемое "шудка". Его закрывают большим пальцем. Третья часть равна одной четверти всего инструмента, она расположена у рта духовика ("нафех"). Путем регуляции воздушной струи возможно извлечение тридцати пяти звуков в пределах двух октав.

Замр, или сиях най (черный най). Сделан из дерева. Короче най сэфида (белого ная). Играть на нем легче. Этот инструмент более совершенный. Сиях най имеет мундштук. Дыхание при игре непрерывное. Игровые отверстия прикрываются полностью, наполовину или на четверть - в зависимости от исполняемой мелодии. Диапазон - две октавы. Сурна. Менее совершенный из духовых инструментов. Имеет мундштук. Диапазон - дуодецима (зил кулл ва-л хамс). Воздух следует вдувать осторожно, так как звук сурны очень сильный.

Ко вторую группу ученый включает: найче балабан. Подобен сурне. Но звучание мягкое и грустное. Нэфир. Изготавли-

вается из латуни или бронзы (бириндж). Самый длинный из всех инструментов. Длина его - два гяза (≈ 210 см). Более длинные нэфиры называются бургу. Если же раструб изогнут наподобие клюшки, то это каррэнай (карнай). Путем изменения силы воздуха извлекаются три звука а-йа-йх (условно: до-соль-до). Исполнение развитых мелодий на этих инструментах невозможно, так как они не имеют игровых отверстий.

Н.А.Акопян
А.С.Саакян
(Ереван)

РЕЗУЛЬТАТЫ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ЕРЕВАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ

Принцип записи фольклорных материалов силами студентов высших учебных заведений предполагает особую специфику и направленность работы.

Фольклорные экспедиции в вузах предусмотрены как часть учебного процесса в новых для студентов полевых условиях, что, естественно, предполагает несколько отличную от традиционной форму работы:

1) учитываются возможности одновременной встречи с информаторами большой группы собирателей (25-30 человек).

2) Принимаются во внимание все положительные и отрицательные (ограниченность во времени, недостаточное знакомство с количеством и качеством информации и т.д.) стороны подоонного метода сбора фольклорного материала.

продолжительная работа в этом направлении помогла выявить ее наиболее целесообразный и приемлемый вариант: группа направляется по уже знакомым по предшествующим экспедициям (последние 1-2 года) адресам. Это помогает:

а) получить новую информацию от уже известного сказителя;

б) проследить за вариантностью записанных ранее текстов;

в) проанализировать и объяснить происходящие в них изменения и т.д.

Одновременно в Ереванском государственном университете последние 10 лет действует большая группа любителей фольклора, собирательская деятельность которой охватывает практически все районы Советской Армении и отчасти других территорий союзных республик и зарубежных стран, заселенные армянами.

Целенаправленный комплексный сбор фольклорного материала при его одновременном картографировании для дальнейшего изучения ставит следующие цели:

а) составить карту распространения фольклорных жанров по ареалам;

б) выяснить жизнеспособность жанра; выражение национальной специфики и сказительского искусства; историческую судьбу фольклорных сюжетов, их взаимодействие и взаимопроникновение; особенности их варьирования; пути и причины деформации фольклорного материала; наиболее устойчивые и традиционные функции и т.д.

При этом необходимо учесть: возраст и пол сказителей, место их жительства и принадлежность к той или иной этнографической группе.

Систематизация фольклорного архива, классификация материала дает возможность составить статистические таблицы распространения сюжетов и их вариантов.

Т.Б.Бадмаева
(Элиста)

ТАНЦЫ ДЕРБЕТСКИХ КАЛМЫКОВ

В программу фольклорно-этнографической экспедиции Калмыцкого Научно-исследовательского института языка и литературы, проведенной в июне 1976 года, входило изучение танцевального искусства калмыков, населяющих центральную и северо-западную часть Калмыкии. Обследованы были Приозерный, Целинный, Сарпинский и Малодербетовский районы республики.

Во время экспедиции было выявлено бытование в этих районах танцев, исполняемых в осооом, распространенном только здесь стиле. Это "дервда би" - дербетские танцы, названные так потому, что большинство населения составляет этническая группа калмыцкого народа "баг-дёрвуд" - малодербеты. Наиболее характерные черты их исполнительского стиля: спокойная сдержанная манера, скользящие дробные переступания ног, широкие плавные развороты рук.

Калмыки, кочевавшие в центре калмыцкой степи, почти не вступали в контакты с другими народами, чем вероятно и можно объяснить сохранность на этой территории наиболее древних форм танца, таких как танцы подражающие повадкам животных и птиц ("тула би" - танец зайца, "тек би" - танец козла, "бухе би" - танец быка).

Информатор Б.У.Лиджиев (пос.Октябрьский Приозерного района) показал танец журавля ("тогруна би"), считавшийся утерянным. Основное движение рук в этом танце состоит из поочередного их поднимания вверх. Кисть руки описывает круговую траекторию, тогда как плечо и локоть делают небольшие колебательные движения вверх-вниз.

На обследованной территории распространены также сольные танцы. Наиболее популярен сольный мужской танец "тавшур", основное движение которого "тавштык" (топот) представляет собой разные варианты двойного хода, исполняемого с продвижением и на месте.

В обследованных районах до сих пор жива традиционная песенно-танцевальная форма - "дуулн кельдык би" - танец с приговоркой под домбру, называемый также "кельдже бильдык дун" - танцевальная песня. Исполнитель поет 1-2 куплета песни, затем танцем проходит круг по ходу солнца и все повторяется. В сочетании с танцем исполняются обычно песни жанра "ахр дун" (короткие песни), часто посвященные конкретным людям.

Женские танцы по сравнению с мужскими более спокойны, величавы. В них присутствует легкая вибрация тела. Женщины-домбристки нередко выступали кукловодами в своеобраз-

ном кукольном театре калмыков. Играя на домбре, они приводили в движение фигурки животных (овец, козлов, быков и др.), а те в такт музыке танцевали, подпрыгивая, приседая, вскидывая ноги.

Во время экспедиции были выявлены некоторые традиционные приемы обучения детей танцам. Например, для того чтобы выработать у детей стройную осанку во время танца, их заставляли глядеть на стык верхнего и бокового покрытия кибитки, приговаривая "туургин уузур халягад" - смотри на ободок крыши.

По танцевальной пластике танцы дербетских калмыков близки танцам донских калмыков. Родственные элементы: вибрация тела и дробные движения ног. Материалы изучения танцевальной культуры калмыков в определенной степени могут стать источником исследования этногенеза народа.

С.А.Вартанян
(Ереван)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ХРОНОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ ТИГРАНА НАВАСАРДЯНА

I. Наследие Навасардяна (1860-1900) состоит как из материалов, собранных им самим, так и полевых записей фольклора, проведенных корреспондентами в период 1876-1908 годов. Коллекция насчитывает 4981 страниц с 14300 текстами разных видов фольклора на армянском языке. Этот материал образует отдельный фонд (FB I: 0001 до FB 4981) в составе фольклорного архива Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.

I.1. По ходу составления Генерального каталога всего архива, был аналитически описан также и фонд Навасардяна, по единой системе (см. доклад И.Левина).

I.2. Результаты аналитической документации были обобщены в виде:

I.2.1. Общей картограммы мест записи,

I.2.2. Общей хронограммы времени записи.

I.2.3. Общей социограммы пола и возраста рассказчиков.

2.0 Эти основные виды документации характеризуют не только собранный фольклор в самых общих чертах, но и фольклористическую собирательскую деятельность на раняем этапе армянской науки.

2.I. В целях углубления характеристики фонда были проведены корреляции полученных данных, а именно:

2.I.I. Подготовлены раздельные картограммы по десятилетиям, благодаря чему стала видна динамика изученности района.

2.I.2. Согласно нашей методике была изготовлена хроносоциограмма, отражающая динамику в половозрастной структуре рассказчиков по десятилетиям. Полученные данные имеют культурно-историческое значение и помогают в совокупности выявить взаимосвязи в оценке фонда.

3. При помощи этих вторичных видов документации можно вскрыть особенности изученности района в фольклорном отношении и восполнить сведения по истории науки.

3.I. Если сравнить статистику фонда с демографическими данными, можно будет точнее определить некоторые отклонения от ожидаемой нормы и тем самым выявить специфику работы собирателей.

3.2. Эта специфика получает выражение при рассмотрении отдельных видов фольклора. Может быть поставлен вопрос о причинах, субъективных или объективных, обусловивших неравномерность сооранных материалов по отдельным видам.

3.3. Указанная документация проведена для отдельных видов. Исследование фонда продолжается.

А.С.Газиян
(Ереван)

ПЫЛ-ПУГИ - ХИТРЕЦ ИЗ КАРАБАХА

I. По материалам фольклора различных историко-этногра-

фических областей Армении известен ряд образов шутников-простаков (Полоз-Мукуч - в Ширке, Осос - в Лори, Гинос--дан - в Кафане), которые наделены чертами, соответствующими критериям юмористического данной этнографической группы народа. В этом ряду определенное место занимает Пыл-Пути, хитрец и шутник из Карабаха (Пыл - на карабахском наречии означает "безумный").

2. Записи фольклора о Пыл-Пути производились в основном в I половине нашего столетия и продолжаются в наши дни.

3. Пыл-Пути смел в разоблачении физических и умственных недостатков Мелика Шахназара - своего владыки, находчив и всегда побеждает в тяжелых ситуациях, не оставляет без ответа нанесенные ему Меликом оскорбления, но помогает Мелику, когда дело касается чести родины.

4. Пыл-Пути выражает определенный социальный идеал. Он - выходец из простого трудового народа. Его победа в конфликтах с меликом скорее выражение народных чаяний, чем историческая правда.

5. Фольклор о Пыл-Пути и мелике-Шахназаре по форме и содержанию отчасти имеет свои параллели в фольклоре народов Востока (о властителе и шуте), а отчасти сугубо местного происхождения. Во всех случаях он насыщен этнографическим колоритом, связан с местной топонимикой, историей и любим народом в наши дни.

Т.А.Геворкян
(Ереван)

ЮМОРЕСКИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНА ЛОРИ

I. Коренное население Лори сохранило почти нетронутым традиционный фольклор. На современном этапе в репертуаре сказателей, наряду с малыми формами и сказаниями, распространены юморески, обогащенные современными мотивами и настроениями.

2. В свое время на лорийские юморески обратил внима-

ние основоположник новой армянской литературы Х.Абовян. В его переработках некоторые из них вошли в сборник "Забавы в свооодное время". До сих пор на местах можно услышать варианты этих смешных историй.

3. В районе Лори почти каждая деревня имеет своего шутни́ка-балагура и конкурирует с другими. Так, стекольщик Рубен из Кировакана знаменит по всей республике и за ее пределами.

4. Юморески Лори высмеивают умственную и физическую лень, медлительность, тупость, недальновидность, простодушие. Им присущи единство формы и содержания, осооенности говора.

Р.А.Григорян
(Ереван)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРА НАСЕЛЕНИЯ ПРИОЗЕРНЫХ РАЙОНОВ СЕВАНА

I. Севанский бассейн (районы Севан, Камо, мартуни и Варденис) населен переселенцами из разных областей Западной Армении еще с 1830-х годов, чем и оъясняется разнообразие диалектов, фольклора, быта и культуры населения.

2. Путем сравнительного анализа сделана попытка выяснить процесс проникновения нового в традиционный фольклорный жанр хагик (частушка-четверостишие).

3. Народная традиция наиболее полно сохранилась в отдельных районах Севанского бассейна, там же записаны варианты армянского народного эпоса "Сасна црер", фрагменты иранского эпоса "Шах Наме".

4. Традиционный фольклор записан у сказителей старшего поколения обоего пола.

5. Некоторые виды современного фольклора (анекдоты, басни, четверостишия) записаны у сказателей двух более молодых поло-возрастных групп (от 30 до 50 лет).

6. Намечается отмирание некоторых видов традиционного фольклора в связи с преобразованием быта и всего уклада

жизни, в частности, существенными изменениями в традиционной обрядности армян.

С.А.Гуллакян
(Ереван)

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ "УКАЗАТЕЛЯ МОТИВОВ АРМЯНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК" И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

I. Предметом исследования послужили тексты, записанные виднейшими армянскими фольклористами С.Айкуни, Т.Навасардяном и Е.Лалаяном в конце XIX - начале XX вв., а также экспедициями и отдельными собирателями - в советское время. Тексты эти опубликованы в IO-томном издании АН Армянской ССР "Армянские народные сказки" и в ряде дореволюционных изданий. Из этих записей были отобраны сказки, которые принято обозначать термином "волшебные" (№№ 300 - IOOO по Указателю Аарне-Томпсона - всего 570 текстов).

2. Цель исследования - раскрыть содержание текстов посредством анализа мотивов стабильных рассказочных единиц.

3. Каждый текст был изложен в виде мотивов, то есть - простых предложений, в которых подлежащим является тот или иной персонаж, сказуемым - действие этого персонажа, дополнением - лицо или предмет, на который направлено действие персонажа. Цепь таких предложений передает содержание повествования.

Этот же сюжет может быть рассказан другим образом, когда подлежащим становится дополнение. Это дает возможность выявить все упоминающиеся в повествовании реалии.

4. Подлежащие всех предложений, так называемые опорные слова, располагаются в алфавитном порядке. Идентичные мотивы уплотняются и генерализуются. В результате каждый мотив, связанный с тем или иным опорным словом, указывает на ряд текстов. Так был создан указатель мотивов армянских волшебных сказок, который содержит около IIOO слов-понятий

5. Идентичные мотивы сигнализируют об идентичности эпизода или всего сюжета. Таким образом указатель может служить для выявления вариантов одного сюжета. Его корреляция по международным каталогам позволяет определить то, что является международным и что встречается только в армянском репертуаре.

6. Указатель мотивов сам по себе несет огромное количество информации, вскрывает внутренний мир сказок. Но в алфавитном указателе этот внутренний мир не систематизирован. Для того, чтобы определить, какие сферы действительности охвачены в сказках, какие из них главные, а какие второстепенные, нужна дальнейшая систематизация. С этой целью проводится группировка предметов по их содержанию сначала в самых общих категориях (люди, флора, вещи, абстракции), затем внутри каждой группы - по различным параметрам. Предметный и количественный анализ дает обоснованный ответ на вопрос, каково содержание армянских волшебных сказок.

7. Выделив опорные слова, мы получаем словарь, который содержит существенную часть словарного состава сказок. В нашей работе он дан на русском языке, что позволяет ввести его в широкий научный оборот.

А.И.Дей
(Киев)

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПЕСЕННОГО РЕПЕРТУАРА УКРАИНЫ РАЗНЫХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ УРОВНЕЙ /Экспедиции по следам З.Доленги-Ходаковского/

I. Сравнительное изучение песен, записанных в разное время в пределах определенных регионов дает возможность раскрыть динамику развития народной словесно-музыкальной культуры, эволюцию ее тематики, жанрового состава, художественных особенностей, увидеть соотношение стабильных и изменяющихся компонентов в процессе длительного бытования народной поэзии. При сопоставлении

отдаленных во времени пластов народнопесенного творчества особенно четко выступают внутренние закономерности его развития, обусловленные общими тенденциями социально-исторической жизни трудового народа.

2. В последние годы украинские фольклористы предприняли попытку исследования песенного репертуара в местах, где в 1814–1819 гг. делал записи выдающийся фольклорист-собиратель З.Доленга-Ходаковский. Он записал свыше 2000 украинских песен в Приднепровье, Подолии, Волыни, Галичине и Полесье. Впервые на основании его автографов это собрание издано в 1974 г. ("Українські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського". "Наукова думка", Київ, 1974, 780 с.). Больше половины собранных им песен составляет обрядовая поэзия, преимущественно свадебная (918 ооразцов), в значительном количестве записаны семейно-бытовые песни, песни малых форм (танцевальные, юмористические, коломыйки), сравнительно в небольшом количестве – социально-бытовые, исторические.

3. Записи песен, сделанные по следам З.Доленги-Ходаковского через полтора столетия (с конца 1960-х годов и до 1977 г.), хотя еще и не обследованы все 130 населенные пункты, откуда имеются у него песенные варианты, дают возможность сделать некоторые предварительные выводы.

а) Значительно сократился объем обрядовой поэзии, исчезли купальские, петривочные и русальные песни, веснянки; колядки и щедровки так-же не бытуют, хотя отдельные образцы еще пассивно сохранились в памяти людей преклонного возраста, преимущественно в отдаленных от городов и промышленных районов селениях. Исчезновение обрядов и обычаев в новых социально-исторических условиях привело к утрате целых циклов обрядовых песен. Сравнительно активное бытование традиционной свадьбы обусловило сохранность свадебных песен в репертуаре сельских певиц разного возраста, а также хоровых коллективов. Значительное количество записанных З.Ходаковским свадебных песен, главным образом информирующих о ходе обряда, юмористических и плясовых, дошли до наших

дней текстуально почти неизменными; характерные для собрания Ходаковского свадебные величальные песни, богатые традиционной символикой, в настоящее время почти не встречаются.

б) Социально-бытовые сословные песни, зафиксированные З.Ходаковским, за исключением единичных образцов, в современном песенном репертуаре не встречаются.

в) Созвучие современного народнопесенного репертуара с собранием З.Ходаковского наиболее заметно в жанре баллады и цикле любовных песен. Как правило, ныне бытующие варианты отличаются более лаконичным изложением содержания, имеют тенденцию к сокращению отдельных куплетов и песенных эпизодов.

М.А.Дэвлет
(Москва)

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ ТУВИНЦЕВ XVШ-XX вв.

I. Материалы для изучения сюжетных изображений на плоскости у тувинцев в XVШ – начале XX вв. чрезвычайно скудны. Они представлены в коллекциях музеев рисунками на предметах бытового назначения: деревянных шкатулках, игральных дощечках, кожаных сосудах, на предметах конского снаряжения, а также на предметах шаманского ритуала: бубнах, колотушках, одежде. Значительный интерес представляет такой источник по изобразительному искусству тувинцев как наскальные рисунки.

2. Традиция нанесения сюжетных рисунков на скалы у предков тувинцев имеет глубокие корни. В Саянском каньоне Енисея и прилегающих местностях за последние два года открыта серия рисунков XVШ – начала XXвв., выполненных на скалах тонкой резной линией. Надежным основанием для определения их нижней хронологической границы является изображение ружей, в том числе помещенных на "сошки". На скалах представлены сцены охоты, караваны верблюдов, всадники. Обращают на себя внимание рисунки, изображающие

тувинский народный костюм.

3. У современных народов Сибири до сих пор сохраняется практика наскальных изображений. В частности, у соседей тувинцев - хакасов зафиксировано и опубликовано значительное число наскальных изображений нового времени, среди которых имеются интересные аналогии тувинским народным рисункам.

В.И.Жекулина
(Ленинград)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ И СВАДЕБНОЙ ПОЭЗИИ (по материалам экспедиций 1974-1977 годов в Новгородскую область)

Точная картина исторических изменений в новгородском свадебном обряде может быть прослежена лишь в пределах ста с небольшим лет, в течение которых делались систематические записи. Отрывочные сведения XI-XVII веков дают представление только о некоторых деталях свадебного действа, однако эти сведения, при сопоставлении с более поздними записями, позволяют увидеть устойчивость одних, модификацию других, исчезновение третьих элементов обряда и обрядовой лирики.

Современные записи, содержащие главным образом рассказ о свадебном обряде 20-30-х годов нашего столетия, позволяют говорить об устойчивости многих обрядовых действий, о "сосуществовании" элементов разных эпох, о консервативности обряда в его основной схеме. Однако, новые общественные отношения, утрата экономической основы свадьбы и ряд других исторических причин привели к значительным изменениям в содержании и смысле обрядовых действий.

Постепенно трансформирующийся свадебный обряд оказывал в свою очередь влияние на форму бытования обрядовой лирики, поэтическая система которой претерпела, кроме того, изменения, вызываемые современной действительностью.

Анализ новгородских свадебных причитаний, записанных в XIX в., свидетельствует, что уже тогда в традиционно-условную ткань сугубо обрядовых произведений вплетались реальные образы "грозных властей", "злодеев - начальников", "вора старосты", мотивы тяжелой солдатчины и "отхожей работушки", быта крестьянина - бедняка. Современные записи говорят о том, что новая действительность еще более активно вторгается в традиционную канву обрядового причитания, делая его все более свободным в жанровом отношении.

Лирические свадебные песни, ранее строго приуроченные к определенным обрядовым действиям, уже с конца XIX в. свободно "мигрировали" в обряде, оформляя нередко разные по эмоционально-психологическому настрою моменты свадьбы и приспосабливая свое содержание и поэтическую систему к новым условиям. Наиболее интересные случаи подобного приспособления - контаминация, изменение зачинов и гибкость в использовании художественно-изобразительных средств.

Новые взгляды и потребности народа привели к тому, что в традиционную свадебную песню включались нетипичные для данного жанра темы и образы, рожденные действительностью (тема любви, образы ласковых свёкра и свекрови, радостно встречающих молодушку, и др.).

Влияние времени сказалось и на традиционной художественной обобщённости изображаемого: в поэтически условную ткань песни включаются конкретные события, лица, названия селений и особенности местного быта, что придает песне оттенок своеобразной индивидуальности и реалистичности. Это особенно заметно в песнях современных записей.

Величальные свадебные песни, как свидетельствуют современные и дореволюционные записи, утрачивали свою жанровую чистоту в результате широкого включения в их состав игровых, святочных, беседных припевок, колядок, частушек. Поэтическая система величаний была весьма подвижной и разнообразной в связи с постоянным включением новой лексики, географических названий, имен величаемых, частным конта-

минированием с близкими по теме соседними, особенно игровыми припевками, от которых величания заимствовали "поцелуйный" конец.

Однако, несмотря на отмеченные изменения, свадебная обрядовая поэзия сохранила на протяжении веков свою жанровую доминанту, о чем свидетельствуют многочисленные поэтичные образцы текстов из экспедиционных записей последних лет.

М.Я.Жорницкая
(Москва)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ЗАПИСИ ДВИЖЕНИЙ (КИНЕТОГРАФИИ) ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТАНЦЕВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ

Изучение хореографического искусства, народного или профессионального, невозможно без точной фиксации движений, мизансцен, обстановки и атрибутов, музыки, текстов песен и др. С целью координации работы и апробации методики записи в 1973 и 1974 гг. в наших экспедиционных выездах принимала участие научный сотрудник Института археологии и этнографии АН Армянской ССР, к.и.н. Х.К.Хачатрян.

Метод Сербун Лисициан оказался особенно эффективным для записи хореографического искусства коренного населения Северо-Востока Сибири, поскольку танцы эскимосов и береговых чукчей скульптурны и графичны. Этот же метод применен нами при записи хореографии коряков, ительменов и эвенов.

Чукотские, эскимосские, корякские, ительменские, эвенские танцы в основном импровизированные, в связи с чем трудно составить их словесное описание: при одном и том же наборе движений исполнители при повторении танца часто изменяют порядок их чередований. Применение методики записи движений позволило составить наглядную партитуру танца, в

которой отражены все детали и оттенки движений.

Математический расчет, применяющийся в методике С.Лисициан, дает возможность точно указать углы поворотов головы, корпуса, сгибов рук и ног, характерных элементов танцев-подражаний птицам и зверям (танец "Чайка" у коряков, танец "Охота на моржа" у эскимосов, танец "Журавль" у тундровых чукчей, танец "Бакия" у ительменов, танец "hэдьэ" у эвенов и т.д.) В полевых условиях, когда время для записи ограничено, графическая система кинетической записи оказалась просто незаменимой.

Несомненным достоинством кинетограммы является возможность отразить одновременные телодвижения в танце. Так, в чукотском танце "Журавль" исполнитель делает одновременно три движения: рывком выдвигает голову вперед, руки отводит назад за спину, идет на полусогнутых ногах и т.д.

Кинетограмма создает полное представление не только о движении в танце, но также и о его ритмической структуре. Она, безусловно, не исключает определенные элементы словесного описания, но предполагает дополнение в виде комментариев о костюме, манере исполнения танца и т.д.

Цель данного сообщения привлечь внимание этнографов к проблемам источниковедения хореографического искусства народов СССР, до сего времени специально у нас не разрабатывавшимся. Кинетографическая запись танцев разных народов и регионов страны у нас только начинает применяться. Исключение составляет армянский регион, где хореографическое искусство и театральные представления записываются методом кинетографии К.К.Хачатрян и Э.Х.Петросян. В настоящее время этот метод применяется для записи башкирских народных танцев Л.И.Нагаевой.

Для широкого использования методики записи движения (кинетографии) необходимо создать учебное пособие.

А.И.Исазаде
(Баку)

ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА РАБОТЫ НАД "АТЛАСОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА"

Азербайджанская народная музыка характеризуется локальными особенностями, присущими разным этнографическим районам края. Изучение этих особенностей - основная задача составителей "Атласа азербайджанского музыкального фольклора".

Источниками для Атласа служат полевые материалы экспедиций. Привлечены также литературные источники, материалы республиканского рукописного фонда, а также памятники изобразительного искусства.

Экспедиционные материалы позволяют выявить локальные особенности во всех сферах народной музыки: ладоинтонационной, ритмической, в инструментарии, жанрах и в самом наличии жанров.

Начальная стадия работы над Атласом состояла в создании детальных карт по следующим этнографическим зонам: Астара-Ленкоранской, Нахичеванской, Шеки-Закатальской и по Апшерону.

Анализ итогов первого этапа составления этих карт позволяет выявить зональные особенности в бытовании хороводных песен "халай" в Астара-Ленкоранской зоне, хороводных плясок "яллы", а также свадебно-обрядовых песен "ахыпта" и "гюлямейлэр" в Нахичеванской АССР, своеобразной музыкально-поэтической формы "мейхана" на Апшероне, спортивных танцев в Шеки-Закатальской зоне.

К.П.Кабашников
(Минск)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ В БЕЛОРУССИИ
(по материалам экспедиций 1975-1977 годов)

I. В соответствии с планом экспедиционных исследований в 1975-1977 годах фольклорные экспедиции Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Белорусской ССР работали в Минской, Витебской и Гомельской областях. Среди записей песенного творчества преобладают традиционные произведения, в том числе календарно-обрядовые. Ставя перед собой задачу определить состояние календарной обрядовой поэзии сегодня, мы учитывали, что записи текстов сами по себе еще не дают нужной картины, и стремились собрать дополнительные сведения о бытовании тех или иных произведений, о сохранности обрядов, с которыми они связаны, и т.п.

2. Календарно-обрядовая поэзия зимнего цикла представлена записями колядных песен, среди которых величальные и юмористические, щедровок, колядных игр ("Жанíцьба Цярэшкí"). Колядные песни в ряде мест бытуют активно, сопровождают комплекс колядных обрядов, обычаев, увеселений, которые в несколько трансформированном виде живут и теперь. Записаны также масленичные песни, но они немногочисленны и бытуют менее активно.

3. Разнообразны записи календарно-обрядовой поэзии весенíнего цикла. Здесь и заклички, и юрьевские, волочебные, троицкие, русальные и кустовые песни. Обращают на себя внимание хороводные песни. Активность бытования обрядовой поэзии в значительной мере определяется сохранностью обрядов, хотя нередки случаи, когда обряды уже не исполняются, а обрядовые песни звучат тогда, когда ранее эти обряды исполнялись.

4. Из календарной обрядовой поэзии летнего цикла активно бытуют на Полоччине и в некоторых районах минской

области купальские песни. Более широко распространены и лучше сохранились жатвенные песни: зажинковые, дожинковые, а также песни, исполнявшиеся во время жатвы.

5. До сих пор отчетливо видны фольклорно-этнографические регионы, для которых были характерны те или иные обряды и связанная с ними поэзия. Записи последних лет позволяют существенно уточнить границы распространения отдельных жанров календарной обрядовой поэзии, особенности исполнительского мастерства и другие вопросы.

Б.Я.Котляров
(Кишинев)

ТАРАФЫ: НАРОДНЫЕ МОЛДАВСКИЕ ОРКЕСТРЫ

Народные молдавские оркестры – тарафы – по сей день широко распространены в музыкальной культуре Молдавии. Такая популярность этих оркестров объясняется традициями коллективного исполнительства, своими истоками уходящими в древность. Имеется целый ряд письменных источников, свидетельствующих о существовании народных оркестров в Молдавии на много раньше в XVIII-XIX веках, как это предполагалось до недавнего времени. Осооого взлета народная оркестровая культура Молдавии достигает в первой половине прошлого столетия, в период, когда в Бессарабии побывал А.С.Пушкин, восхищавшийся игрой молдавских музыкантов.

Особый интерес представляет состав и репертуар тарафов-крупнейших народных музыкантов - лаутаров XIX - XX веков, вызвавших интерес Ф. Листа и других выдающихся композиторов.

В настоящее время традиции оркестров народных инструментов переживают новый качественный подъем, обогащая музыкальную культуру социалистической Молдавии.

В.П.Круглякова
(Свердловск)

РАБОЧИЙ ФОЛЬКЛОР В НАШИ ДНИ
(состав, методика собирания)

Рабочему фольклору, собирание и изучение которого широко развернулось в советской науке в 20-е и 30-е годы, в настоящее время не уделяется достаточного внимания. Если история рабочего фольклора еще освещается в научных публикациях текстов и в отдельных работах, то современное его состояние не является предметом специального внимания фольклористов, а без этого нельзя выявить в полной мере закономерности развития советского фольклора, прогнозировать их.

Фольклорные экспедиции Уральского университета имени А.М.Горького (Свердловск) занимались в 1976 и 1977 годах собиранием рабочего фольклора в городах и на предприятиях Свердловской области (в Каменске-Уральском, Алапаевске, Свердловске). В связи с неразработанностью методики сбирания современного рабочего фольклора пришлось идти экспериментальным путем. Рассматривая рабочий фольклор как органическую часть духовной культуры современных рабочих, мы вели поисковую работу по нескольким направлениям:

а) выявление знатоков различных жанров традиционного рабочего фольклора, фиксация старых и новых произведений, наблюдения над условиями их бытования, над исполнительским актом;

б) наблюдение праздников рабочих профессий (например, День металлурга, посвящение выпускников государственных производственно-технических училищ в рабочие) - фиксация ритуала, выступления агитбригад и т.д.;

в) выявление рабочих поэтов, изучение их произведений, степени их распространенности и т.д.;

г) изучение состояния и репертуара художественной

самодеятельности и др.

Собранные материалы показывают, что рабочий фольклор в наши дни - сложное явление, в котором сочетаются традиционные произведения и новации, что он развивается, опираясь как на фольклорные, так и на литературные традиции.

Л.И.Лавров
(Ленинград)

РАННИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА

I. Популярный в наши дни ретроспективный метод изучения истории кавказского фольклора ненадежен. В виду этого важное значение должны приобрести письменные (в том числе и эпиграфические), иконографические и ономастические источники.

2. Древние и средневековые авторы говорят о бытовавших на Северном Кавказе преданиях о Прометее (П - Ш вв. н.э.), царевне Сатиник (У в.), чудесном мече Мисламы (ХП и ХУП вв.), Искандере Зу-л-Карнайне (ХУП в.), завоевателе Дагестана Абу Муслиме (ХІУ- ХУІ вв.), деде Коркуте (ХІУ и ХУП вв.), ковчеге на горе Бештау (ХУП в.), людоедах (ХУШ в.), амазонках-эммеч (ХУШ в.), арабском происхождении феодальной знати в Дагестане (ХІУ - ХУІ и ХУП вв.), а также адыгейцев, кабардинцев и абазин (ХУП и ХУШ вв.) и др..

3. Надписи на камнях упоминают: Искандера Зу-л-Карнайна (ок. ХІУ, ХУ и ХУШ вв.), чудовище Йаджудж (ХУ в.), Гиви, Рустама и Гударза (ХУ в.).

4. На старинных вещах и камнях имеются изображения борьбы лучника с семью змеями (конец П - І-я пол. І тысячелетия до н.э.), всадника с черепахой, большой птицей и четырехрогим чудовищем (ХІ - ХП вв.), льва с большим насекомообразным существом (ХІУ в.), всадника со змеей

(XУI в.), всадника с драконом (до XУП в.), человека, вооруженного шашкой, который цепью тащит наверх пятиголовую змею (XП или XУП вв.), двухголовой птицы, похожей на голубя (до XУШ в.), тюленеобразных существ на четырех ногах (до XУШ в.) и др.

5. Следы фольклора встречаются и в старой ономастике: "Кала'курайш", то есть Крепость корейшитов (не позже XIУ в.), кабардинцы "Созоруко" (I643 г.) и "Сузарука Нартычев" (I753 г.), носившие имя эпического героя нарта Сосруко, а также урочище "Акбилек", то есть Белая рука, на р.Малом Зеленчуке (I76I г.), где приурочивали легенду о светлорукой красавице Ак-билек или иначе Адиих.

6. Фольклор на Северном Кавказе прошел сложный путь развития. Одни из его сюжетов и образов оказались с течением времени забытыми, другие претерпели большие изменения, а третьи имеют еще относительно молодой возраст. Ряд фольклорных произведений был заимствован у закавказских и некавказских народов, либо в той или иной степени испытал их влияние.

И.Г.Левин
(Ленинград)

АРИЯНСКАЯ СИСТЕМА ДОКУМЕНТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ ПО ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРУ

0. Предварительным условием фундаментального изучения (а соответственно: охраны, строительства и презентации) культуры, служит синоптическая документация уже накопленных сведений, превращающая, более или менее случайные, разрозненные материалы (напр. наблюдения, рассуждения, архивалии, реалии, фото- и фонограммы) в верифицируемую, легко доступную, источниковую базу.

0.I. Предпосылкой такого упорядочения огромного этнографического и фольклористического наследия (хотя бы в целях издания атласов или сводов) является разработка

системы феноменологического описания и механического извлечения совокупности информации по интересующим предметам, в их размещении в пространстве, распределении во времени и расслоении в социальной среде и других взаимосвязях.

0.I.I. Такая система, адекватная конкретному содержанию народоведческих хранилищ и архивов, и отвечающая нашим возможностям, равно как требованиям и тенденциям теории и практики мировой науки (но с учетом специальных условий Армении), была предложена мною в 1970 году Институту археологии и этнографии АН Армянской ССР.

I. Армянская система документации (АСД) представляет собой:

а) методологически обоснованный, многоаспектный, синоптический, группирующий кодификатор; б) тщательно отрегулированную технологию, позволяющую небольшим коллективам средней квалификации, быстро и надежно аналитически описать реалии или архивалии; в) набор инструкций для получения (вручную, табуляторами или через ЭВМ) каталогов, а на этой основе атласов и сводов по материальной и духовной, словесной культуре народонаселения, а также г) ряд методически обеспеченных, исследовательских программ.

I.I. Опись каждой единицы по АСД сводится к стандартизованному кодированному ответу на следующие IO, развернутых на кодификаторе вопросов:

[A] где в хранилище, т.е. под каким № в коллекции находится вещь или текст? [B] где? [C] когда?

[D] кем? [E] от кого? [F] что? - было получено или описано; [G] кто преимущественно является носителем объекта? [^{H}] когда? и [J] как бытует явление?

[K] какова характеристика единицы хранения, включенной в источниковую базу?

I.2. По АСД было описано в Ереване около I/4 миллиона стр. полевых рукописей, а каталоги и другие формы документации (свыше I,5 миллиона инфоединиц) получаются ныне

при помощи ЭВМ. Отчасти АСД использовалась за рубежом для анализа корпуса литературы.

2. Образуемые описанием многочисленные категории, согласно кодификатору АСД, дистинктивны по содержанию и уровню, давая материал для постановки и/или решения реальных проблем.

2.1. Для каждой группы, по любому признаку, механически получаемы исчерпывающие указатели, картограмма и хроносоциограмма, также другие корреляционные таблицы, вместе со статистикой заложенных в описи данных.

2.2. Возможно получить полную или выборочную информацию об изученности любой части территории, равно как любые, сопоставимые и интерпретабельные синхронные или диахронные срезы.

2.3. Из источниковой базы можно выделить локально и/или хронологически определенные репертуары отдельных социальных групп.

3. Количественный анализ позволяет улучшить качество источниковой базы путем целенаправленной полевой работы и/или репрезентативной выборки, что даст возможность сформулировать и эмпирически проверить гипотезы, выявить и осмыслить закономерности.

3.1. Верифицированная и типологизированная источниковая база даёт доказательную основу для оценки отдельных коллекций и научных сочинений, а также вообще для объективации специфики пространственных, исторических, социальных и феноменологических (между прочим, родовых, жанровых) комплексов.

4. Будучи хорошей школой для всех желающих учить и учиться, реорганизация этнографических и фольклорных хранилищ по единой системе, благодаря коллективной разработке источников, избавит исследователя, в конечном счете, от длительной поисковой, подготовительной работы, понизит стоимость и сократит сроки приобретения индивидуальной эрудиции, что повысит эффективность его труда.

4.I. Унификация и воссоединение информации введёт в научный оборот неиспользуемые, первичные и вторичные материалы по широкому спектру смежных дисциплин, что оудет способствовать интеграции усилий в целях необходимого перехода от коллекционирования культурных документов прошлого к систематической документации современной культуры народонаселения СССР для оудущего.

Э.Лийв
(Тарту)

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ЭСТОНИИ

I. Отдел фольклора Литературного музея им. Ф.Р.Крейцвальда Академии наук Эстонской ССР в 1977 г. издал восьмой выпуск методической серии, предназначенной для корреспондентов - собирателей фольклора: "Собиратель народных преданий . Руководство для собирания детского фольклора". С тех пор все фонды детского фольклора составляются на основе требований, выдвинутых в данном руководстве. В ответ музеи получает значительное число материалов от добровольных корреспондентов-фольклористов и учащихся многих школ.

2. Материалы, поступающие в фонды музея показывают:

а) наряду со считалками и альбомными стихами среди учащихся большое распространение имеют разные головоломки;

б) известна международная серия шуток о хитрецешкольнике, так называемые шутки о Юку. Более или менее распространен цикл так называемых "слоновых шуток";

в) в шутках о животных сохраняются классические приемы сказок.

В.А.Маланчук
(Киев)

СОЦИАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЗЫ ИВАНА ФРАНКО

I. Значение Ивана Франко как писателя-этнографа раскрыто недостаточно. Между тем его художественные полотна являются неоценимым источником для изучения народного быта, представляют ценный этнографический материал. Например, в так называемом биографическом цикле И.Франко ярко показывает тяжелые условия жизни крестьян, их классовую дифференциацию, разрушение сельской общины, вскрывает социальные корни поведения и психологии различных категорий крестьян. Выдающейся заслугой ученого-писателя является то, что он одним из первых в украинской этнографической науке обратился к рабочей тематике, глубоко и ярко отразив труд и быт рождающегося отряда рабочих-нефтяников. В цикле бориславских рассказов и повестей социальные и этнографические мотивы выступают в неразрывной взаимосвязи. Представляют интерес для исследования-этнографа и исторические повести И.Франко.

2. В своем творчестве И.Франко поднялся до широких обобщений социального плана. Он оказал серьезное воздействие на развитие прогрессивной научной мысли и литературы не только в Галиции, но и во всей Украине.

С.М.Махкамова
(Ташкент)

ДРЕВНИЕ МОТИВЫ В АБРОВЫХ ТКАНЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ СЕРЕДИНЫ XIX-XX вв.

I. Особое место в древнем искусстве мелкоткачества на территории Средней Азии занимает изготовление абровых тканей, узоры которых выполнены техникой перевязки "абрбан-

ди" ("икат"). Эта техника была известна на Востоке, судя по росписям Аджанты, еще в первые века н.э. Из всех местных кустарных тканей абровые ткани оказались наиболее стойкими - они вырабатываются и в наши дни.

2. Последними исследованиями историков текстиля, археологов, этнографов и лингвистов выявлены следующие общие черты, свойственные шелкам Согда ("занданечи"), тканям, изображенным на среднеазиатских фресках, тканям, о которых имеются сведения в средневековых письменных источниках и абровым тканям середины XIX-XX вв.:

а) назначение этих тканей: они использовались не только для одежды, но и в декоративных целях и в качестве подарка;

б) главные орнаментальные мотивы абровых тканей почерпнуты из орнаментального фонда согдийских шелков. Образцы, лежащие в основе их орнамента, наиболее близки к древним символам, общий исток которых-солярные и космогонические представления;

в) общим для орнаментации согдийских и абровых тканей является плоскостная трактовка растительно-геометрического узора. И в тех и других отмечается линейная стилизация.

3. Стилистическая близость согдийских шелков и более поздних абровых и наивных тканей, а также сведения Махмуда Кашгарского, автора древнетюркского словаря XI в., о набойке "чит" позволяют нам поставить вопрос о возможном среднеазиатском происхождении двух набоек по шерсти XI-XII вв., найденных в Орловской области и опубликованных Л.И.Якуниной.

4. Художественные приемы и орнаментальные композиции тканей - это как бы отдельные "фразы" одного художественного языка. С их помощью создавались и создаются ткани, оставляющие большое эстетическое впечатление своей завершенностью и декоративностью. Понять этот "язык" - задача важная и сложная, она еще ждет своего разрешения. Остается невыясненным и вопрос, почему характерные для древней

текстильной орнаментики узоры, дожившие до наших дней в абровых тканях, отсутствуют в среднеазиатских миниатюрах XУI–XIX вв.

Л.И.Нагаева
(Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ТАНЦА

Собранный в полевых условиях хореографический материал показал, что башкирские танцы, обладая единой пластической основой, имеют региональные особенности. Выделено три региона: юго-восточный, западный и северо-восточный.

Общее в хореографии названных регионов наблюдается в структуре танцев, основанной на чередовании плавных, бесшумных движений в самых различных направлениях (на юго-востоке чаще по кругу) с четким громким топотом в центре площадки. Основными движениями как мужских, так и женских танцев являются различные дроби ногами ("тыпырлау") и плавный ход ("шыма, ойотоп йороу"). Религиозные, свадебные обряды, семейные торжества, празднества, в составе которых функционировали танцы в прошлом, в основных чертах сходны повсеместно.

Различия сводятся к следующему.

I. У юго-восточных башкир, вследствие сохранения полукочевого скотоводческого быта, патриархально-родовые пережитки были сильнее, связанные с ними обряды играли еще значительную роль. У них зафиксированы охотничье-военственные ("пунарсы" – "Охотник", "Көтөусе" – Пастух), эпические ("Бәйык" – (мужск.имя), "Карттар бейеуе" – Танец стариков), свадебные ("Йыуаса" – Гостинец, "Аю туны" – Медвежья шуба, "Көрәгә бейетеу" – Пляска с кадкой, "Сенләу" – Жалобы невесты) и другие танцы, которые в той или иной степени были связаны с религиозными,

свадебными обрядами или празднествами. Кроме того, только на юго-востоке сохранились древние названия традиционных танцевальных движений. Темп плясок в основном умеренный.

2. Танцы западных башкир утратили связь с обрядами. Названия плясок отражают в основном половозрастной признак. ("Ирэр бейеуе" - Танец мужчин, "Карттар бейеуе" - Танец стариков, "Кыззар бейеуе" - Танец девушек, "Эбейзар бейеуе" - Танец старух и т.п.).

Танцы западных башкир исполняются в очень быстром темпе. Нередко мужские танцы начинаются с азартного бега по кругу ("югереп бейеу").

3. Танцы северо-восточных башкир имеют сходство с хореографической культурой как юго-восточных, так и западных башкир. Установлена связь танцев северо-восточного региона со свадебными, некоторыми религиозными обрядами, празднествами. Большое сходство обнаруживают свадебные пляски северо-восточных и юго-восточных башкир. Однако по характеру исполнения, темпу движений, танцевальной лексике хореография северо-восточного региона ближе хореографии западных башкир. На северо-востоке популярен быстрый темп исполнения танцев. Но целый ряд танцев исполняется умеренно ("салмак").

Материал по народной хореографии дает представление о взаимодействии и взаимовлиянии хореографических культур. На западе прослеживаются этнокультурные связи башкир с народами Поволжья (татарами, марийцами, удмуртами); на северо-востоке - башкир и татар. Хореография юго-восточных башкир отражает этнические контакты башкир с народами Казахстана, Средней Азии. Повсеместно прослеживается влияние русской хореографической культуры. На юго-востоке зафиксированы танцы "Сижик" (от русск. Чижик), на северо-востоке "Казачок", "Тэрпэкэ йуктырыу" - Танцевать трепака, на западе - "Камарский" (от русск. Камаринская). Пляски "Марш", "Парный танец" (юго-восток), "Общая" (северо-восток) отражают непосредственное влияние русских кадри-

лей.

Таким образом, материал по народному танцевальному творчеству, собранный в различных районах Башкирии, дает представление не только о богатстве и многообразии хореографии, но и об этнокультурных связях башкир с другими народами.

А.М.Назинян
(Ереван)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ АРМЯНСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ И УСТНЫХ БАСЕН

I. Жанр басни в армянской духовной культуре бытовал в двух формах: письменной - литературной и в народной - устной передаче.

2. Упоминания названия басни ("арак", "араспэл"), о ее роли и значении в армянской письменности встречаются с У в. Литературная басня в Армении развивалась и широко распространялась особенно в XII-XIII веках, когда появились известные баснописцы Мхитар Гош (XII в.) и Вардан Айгекци (XIII в.).

3. Басни в устной передаче со слов сказателей в армянской фольклористике записываются с XIX в. вплоть до наших дней. В народе сохранился ряд терминов, обозначающих басню - "арак", "масал" и др.

4. Взаимоотношение армянских средневековых (литературных) басен с устными сводится к следующему:

а) общность сюжетов и персонажей большей частью объясняется тем, что в основе средневеково-литературных и устных басен лежит общеармянский репертуар.

б) Нередко наблюдается непосредственное влияние средневековых литературных басен на устные: литературные басни в устной передаче трансформировались, создавая новые версии и варианты.

в) Общенациональный репертуар армянских средневеково-литературных и устных басен имеет точки соприкосновения с

мировыми литературно-фольклорными памятниками, проникшими к армянам с древних времен ("история Александра Македонского", "История царя Бахлула", басни Эзопа, сборники индийских басен и притч "Панчатантра" и их персидский перевод "Калила и Димна" и др.).

5. Репертуар армянских литературных и устных басен по богатству и оригинальности сюжетов и персонажей занимает достойное место в международном басенном наследии. Разностороннее исследование армянского репертуара имеет важное значение для общего басневедения.

6. Заслуживает внимания вопрос соотношения армянских литературных и устных басен с другими видами армянского фольклора (анекдот, сказка, пословица).

А.В.Оськин
(Москва)

К АНАЛИЗУ СИМВОЛИКИ ЗИГЗАГООБРАЗНЫХ ФИГУР В ПЕТРОГЛИФАХ ВНУТРЕННИХ КЫЗЫЛКУМОВ

I. Изучение археологических находок, а также образцов древнего иероглифического письма (Египет) показывают, что мотивы зигзагообразных фигур могут трактоваться как символы воды, водной стихии и т.д.

2. Петроглифы, открытые в Саймалыташ (Киргизия), позволили А.Н. Бернштаму предположить, что одиночные ломаные линии могли означать перегонные тропы, символизировать змею, молнию, реку. В наскальных изображениях Урала В.Н.Чернецов подобные фигуры охарактеризовал как охотничьи и рыболовные сооружения.

3. В некоторых петроглифических комплексах Букантау (Внутренние Кызылкумы) удалось выделить серию наскальных изображений, которые близки между собой по композиционному решению. Все они в своей структуре имеют зигзаг, солярный знак и элементы, связанные с антропо- или зооморфной символикой. В одних случаях - это изображение силуэта человеческой стопы, в других - фигуры животного.

4. Близость структурных компонентов, составляющих указанные композиции, позволяет выделить их в однородную семантическую группу.

5. Техника выколотки композиции с человеческой стопой, солярными знаками и зигзагами дает основание предполагать появление этих групп петроглифов в эпоху бронзы.

6. Анализ пиктограмм позволяет предполагать, что подобные сюжеты в далеком прошлом могли отражать пространственные взаиморасположения некоторых элементов природного окружения человека.

7. Этнографические материалы указывают на продолжительное сохранение в быту различных народов подобных смысловых комбинаций, а также на то, что отдельные элементы их могли содержать и некоторую дополнительную информацию.

А. Ю. Петерсон
(Тарту)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Государственный этнографический музей Эстонской ССР начал систематические этнографические киносъемки в 1961 г. За это время были отсняты различные старинные приемы работы, инструменты и орудия труда, сооружения, обряды и т.п. как в Эстонской ССР, так и у вепсов Ленинградской области.

В принципе, этнографическую информацию доставляет любой документальный или художественный фильм, однако не все они пригодны в качестве источника, так как бытовой материал в таких фильмах не всегда достоверен. Это объясняется публицистическими целями документального фильма. Этнографические киносъемки должны проводиться исключительно самим исследователем-этнографом.

Реконструкция старинных рабочих приемов и т.п. для киносъемок должна осуществляться под строгим научным контролем специалистов. Для этого необходимо, чтобы 1) трудо-

вые процессы реконструировались в той местности, где они исторически бытовали и 2) соответствующие работы проводились местными жителями. При создании этнографических кинофильмов необходимо строго придерживаться принципа историзма, т.е. все съемки должны вестись в хронологическом порядке. В этой связи нельзя согласиться с теми авторами этнографических фильмов, кто для демонстрации исторической глубины и географического размаха пытается ввести в съемку того или иного рабочего процесса аналогичные процессы, свойственные другим местностям. Подобные комбинированные сочетания определенных приемов труда вредят документальности фильма. Поэтому работники, занимающиеся этнографическими киносъемками, должны добиваться съемки конкретного приема работы, орудия и т.д., что исключает попадание ложной информации на киноленту.

Э.Х.Петросян
(Ереван)

АРМЯНСКИЕ СЮЖЕТНЫЕ ТАНЦЫ

I. Сюжетные или игровые танцы занимали и занимают определенное место в плясовом фольклоре армян. Это одна из наиболее развернутых драматизированных и сложных танцевальных форм. В ней использованы как плясовые движения, так и пантомима, которая может сливаться с плясовым па или быть самостоятельной.

2. В основу сюжетного танца положено различное по содержанию либретто. Сюжет развивается по законам драматургии: экспозиция, развернутое действие и финал.

3. Сюжетные танцы занимали большое место в народном театре. В основном, это были пантомимные пляски, имеющие подражательный характер. Таковы сценки с ряженными в людей, животных и птиц. В результате полевых работ последних лет выявлено бытование почти во всех регионах Армении игровых плясок, передающих повадки птиц. Это танцы под названием "Крунк" (Журавль) и "Газ-гази" (Гуси-гуси).

Сюжет их довольно развернут: птица свивает гнездо, выводит птенцов, кормит и поит их, учит летать. Финал танца прост: все птенцы разлетаются.

4. Сюжет довольно явно проступает также в ряде военных танцев. В них передаются поединки (танец Кох) или сцены боя (танец Яр-хушта). Участники разбиваются на две группы. Сначала они как бы знакомятся или приглядываются друг к другу. Далее следует развернутое действие: танцевальное состязание, которое переходит в финал- победу одной из сторон.

5. К сюжетным танцам относятся и некоторые трудовые пляски, как например, Кэча лмел (Мять войлок), Крдан кзы (Курдская девушка), в которой передан процесс изготовления пряжи, и обрядовая Экек цеценк сохн у схтор (Давайте толочь лук и чеснок).

6. Во всех сюжетных (игровых) плясках участники заранее распределяют партии. Часто танцы имеют словесный текст, который можно импровизировать по ходу действия. Но наблюдения показывают, что в армянских сюжетных плясках преобладает танцевальная пантомима.

Э.В.Померанцева
(Москва)

ЭТНИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УСТНОЙ ПРОЗЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

I. При изучении взаимодействия фольклора соседствующих народов необходимо учитывать разнообразие его функций, постоянную их трансформацию, динамику.

2. Удельный вес этнических функций фольклора постоянно меняется в зависимости от определяющих его исторических, социальных и национальных предпосылок. Они могут быть доминирующими или же второстепенными, подчиненными доминанте в общей системе функций.

3. В зависимости от исторической ситуации этнические функции могут играть разную (положительную или отрицатель-

ную, объединяющую или разъединяющую) роль в процессе взаимодействия национальных культур.

4. Изучение этнических функций современной устной прозы народов Поволжья дает основания для освещения ряда этнографических и фольклорных фактов.

5. Длительное сосуществование и постоянное общение народов Поволжья определило характер этнических функций их фольклора, в частности устной прозы.

6. Этнические функции устной прозы народов Поволжья находят свое выражение не столько в характере сюжетов и системе образов, общность которых в большой мере типологическая, сколько в отдельных мотивах, бытовых подробностях, языке.

7. Повествовательные детали в устной прозе народов Поволжья несут в себе основные этнические функции, во многом определяют идейную направленность сказок и преданий, их роль во взаимодействии национальных культур.

Б.Н.Путилов
(Ленинград)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-БЫТОВЫЕ СВЯЗИ ПЕСЕННЫХ ЖАНРОВ СВАНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

I. Верхняя Сванетия, по единодушному мнению историков культуры, представляет исключительный интерес для изучения архаических форм традиционной культуры в их разнообразных функционально-бытовых связях. Это в полной мере относится и к фольклору. Имеющиеся публикации и исследования говорят как о наличии здесь ряда архаических жанров, так и о своеобразных видах их бытового функционирования и различных типах внетекстовых связей.

2. Экспедиция 1977 г., участником которой был автор настоящего доклада, собрала материал, содержащий ценные данные для изучения фольклорной архаики и вместе с тем проливающий свет на ее трансформацию и переосмысление в современных условиях. Даже сравнительно кратковременное пребывание в нескольких селах Верхней Сванетии позволило сделать вывод о наличии чрезвычайно живой фольклорной традиции. Наши наблюдения подтверждают ту мысль, что сохранение и развитие древних фольклорных традиций в современной обстановке обеспечивается не отсталостью и не застойностью, но комплексом факторов хозяйственного, бытового и культурного порядка, проявляющихся при наличии в целом высокого, современного уровня общественного и культурного развития социалистической деревни.

3. Для традиционного бытового функционирования фольклора у сванов характерно наличие жанров, объединяющих элементы гимнической поэзии, хоровода и магически-производственного назначения, причем поэтическое содержание гимнов достаточно сложное и не может быть прямо возведено к практическим целям. Такой же синкретический характер имели баллады героико-мифологического содержания. Специфические связи обнаруживают жанры детского фольклора.

4. В связи с качественными изменениями в хозяйстве и общественной практике изменились традиционные функции ряда песенных жанров, однако об этих функциях еще помнят и сохранились некоторые их следы (запреты на пение в известные периоды, приуроченность исполнения отдельных песен к определенным праздникам, наличие элементов организации в исполнении некоторых песен и т.д.).

Коллективное хоровое многоголосное пение традиционных и отчасти новых песен в наше время чаще всего происходит на ежегодных празднествах и сборах, которые в условиях Верхней Сванетии играют особую роль. Для этих празднеств и сборов подбираются специальные группы, либо они комплектуются здесь же на основе не только степени знания и мастерства, но и связей родственного и дружеского порядка.

Песня - один из важных элементов культурного самосознания современных сванов, поддерживающих и выражающих их этническую солидарность, единство их трудовых и бытовых принципов и норм поведения.

Э.А.Рикман
(Москва)

О ДВУХ МОЛДАВСКИХ НАРОДНЫХ СПЕКТАКЛЯХ

I. В 1976 г. во время работы Молдавского археолого-этнографического отряда в селе Корпач (Единецкий район Молдавской ССР) зафиксированы два новогодних народных представления: "Лошадка" и "Арнауты". Помимо этих в селе Корпач разыгрываются другие спектакли: "Плугушор" и "Бугай".

2. "Лошадка" - одно из распространенных среди молдаван комических представлений о животных. По классификации Г.И.Спатару, этот спектакль относится к числу простейших народных драм. Древним и семантически наиболее весомым элементом представления является деревянная голова коня, укрепленная на палке. Когда-то фигура коня выполняла апотропические и обрядово-магические функции.

3. В Молдавской ССР проходит восточная граница зоны бытования спектакля "Лошадка", распространенного также у румын Молдовы и Добруджи. Существование у украинцев спектакля с восточно-романским названием "кэлуцул" - признак влияния молдавского народного театра на украинский.

4. Сравнение текста и драматургии спектакля "Лошадка", выявленного в селе Корпач, с аналогичными представлениями в других селах свидетельствует о своеобразии и архаичности элементов спектакля в селе Корпач.

5. Представление "Арнауты", по классификации Г.И.Спатару, относится к числу исторических молдавских народных драм. В селе Корпач эта драма сокращена, свёрнута. В ней наблюдается демократизация, мотив унижения, высмеивания,

пооивания императора.

6. В развернутом виде спектакль "Арнауты" сохранился среди молдавского населения главным образом, на севере республики, а также в румынской Молдове в районе г.Бырлад. Таким образом, представление распространено на территории оывшего Молдавского княжества.

7. В "Арнаутах" сохранилось воспоминание о наемном войске, приближенных лицах, чиновниках молдавских господарей из числа фанариотов. Эти лица вербовались главным образом среди албанцев. Таким образом, представление "Арнауты" неразрывно связано с историей Молдавского княжества.

8. Оба спектакля почти целиком светского характера, очень интересны костюмы актеров. Совпадающие персонажи обоих представлений одеты в одинаковые костюмы. Красочные одежды молдавских актеров сходны с одеждами колядников из многих стран Европы, в оообенности юго-восточной.

9. Ряд других элементов ооих спектаклей: шествие ряженых, сопровождаемое танцами, декламацией, пожеланиями благополучия, широко распространены в календарных фольклорных представлениях народов Европы. В этих спектаклях, как и в корпачских, наблюдается переодевание парней и мужчин в женские костюмы, что связано с мотивом брака.

10. Одна из примечательных черт представлений в селе Корпач - создание участниками шума свистками, выкриками, колокольчиками. Эта особенность народных календарных представлений широко распространена у народов Европы. Некогда этот шум и звон имели оградительно-магический смысл, ныне забытый. Осталась их развлекательная функция.

11. Представленные в корпачских спектаклях персонажи по большей части идентичны или аналогичны действующим лицам спектаклей календарных циклов народов Европы, в частности, Балканского полуострова.

12. По старинным народным поверьям, приход колядников в дом приносил его обитателям счастье, благополучие, а их

полям - плодородие. В далеком прошлом представления "Лошадка" и "Арнауты" содержали соответствующие магические обряды, рудименты которых сохранились до настоящего времени. Но теперь эти спектакли -всего лишь увеселительная праздничная народная драма.

Н.И.Савушкина
(Москва)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И КОМИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЖАНРАХ НЕСКАЗОЧНОЙ УСТНОЙ ПРОЗЫ

I. Экспедиция Московского Государственного университета записала в верховьях Мезени (Удорский р-н Коми АССР) значительное число произведений народной несказочной прозы от коми на русском языке: 222 предания, 105 легенд, 401 быличка. Материал этот интересен как для изучения взаимодействия двух национальных традиций в зоне длительных исторически сложившихся контактов, так и для выяснения устойчивости и изменяемости общего мезенского репертуара, зафиксированного в иной этнической среде.

2. Сюжетный состав и циклизация исторических преданий Удорского района сходны с нижнемезенскими (Мезенский и Лешуконский районы Архангельской области). Наиболее многочисленны записи преданий о чуди, богатырях, местных силачах. Предания о чуди отражают значительные события прошлого Мезенского края (столкновения русских и чуди, христианизацию, гибель чуди, самопогребение, чудские городища и клады). Повышенный интерес к преданиям о чуди связан с представлением "чудь-предки коми". На предания оказывает влияние и современная научная информация (сведения о раскопках городищ и т.д.).

Предания о богатырях и силачах в основе содержат древнейшие мотивы (постройка дома, богатырь ставит лес вверх комлем и т.д.). В дальнейшем общие мотивы (демонст-

рация силы, наказание насмешников, гибель из-за людской зависти или в борьбе) включают местные и национальные черты и циклизуются вокруг конкретной ("реальной") личности: Ивана Лобанова (Ваньки Лешего), Силё (Селифана) из Патракова.

3. Легенды о местных "святых угодниках" (Артемии Праведный из Верколы с Пинеги, Аника из Латьюги, Иуда из Конецщелья) стабильны по составу (нетленные мощи или явленная икона, построение "кельи", чудеса и исцеления), как и легенды о наказаниях за грехи. Своеобразны рассказы о разоблачении "святых" с участием местных жителей.

4. Древние мифологические представления в коми-фольклоре сохранились полнее, нежели в русском (циклы быличек об овиннике, медведе-оборотне, отсутствующие в соседних русских районах). Большое сходство с нижнемезенскими обнаруживают былички о лешем, водяном, баннике и домовом.

5. Несказочная проза позволяет выделить типы общности и взаимодействия коми и русского фольклора: а) общий сюжетный фонд преданий, основанных на исторических событиях прошлого (о чуди), б) типологическое сходство мотивов преданий о силачах, былинек, в) заимствование сюжетов и мотивов легенд о "святых" и праведниках и прикрепление их к местным "святым" (при общем типе культа).

Р.Л.Садоков
(Москва)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ИЗУЧЕНИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СССР

I. Широкий размах археологических работ на территории СССР дал чрезвычайно ценную коллекцию памятников музыкального искусства: подлинные музыкальные инструменты (из кости, камня и дерева) и произведения изобразительного искусства (фрески, настенная роспись, наскальные рисунки, каменная и глиняная скульптура, изображения на из-

делиях из серебра, кости, керамики) с запечатленными в них музыкальными сценами. Эти материалы разновременны – от палеолита до средневековья, они являются хорошей научной базой для разработки проблем истоков и становления музыкальной культуры древнего и средневекового мира.

2. Разнообразие и обилие этих источников делает возможным выделение специальной отрасли музыкально-исторической науки – музыкальной археологии с четко определимым кругом источников, целями, задачами, методом и организационным оформлением.

3. В задачу исследований по музыкальной археологии входит рассмотрение всего комплекса проблем музыкальной культуры: древний музыкальный инструментарий, его история и развитие, реконструкция и звучание; культура ансамблевого исполнительства – различные по сочетанию составы древних оркестров и законы этих сочетаний; характер исполняемых произведений, начало танцевального искусства и т.д.

4. В целях разработок этих проблем при Союзе композиторов РСФСР создана музыкально-археологическая секция, призванная возглавить и координировать работы в области музыкальной археологии, установлении творческой связи музыковедов и археологов, проведении совместных полевых и лабораторных исследований, публикаций и совещаний.

5. Главной сферой своей деятельности музыкально-археологическая секция считает создание совместно с археологами и этнографами "Свода археологических источников по истории древней и средневековой музыкальной культуры народов СССР". Это исследование должно быть основано на всех касающихся музыкального прошлого археологических материалах, когда-либо обнаруженных на территории СССР, и состоять (условно) из пяти выпусков: 1) музыкальная культура первобытной эпохи; 2) музыкальная культура древних народов Европейской части СССР; 3) музыкальная культура народов древнего Кавказа; 4) музыкальная культура народов древней Средней Азии и Казахстана; 5) музыкальная культура народов древней Сибири и Дальнего Востока.

Г.В.Саркисян
(Ереван)

АРМЯНСКИЕ СЕМЕЙНЫЕ ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ И ИХ СИМВОЛИКА

I. Армянские медали, появившиеся во второй половине XVII в., на протяжении более двух столетий сохраняли свое первоначальное назначение: они носили различные семейно-бытовые функции, некоторые медали имели значение оберега. Одновременно они служили украшением.

Медали обычно создавались в мастерских ювелиров по специальным заказам в единственном экземпляре.

2. Наиболее ранними памятниками армянского медальерного искусства являются две медали с портретом Григора Керака - купца из Новой Джуги. На лицевой стороне медали в одном случае Григор керак изображен до пояса, в другом - во весь рост. Оборотные стороны медалей идентичны. В орнаментике их мастер-ювелир использовал такие распространенные в медальерном искусстве символы и эмблемы как голубь (кротость), улей с пчелами (трудолюбие), агнец божий (кротость) и др. Эти медали являются ценным этнографическим источником, поскольку на них изображен портрет армянского купца в характерном для того времени костюме.

3. Группа семейно-бытовых медалей была создана в Голландии. На этих медалях нет портретов конкретных лиц, однако надписи и композиционные изображения раскрывают обычаи, мировоззрение, вкусы и даже частную жизнь армянской колонии в Голландии. Композиционные изображения и крылатые изречения позволяют относить их к религиозно-бытовым медалям воспитательного характера. Очевидно, родители в день совершеннолетия сына вручали ему памятную медаль, имеющую значение своеобразного "паспорта", с добрыми напутствиями, пожеланиями и советами.

4. Особо выделяются армянские свадебные медали XVII-XIX вв., характерные для свадебного обряда амстердамских

армян. Эти медали были изготовлены не для конкретных лиц. Основные встречающиеся на них композиции: соединенные руки, два пылающих сердца, целующиеся голуби, рог изобилия, изображения павлина, голубя, орла, лебедя, сфинкса и т.д. Интересны надписи, имеющие не только религиозное ("божественное провидение", "св.бракосочетание"), но и воспитательное назначение ("вечное сосуществование", "лучше вдвоём, чем одному", "да будут двое воедино").

5. Последнюю группу составляют медали с портретом примаса армянской церкви Григория Просветителя и изображением Эчмиадзинского кафедрального собора. Они являлись своеобразными оберегами владельца от превратностей судьбы. Все медали стёрты от долгого ношения, очевидно, хозяева этих медалей не расставались с ними всю жизнь.

6. Армянские семейные памятные медали являются своеобразным материалом для этнографов. Они позволяют раскрыть многие стороны быта, обычаев, связи армян Армении и переселенческих очагов.

В.Г.Свазлян
(Ереван)

О ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ В МУСАЛЕРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

I. Этнографическая группа армянского народа - мусалерцы издревле населяли северо-восточный берег Средиземноморья. В 1915 г., в период геноцида армян, они стали известны миру своей 40-дневной героической борьбой, после чего, скитались по разным странам, а в 1946 году репатриировались в Советскую Армению и поселились в ряде районов Араратской долины.

2. Сбор фольклорного материала производился в 1955-1960 гг. и 1972-1977 гг. В каждый экспедиционный период синхронно записывались от лиц разного пола, возраста, разные жанры фольклора.

3. Синхронические срезы двух периодов дали возможность сравнить их между собой. Сравнение показало:

а) фольклорный материал в количественном отношении сокращается. В жанровом отношении волшебные сказки заменяются короткими сказками, малые жанры (пословицы и разные формулы) слабо представлены в разговорной речи.

б) Хроносоциологический анализ половозрастной специфики двух периодов показывает, что старики передали нам в первом периоде фольклорные материалы в более или менее совершенной форме; а их наследники (бывшее среднее поколение) помнят их только частично или уже забывали, и лишь по особой просьбе вспоминали кое-что. Новое же поколение, которое учится в школах и вузах, ничего не сообщает и даже не понимает диалекта.

4. Диахронические и синхронические изменения обусловлены:

а) географической и исторической средой;

б) культурно-социальными условиями, внедрением техники, увеличением комфорта;

в) формированием нового мышления и психологии.

В.Ш.Татикян
(Ереван)

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КОВРОВ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

I. Ковровые изделия Восточной Армении обычно делят на две группы: изделия, типичные для центрального и северо-восточного Кавказа, северо-западного Ирана, восточных и центральных районов Малой Азии и изделия, стилистически связанные с первыми, но имеющие локальные отличия.

2. Из ковровых изделий первой группы (а именно они являются предметом нашего исследования) в Армении встречаются:

а) ковры, называемые "Джраберд" или "Адлер-Казах". Их ткут коренные жители Вайоц-дзора, а также в Ширакe и Сюнике;

б) ковры "Мехвагоргов" ("пчелинные") с изображением ульев или сот. Этот тип имеет в Армении ряд вариантов: вайоц-дзорский, иджеван-горисский, а также ноемберянский, перекликающийся с дербендским типом;

в) ковры типа "Малибейли" со свастическим узором; они распространены в Сюнике, встречаются также в Вайоц-дзоре, Ширакe, Иджеване и т.д.;

г) ковры типа "Лампа - Карабах", в разных вариантах они встречаются в Ноемберянском, а также Красносельском районах Армении;

д) ковры типа "Арцвагорг" (с изображением орла) или "Вишапагорг" (с изображением дракона); распространены они в нескольких вариантах: в Шамшадинском районе и в одном варианте - в Кубе (северо-восточный Кавказ);

е) ковры "Кереров" с крючками, они распространены в Вайоц-дзоре, а также у армян Карадага (северный Иран), в Арцахе, Ширване;

ж) ковровые изделия "Катистан", с крестообразными розетками; они имеют широкое распространение и в Передней Азии и на Кавказе. В Армении они распространены в Шамшадине, Араратской долине, Вайоц-дзоре;

з) ковры с шестигранными розетками; такие ковры широко распространены на Кавказе, в том числе и в Армении.

3. В связи с тем, что ковры перечисленных типов широко распространены как на Кавказе, так и в Передней Азии (что объясняется древнейшими историко-культурными связями между этими регионами), а также тем, что они имеют большое число разновидностей, нам представляется неправомерным именовать эти ковры по топонимам; более целесообразно их обозначение по выраженным в них идейным представлениям, а в случаях, если эти представления слишком абстрактны, то им следует давать названия описательного характера.

И.В.Тынурист
(Таллин)

ТРАДИЦИОННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

Современную культурную жизнь Эстонской ССР характеризует живой интерес к народному музыкальному творчеству, которое в разных его жанрах и связях с современностью становится полноправным видом современной культуры.

Возрастание интереса к архаическим образцам народной музыки в 60–70-х гг. нынешнего столетия явление повсеместное, и Эстония здесь не исключение. Однако своего рода ренессанс народной музыки произошел в республике, имеющей высокоразвитые формы профессионального музыкального искусства, которое по отдельным видам, например, хоровое пение, духовые оркестры, эстрадные вокально-инструментальные ансамбли и др. привлекает значительное количество самодеятельных музыкантов. Этот факт, на первый взгляд, должен был определить негативное отношение музыкальной общественности к традиционному фольклору. В прошлом отчасти так и произошло. Причина этого была и в том, что уже с XIX в. характер развития эстонской музыкальной культуры способствовал скорее отчуждению широких масс народа от фольклора, чем наоборот.

Обращение к архаической народной музыке в 70-х годах является, с одной стороны, результатом целенаправленной пропаганды, с другой – результатом объективных закономерностей развития современной культуры.

Древняя руническая народная песня, например, почти вышла из музыкального быта народа. Признание эстетической (и общекультурной) ценности рунической песни как поэтико-музыкального целого в наши дни – это результат её неустанной пропаганды некоторыми деятелями культуры и фольклорно-этнографическими ансамблями. Традиции же инструментальной народной музыки в быту народа столь резко не прерывались, и поэтому её функционирование в современном быту сохраняет отчасти чисто фольклорный характер. В сво-

еобразном виде эта черта проявилась в 70-е годы в спонтанном и быстром росте количества народных инструментальных ансамблей или так называемых сельских капелл, которые сами завоевали себе право на жизнь. Сельские капеллы, там, где они есть (на предприятиях, в колхозах и т.д.), являются теперь непременными участниками общественных мероприятий (торжества, вечера отдыха и т.п.). Руническая песня в живом обиходе бытует лишь на о.Кихну и у сету, но и там функции местных фольклорных коллективов заметно расширились.

Второй сферой бытования чистой рунической песни являются самодеятельные фольклорно-этнографические ансамбли и театральная сцена (ряд драматических театров республики в немалой мере способствует пропаганде народной музыки). Аутентичная народная песня и инструментальная музыка все чаще используется при музыкальном оформлении документальных и художественных кинофильмов. Все это свидетельствует об углубляющемся признании идейно-художественных достоинств традиционного музыкального фольклора уже на уровне современного профессионального искусства. И это не просто использование "фольклорных цитат" или демонстрация музейных экспонатов, а свидетельство обретения возрождаемым традиционным фольклором нового качества, новых художественных и общественных функций.

А.С.Федосик
(Минск)

БЕЛОРУССКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ НЕОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ

Фольклорные экспедиционные исследования последних лет показали, что традиционные белорусские народные произведения сохранились в разных регионах республики не в одинаковой степени. В некоторых регионах устнопоэтические произведения не только живут в памяти трудящихся, но многие из них активно бытуют.

В Болковыском и Мостовском районах Гродненской области и в Октябрьском районе Гомельской области, где проводились исследования, большой популярностью пользуются семейно-бытовые, любовные, солдатские, рекрутские и другие народные песни. Идейно-тематическое содержание их разнообразно.

Во многих традиционных песнях отражена горькая доля женщины дореволюционного периода, попавшей в семью злой ("лихой") свекрови. Яркие поэтические образы влюбленных девушки и парня воссозданы в лирических любовных песнях, для которых особенно характерны богатая символика, олицетворение природы в параллелизмах, красочность описания чувств молодых людей. Это импонирует и нашему современнику, чем и обусловливается прежде всего активность бытования традиционных любовных песен. В некоторых песнях звучит также протест против социального неравенства, господствовавшего в дореволюционный период и мешавшего счастью полюбившим друг друга парня и девушки.

Рекрутские и солдатские песни, сохранившиеся в народной памяти, отразили отношение к рекрутской повинности, которая ложилась тяжелым бременем прежде всего на семьи крестьян-бедняков. В песнях показана социальная несправедливость, проявлявшаяся при наборе в царскую армию, выражен страстный протест против изнурительной и жестокой муштры солдат. Возникшие позже обрядовой лирики рекрутские и солдатские песни вобрали в себя традиционные приемы и средства белорусского народного песенного творчества.

В 1976-1977 гг. записано также немало батрацких (бурлацких, рекрутских) песен. Бурлацкие песни в Белоруссии не соответствуют этому названию в русском фольклоре, в них отражалась тяжелая доля батрака. В ряде песен бурлак отождествляется с чумаком. Чумацкие песни тоже хорошо сохранились в народной памяти, некоторые из них зафиксированы фольклористами во время последних экспедиций.

Таким образом, необрядовые песни – важная часть традиционного белорусского песенного творчества, дошла до нас не только в памяти народной, но в ряде случаев и в активном бытовании.

А.К.Хачатрян
(Ереван)

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ АРМЯНСКИХ НАРОДНЫХ ПЛЯСОК

Армянская народная плясовая культура подчинена определенным закономерностям и имеет ряд отличительных признаков. Изучение этих закономерностей и особенностей дает возможность классифицировать народные пляски следующим образом:

I. Все пляски можно разделить на две группы согласно превалирующему направлению продвижения участвующих по площадке: пляски с общим продвижением вправо и пляски с общим продвижением влево.

2. Другой принцип классификации по числу участвующих: коллективные (массовые) пляски, групповые (с ограниченным числом танцоров), дуэтные и сольные. В таком подразделении хорошо проступает связь между плясовой фигурой и числом участников.

3. Половозрастное деление плясок: мужские, женские, смешанные. Внутри каждого вида следует построение по старшинству. Такой принцип построения имел большое значение в обрядовых плясках.

4. Соотношение плясовой фигуры и содержания танца, как правило, тесно связано. Это нашло отражение в бытующей в народе традиционной классификации, которая выявлена С.С.Лисицыан и подтверждена результатами наших полевых работ. Таковы виды плясок "Тованд", "Шорор", "Кочари", "Верверн", "Ет у арадж", пляски с ударами ступней (простой и сложный счет в ритм) и проч. .

5. Возможна классификация плясок по жанрам. В них раскрываются различные стороны мышления народа, его обычаи, воззрения на ряд явлений действительности. Таковы

эпические (повествовательные, описательные), лирические, обрядовые, воинственные, скороные (а также похоронные), тотемические, дорожные и прочие пляски.

6. Каждый из приведенных принципов классификации в определенной степени условен, не может быть исчерпывающим и охватить все многообразие плясового фольклора. Изучение плясок с разных точек зрения и в совокупности дает возможность выявить специфику национальной формы дошедшего до нас танцевального наследия.

Э.Г.Хемчян
(Ереван)

ОБРАЗ ШАХА АББАСА В АРМЯНСКОМ ЭПИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

I. Образ шаха Аббаса занимает значительное место в различных жанрах армянского фольклора (сказка, предание, рассказ, анекдот). Первые записи с его упоминанием относятся к 60-м годам XIX в.

2. Материалы записывались в ряде районов Советской Армении (Иджеван, Ноемберян, Шамшадин, Севанский бассейн, Араратская долина, Зангезур), а также в Гандзаке и Карабахе (Азербайджанская ССР), что совпадает с основными районами деятельности исторического шаха Аббаса. Сказатели относятся к разным возрастным группам (от 40 до 90 лет). Из них 45 сказателей мужчин, 2 - женщины, а II - неизвестны.

3. Шах Аббас в фольклоре и в историографии выступает как личность двойственная. В армянской историографии он характеризуется преимущественно отрицательно (Аракел Даврижеци, Хачатур Дкугаеци и др.). В эпическом фольклоре образ шаха Аббаса идеализирован. Он правитель-покровитель ремесел и торговли, справедливый и жестокосердный.

4. Армянский эпический фольклор приписывает шаху Аббасу общие эпические качества, которые приписываются и другим историческим и эпическим лицам. Основные сказочные мотивы таковы:

а) уничтожение всех женщин из-за неверности одной женщины:

б) связь эпического героя с простой девушкой, которой перед уходом он оставляет браслет для будущего сына;

в) эпический герой поневоле становится свидетелем решения судьбы новорожденного и пытается противодействовать судьбе.

5. В то же время в эпических сюжетах встречаются мотивы, имеющие историческую основу:

а) шах Аббас переодетый в одежды дервиша (скитальца) или торговца обходит свои владения;

б) умеет прислушиваться к мудрому слову;

в) относительно терпимо относится к христианской религии;

г) выбирает государственных служащих из низших слоев народа и т.д.

6. Двойственность образа шаха Аббаса - следствие его политики. Его большая популярность была обусловлена тем, что его захватнические стремления сочетались со строительной деятельностью, подвигами, справедливостью и покровительством ремесел и торговли.

К.Ш.Шаниязов
(Ташкент)

ТРАДИЦИОННЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ УЗБЕКОВ, ОТРАЖАЮЩИЕ БЫТ СКОТОВОДОВ
(конец XIX - начало XX в.)

В дореволюционном Узбекистане бытовали игры и развлечения, содержание которых отражало опыт скотоводов. Во время этнографических экспедиций 1976-1977 гг. нами записано более 30 видов игр и развлечений, многие из которых зафиксированы впервые. Весьма распространенными играми, имеющими непосредственное отношение к теме нашего сообщения, являются: "кутан корув" - охрана загона скота; "шувок уйин" - игра в степное растение - полынь; "упка уйин"

– игра с использованием легких животного; "бузок торти-шув", (буквально-перетягивание телят) – перетягивание друг друга при помощи каната; "от-от" – игра в лошадки; "ошик уйин" – игра в бабки и многие другие. Большинство этих игр были играми мальчиков-пастухов в возрасте от 8 до 17-18 лет в период пастьбы скота. Такие игры, как "бузок торти шув", "упка уйин" проводились в селениях осенью и зимой, как состязания-главным образом во время свадебных торжеств. В них принимали участие и взрослые, желающие показать свою силу и ловкость.

Массовыми развлечениями узбеков и других народов Средней Азии были состязания в скачках на лошадях – "отлик пойга". Бытовало несколько видов этой конно-спортивной игры. Интересной конно-спортивной игрой являлась "купкори" или "улак" – козлодрание; " огдаришма" – сваливание друг друга с коня и др. В южных областях Узбекистана было широко распространено "эшак копкори" – козлодрание на ослах; "эшак пойга" – скачки на ослах; "хотин купкори" – козлодрание, которое проводилось пешими мужчинами. Широко бытовали и такие виды развлечений, как "туя уру штириш" – бой верблюдов; "кучкор уруштириш" – бараний бой; "сарка уруштириш" – бой козлов и многие другие. Большой интерес представляют отбор и выращивание для состязаний породистых животных, тщательная подготовка их к состязаниям.

Почти все виды состязаний происходили во время весенних и осенних праздников. Большим осенним праздником был "чупон туй" (буквально – "угощение чабана"), который проводился после стрижки и случки овец. Его устраивали один или несколько молодых чабанов, пасших овец у скотовладельцев в течение 2-3 лет. По существу это был праздник посвящения молодого пастуха в чабаны. В нем участвовали чабаны не только данного селения и пастбищного участка, но и соседних, даже отдаленных селений и пастбищ.

Во время чабанского праздника проводились особые состязания, имеющие прямое отношение к жизни и быту ското-

водов: "баслашув" - на быстроту освежевания и разделки туши овцы или козы; на приготовление и выпечку специальных чабанских блюд и хлеба. Конно-спортивные игры - "копкори" или "оглок" (козлодрание) и "эшак купкори" (козлодрание на ослах) также были исключительно чабанскими состязаниями. Проводились также уже упомянутые бои верблюдов, баранов и козлов.

Все перечисленные виды игр и развлечений были распространены среди как полуоседлого, так и оседлого населения. Ряд игр и увеселений был известен и соседним народам: таджикам, туркменам, казахам, киргизам и каракалпакам. Например, "кутан-корув", известна была у таджиков под названием "гурк-бози" (игра в волка), а у киргизов под названием "карышкыр оюун" (волчья игра); игра "бузок-тортишув" у таджиков называлась "госолокашон", у киргизов - "ит тортув". Игра "улка уйин", имевшая сходство с татарскими и башкирскими играми - "бой мешками на бревне", также была известна киргизам. Такие виды массовых состязаний как козлодрание, разные виды конных скачек, а также бой баранов и верблюдов и др. были у всех народов Средней Азии и Казахстана.

Из вышесказанного можно заключить, что игры и увеселения узбеков, отражающие быт скотоводов, формировались в процессе длительных экономических и этнокультурных контактов и взаимосвязей всех народов Средней Азии и Казахстана.

Б. Шермухаммедов
(Душанбе)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Таджикские фольклористы завершили основную часть работы по составлению Свода таджикского фольклора, подготовлена к печати первая серия Свода из 20 томов. Два тома этой серии содержат 105 типов наиболее популярных внеобрядовых таджикских песен.

В процессе составления каталога и Свода народных песен выяснилось, что многие традиционные произведения песенного фольклора записаны в единичных вариантах, например некоторые старинные внеобрядовые песни. Поэтому с 1976 года отдел фольклора возобновил сбор фольклорного материала для будущих томов второй серии Свода таджикского народного творчества и для изучения современного состояния народной поэзии. В 1976 и 1977 гг. экспедиции работали в тех районах Таджикистана, где еще недостаточно исследовано состояние народного творчества. В 1977 г. были обследованы некоторые районы Самаркандской и Джизахской областей Узбекистана, где живут и таджики.

Традиционная таджикская народная поэзия лучше сохранилась в сельских местностях, где многие фольклорные произведения еще не утратили древних и традиционных черт. В городах народные песни помнят лишь немногие престарелые певцы и сказители. Характерно, что и в городах, и в селах и необрядовые песни помнят главным образом женщины. В детский репертуар особенно устойчиво вошли календарные песни. Встречаются произведения, утратившие первоначальное содержание и форму, изменилась и их специфика. Отдельные сказители помнят отрывки содержания или приблизительный мотив многих старинных песен, в массе уже забытых.

Материалы экспедиции являются дополнительной источниковедческой базой для Свода обрядовых и детских песен и способствуют изучению современного состояния песенного фольклора таджикского народа.

М.И.Шиланадзе
(Тбилиси)

ГРУЗИНСКИЙ НАРОДНЫЙ СМЫЧКОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ "ЧУНИРИ"

I. В этнографическом быту нескольких регионов Грузии до настоящего времени сохранился простейшей конструкции трехструнный инструмент "чунири" ("чианури"). Настройка

его секундотерцовая, ей предшествовала квартовая настройка двухструнного его предшественника.

2. В народном способе изготовления чунири можно уловить эмпирическое знание законов акустики, а также музыкальных свойств древесного материала.

3. В грузинском фольклоре сохранились предания об изобретении чунири, якобы созданного из тела (или черепа) убитого отцом юноши. Предания эти подкрепляются этнографическим материалом о функции чунири, в частности, материалом о применении его в обрядах, связанных с культом мертвых (обычай "вылавливания души" убитого и сванский праздник мертвых "липанал").

4. По письменным источникам бытование чунири в Грузии прослеживается с XУП века, по археологическим - с I века н.э., по этнографическим материалам-намного раньше, т.к. он включен в ритуал, связанный с культом мертвых.

5. Грузинский народный смычковый инструмент чунири имеет аналогии в музыкальном инструментарии народов Северного Кавказа. Этот факт дает основание предполагать, что инструменты типа чунири есть элемент общекавказской музыкальной культуры.

Н.С.Шумада
(Киев)

ОТРАЖЕНИЕ В ФОЛЬКЛОРЕ КУЛЬТУРЫ И БЫТА СОВРЕМЕННОГО СЕЛА

(по материалам экспедиций в Одесскую и Ивано-Франковскую области в 1976-77 гг.)

I. Народное поэтическое творчество отражает действительность в свете эстетических идеалов народа. Поэтому для исследователя прежде всего необходимо, во-первых, четкое осмысливание существенных примет времени, отражаемого в современном фольклоре, и во-вторых, точное уяснение содержания, вкладываемого сейчас в понятие "народ".

2. Полевой материал, собранный во время экспедиций, показал, что в настоящее время в условиях выравнивания культурного уровня различных социальных групп, фольклор претерпевает качественные изменения, касающиеся как формы и содержания вновь создаваемых произведений, так и особенностей бытования народного творчества в целом.

3. Собран большой материал, свидетельствующий об изменениях, происшедших в мировоззрении, общем культурном уровне, эстетических вкусах создателей и носителей нового творчества. На этом же материале удалось проследить, как уживаются новое и элементы традиций, унаследованных от прошлых поколений.

В творчестве наших современников не существует идеологических различий, но жанровые особенности, средства художественного выражения, стилистические приемы, общая тональность, излюбленная тематика и т.п. многообразны и зависят как от региона бытования, связанного с определенными традициями, так и от социального состава групп (так называемый студенческий, туристский, солдатский, заводской и т.п. фольклор).

4. Самым плодотворным методом изучения современного фольклора является индуктивный, от материала к выводам.

5. Современное народное творчество является важным фактором в плане социологического изучения народной культуры и быта. Немаловажную роль при этом играет исследование конкретных условий его функционирования, помогающих воссоздать целостную картину, а значит вынести правильное суждение о роли и месте современного фольклора в системе художественной культуры народа.

6. Фольклорист, внимательно изучающий обстановку бытования различных фольклорных произведений и интересующийся мировоззрением информаторов, обычно слышит высказывания о тех или иных явлениях общественного порядка в жизни нашей страны, идентичные с общенародными, общегосударственными, партийными взглядами и оценками. Эти

высказывания часто уже сформулированы в виде поэтических произведений – афоризмов, пословиц, частушек, присказок, что собственно говоря, и является отражением действительности в свете эстетических идеалов народа. Так, во время экспедиций в Одесскую и Ивано-Франковскую области в 1976–1977 гг. в селе Виноградовка Болградского района Одесской области, где живут гагаузы, болгары, молдаване, русские и украинцы,, была записана пословица: "А мы нации не ищем, раз советский – так и пишем". Этой пословицей ответила секретарь сельсовета М.Дараганова на вопрос, как определяют национальность ребенка, если родители разных национальностей. В этом же селе записаны коломыйки о новом быте.

7. Рассматривая поэтическое творчество наших современников в целом как часть духовной социалистической культуры можно сказать, что оно отражает важнейшие черты социально-экономической и культурно-политической жизни строителей коммунизма.

В.А.Юзенко
(Киев)

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

I. Сотрудниками отдела славянской фольклористики Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М.Ф.Рыльского АН Украинской ССР в экспедициях 1972–1977 гг. собран и частично обобщен фольклорный материал различных песенных жанров, накоплено немало наблюдений, относящихся к проблеме формирования жанровой системы современного народнопоэтического творчества.

2. Основной массив современного песенного фольклора славянского населения Украинской ССР (украинцев, русских, белорусов, поляков, чехов, словаков и болгар) прочно связан с традицией, с художественным поэтическим наследием прошлого. Жизнеспособность традиционных жанровых форм в

современных условиях обусловлена этносоциально-бытовой сферой народной жизни. Утрата или трансформация бытовых традиций влечет за собой соответствующую трансформацию фольклорных систем.

3. Современный фольклор - определенное состояние традиции: сужение бытования одних жанров (календарные и семейные обрядовые песни) и продуктивный период в бытовании других (коломыйка, частушки, шуточные песни). Все зависит от сущности жанра, его связей с действительностью, своеобразных принципов отношения с ней.

4. Исследование жанровых особенностей современного песнетворчества подтвердило не только их связь с традицией, но и показало существенные изменения в поэтической системе отдельных жанров. В каждом традиционном жанре накапливаются новые элементы и происходят утраты.

5. Диалектика традиций и новаций в современных песенных жанрах, бытующих среди славянского населения Украинской ССР, выражается по-разному и обуславливается характером связей жанра с действительностью, его функциональной спецификой и художественной структурой.

6. В динамике жанровых систем современного фольклора ярко выступают две тенденции: в результате межжанровых взаимосвязей (календарные и семейные обрядовые песни - семейно-бытовые, социально-бытовые песни - короткие песенные жанры; баллада - народный романс - песни литературного происхождения)обогащаются, развиваются одни жанры и утрачивают свою специфику, размываются, в конечном итоге угасают другие.

7. Социалистические преобразования, рост общественного и политического сознания трудящихся масс, неуклонное повышение их культурного уровня, приобщение к профессиональному искусству - существенно влияют на формирование и развитие жанровой системы современного народнопоэтического творчества.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

И.С.Гурвич, Р.Ф.Итс, Ж.Б.Логашова. Конституция развитого социализма и задачи советской этнографической науки 1

К.В.Мелик-Пашаян. Развитие армянской этнографии (к 150-летию присоединения Восточной Армении к России) 4

Ю.В.Арутюнян. Этносоциологическое исследование образа жизни 6

К.В.Чистов. Теоретико-информационный аспект изучения современной духовной культуры 8

Ю.В.Бромлей. Иерархия макрокультурных общностей и цивилизаций 9

Д.А.Ольдерогге. Этносоциальные проблемы современной Африки II

С.А.Арутюнов, Ю.И.Мкртумян. К проблеме типологической классификации хозяйственно-культурных компонентов (на материалах армянской системы питания) ..... I3.

Ю.В.Кнорозов. К вопросу о некоторых надписях древних майя I5

Д.С.Вардумян. К характеристике хозяйственно-культурных типов Кавказа I6

М.А.Итина. Основные проблемы археолого-этнографического изучения народов Средней Азии (к 40-летию Хорезмской экспедиции) I7

В.Н.Басилов, Д.Д.Тумаркин. Полевые работы советских этнографов в Океании в 1977 г. I9

СЕКЦИИ

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.Г.Абдушелишвили. Об антропологическом составе древнего и современного населения Армении 22

Г.А.Азизян, А.Дж.Джагарян. Предварительное сообщение о находке палеоантропологических материалов в пещере-обиталище Амо-I в окрестностях Еревана 24

Д.О.Ашилова. Дерматоглифика калмыков (к проблеме их происхождения) 25

В.Б.Виноградов. К этнической истории западной Ингушетии в IX–XIII вв. 26
У.Гашимова. Опыт классификации одонтологических типов населения Азербайджана 28
Я.Р.Дашкевич. Армяне Украины. Итоги и задачи этнографического изучения 29
Н.А.Дубова, Г.В.Рыкушина, Н.И.Халдеева. Некоторые параллели в древнем и современном населении Средней Азии и Кавказа (по данным одонтологии) 31
Л.Н.Жеребцов. Расселение коми в X–XУ вв. 32
И.М.Золотарева. Некоторые данные по антропологии тхай и вьетов Северного Вьетнама 33
Н.Р.Кочар. Территориальные различия дерматоглифических свойств армянской популяции 34
Р.Д.Лях. Миграция населения Донбасса 35
В.И.Наулко. Динамика численности армянского населения Украины 37
Г.А.Сепеев. Этнокультурные связи марийцев 38
Э.Э.Симонян. Об особенностях организации исследований по этнической антропологии армян – переселенцев из Западной Армении 40
Л.И.Тегако. Межэтнические связи белорусов по данным антропологических исследований 42
Х.Халилов. Предварительные результаты антропологического изучения древнеземледельческого населения юга Узбекистана (по материалам могильника Джаркутан) 43
Г.Л.Хить. Расогенетические связи населения Кавказа по данным дерматоглифики 45
Т.К.Ходжайов. Городское и оседлоземледельческое население Бактрии по антропологическим данным 48

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У НАРОДОВ СССР

М.В.Акопян. Распространение средств массовой информации (по материалам этносоциологического обследования г.Еревáна) 50

В.К.Бондарчик. Современные этнические процессы в городах Белорусской ССР 51
Г.П.Васильева. Этнокультурные процессы в Западном Туркменистане 53
Л.П.Веревкин. Стирание культурных различий в образе жизни рабочих разных национальностей (на материалах Чечено-Ингушской АССР) 54
Л.Г.Гафт, Е.Д.Игитханян. Некоторые особенности развития социальной структуры национальных отрядов колхозного крестьянства 56
М.Н.Губогло. Вопросы прогнозирования развития двуязычия у народов СССР 58
Л.М.Дробижева. Межнациональные отношения и этнокультурные процессы 59
В.А.Забелина, А.Д.Бегзи. Некоторые аспекты современных социально-этнических процессов в Тувинской АССР 61
Н.И.Здоровега. Общая тенденция развития советских праздников и обрядов на Украине 63
В.Я.Калитс. О роли традиций в рабочих коллективах 63
Р.С.Карапетян. Некоторые особенности формирования населения Еревана и влияние их на этнокультурные процессы (по материалам этносоциологического обследования г.Еревана) 65
Е.Н.Котова, Л.М.Лойко. Некоторые черты современного быта населения "контактных зон" Поволжья 66
В.Кронис. Традиционное и современное в интерьере жилищ сельского населения Латвийской ССР 67
С.М.Мирхасилов. Тенденции социально-культурных изменений и отражение их в жизни современной семьи в Узбекистане 68
Л.Ф.Моногарова. Отражение этнических процессов в семейно-брачных отношениях городского населения Таджикской ССР 70
Р.Г.Мухамедова. Социально-этническое развитие татарской нации 71

К.В.Сехбосян. Традиции и современность в городском быту (по материалам города Ленинакана) 72
А.А.Сусоколов. Некоторые факторы микросреды и самосознание этнической принадлежности 74
Л.А.Ткаченко. Современные этнокультурные процессы в Закарпатье 75
Л.А.Фадеев. Советская этническая психология на современном этапе 77
Б.Б.Хубиев. Влияние типов сельских поселений на культурный облик их жителей (по материалам этносоциологических обследований в КБ АССР) 78
Л.Н.Чижикова. Этнические традиции в современном быту сельского населения русско-украинского пограничья 79
В.Н.Шамшуров. Влияние особенностей сельских поселений на этнокультурные процессы в сельской местности 81

СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

В.А.Бдоян. Общественные функции гомасеняк у армян Джавахка 82
Н.В.Бикбулатов. Реконструкция древней модели башкирской системы родства 83
В.К.Борисенко. Общие черты в свадебной обрядности народов Приазовья 84
Л.М.Варданян. Традиционные и новые черты в современной семейной обрядности армян (по материалам этносоциологического обследования г.Еревана) ... 86
Ю.Г.Гошко. К вопросу о большой семье в Закарпатье 87
В.П.Дьяконова. Воздействие традиций на семейно-брачные отношения у теленгитов Горного Алтая 87
К.Калилов. Новые семейные обычаи и обряды у киргизов 88
Э.Т.Карапетян. Роль традиций в формировании современной городской семьи (по материалам этносоциологического обследования г.Еревана) 91

Э.Кару. Сельские музыкальные общества и роль их в общественной жизни эстонских крестьян на рубеже XIX – XX вв. 91
Р.Х.Керейтов. Традиционные и новые элементы в современной свадебной обрядности степных ногайцев 93
К.Кубаков. Специфика свадебного обряда узбеков-кырк 94
Г.Х.Мамбетов. Калым у кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в. 97
Г.Е.Марков. К проблеме общественного строя кочевников (по полевым материалам, собранным на Алтае) 99
М.А.Меретуков. Семья в дореволюционном адыгском обществе 100
Р.В.Меркене. Животноводческие обычаи в Литве и Белоруссии (конец XIX – начало XX века) 101
А.Оразов. Новые черты в традиционной туркменской свадебной обрядности и обычаях (по материалам Красноводской области Туркменской ССР) 103
М.Г.Рабинович. Семейные традиции русских горожан 105
Я.С.Смирнова. О типологии обычаев умыкания (по материалам Северного и Западного Кавказа) 107
А.Е.Тер-Саркисянц. Тенденции развития современной армянской сельской семьи 108
Л.А.Чвырь. Семантика детских обрядов у таджиков 110
Н.Шатинова. Семейные обряды алтайцев и современность 111

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР

М.А.Агларов. География злаков в Дагестане (о роли народной селекции и этнокультурного традиционализма) 113
А.С.Давыдов. К типологии среднеазиатских ручных веретен 114
Г.В.Джалабадзе, М.И.Чартолани. Этнографические экспедиции Государственного музея Грузии 1976-1977гг. 116
Т.А.Жданко. К проблеме хозяйственно-культурных типов Средней Азии 117

А.Н.Жижина. К вопросу о хозяйственных и культурных связях узбеков и казахов Южного Казахстана в конце XIX в. (на примере Сузака) II9
Х.З.Зияев. Материальная и духовная жизнь узбеков в Сибири (связи с русским и татарским населением) I20
И.Х.Калмыков. Из истории скотоводства ногайцев ... I22
Б.Х.Кармышева. Среднеазиатско-кавказские параллели в традиционных способах приготовления молочных продуктов (на примере приготовления масла) I24
В.А.Козьмин. Оленеводческое хозяйство северной группы хантов и манси I26
Л.З.Кунижева. Некоторые вопросы из истории земледелия абазин (XIX - начало XX в.) I27
А.Лутс. Соотношение хозяйственных занятий у прибрежного населения Северной Эстонии в 1920-30-егоды I29
Мамое Халит (Дарвешян). Особенности годового скотоводческого цикла курдов Закавказья (вторая половина XIX - начало XX в.) I30
Э.Л.Мелконян. О соотношении понятий "социально-экономическая формация" и "хозяйственно-культурный тип" I3I
В.И.Моркунас. Орудия озерного промыслового рыболовства в Литве в конце XIX - начале XX в. I33
М.О.Османов. Хозяйственно-культурные типы Дагестана и процессы этнического общения и консолидации I34
Л.Н.Петросян. Народные средства переправы через реки в Армении I37
А.Н.Пиркулиева. Женские головные уборы туркменок Ахальского оазиса в конце XIX - начале XX в. I38
Г.Г.Саркисян. Принципы картографирования армянских поселений Трапезундского вилайета I4I
Г.А.Сергеева. Природно-географическая среда и этнокультурные контакты в южном Дагестане I42
Л.А.Чибиров. К вопросу о генезисе земледельческой культуры осетин I44

Н.В.Шлыгина. О принципах классификации построек в историко-этнографическом атласе народов Прибалтики 146
М.Н.Шмелева. Вопросы типологии и классификации при сравнительном изучении пищи народов СССР 147

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В ПРОШЛОМ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Е.К.Адхинджал. Следы религиозного синкретизма у абхазов..... 150
Л.Х.Акаба. Понятия о счастье и удаче в верованиях абхазов 151
Н.А.Алексеев. Религиозные верования тюркоязычных народов Сибири и некоторые вопросы их этногенеза 152
С.Б.Арутюнян. Основные черты древнеармянской мифологии 154
Н.А.Бригадзе. К изучению новогодних ритуалов грузин ("меквлэ") 155
Ш.Д.Инал-Ипа. Из скотоводческого культа абхазов (алышкинтыр) 156
А.Р.Исраелян. Бусы-обереги от "сглаза" у армян ... 158
В.П.Кобычев. К периодизации святилищ Ингушетии ... 159
Т.В.Лукьянченко. О погребальном обряде кольских саамов (к проблеме этногенеза) 161
С.Х.Мафедзев. О некоторых космологических представлениях адыгов и их связи с народным календарем 162
Т.М.Михайлов. Опыт сравнительно-исторического изучения шаманизма бурят и тюркоязычных народов Сибири 164
И.Мухиддинов. Религиозные верования, связанные с жилищем, у памирских таджиков 166
И.Б.Немцева. Доисламские черты погребального обряда в склепах Шахи-Зинда 168
Г.А.Носова. Этнографический аспект изучения обряда крещения 170
А.А.Погосян. Пережитки обрядов вызывания дождя у амшенских армян 172

Г.В.Смыр. О пережитках православия у абхазов I73
И.К.Сургуладзе. Культ христианских святых в ритуалах „изменения" погоды I74
К.Тайжанов, Х.Исмаилов. Хилват – суфийский обряд у узбеков Южного Казахстана (конец XIX – начало XX в.) I75
М.А.Хамиджанова. Пережитки архаических похоронных обрядов у таджиков долины Зеравшана I78
К.С.Ханагян. Некоторые особенности пережиточных форм религиозных праздников в современном городском быту армян (по материалам этносоциологического обследования г.Еревана) I79
З.Р.Хубецова. Фразеологизмы, отображающие религиозные верования осетин I80

ФОЛЬКЛОР. НАРОДНАЯ МУЗЫКА И ТАНЦЫ. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

И.Ц.Авакян. Об армянских коврах-драконах (вишапагоргах) I82
С.Х.Агаева. Азербайджанские духовые музыкальные инструменты в трактатах Абдулгадира Мараги (XIУ–XУ вв.) I83
Н.А.Акопян, А.С.Саакян. Результаты фольклорных экспедиций Ереванского государственного университета за последние IO лет I84
Т.Б.Бадмаева. Танцы дербетских калмыков I85
С.А.Вартанян. Географическая и хроносоциологическая документация фольклорного наследия Тиграна Навасардяна I87
А.С.Газиян. Ыл-Луги – хитрец из Карабаха I88
Т.А.Геворкян. Юморески этнографического района Лори I89
Р.А.Григорян. Некоторые особенности фольклора населения приозерных районов Севана I90
С.А.Гюллакян. Методика составления "Указателя мотивов армянских волшебных сказок" и перспективы их интерпретации I9I
А.И.Дей. Исследование регионального песенного репертуара Украины разных хронологических уровней (экспедиции по следам З.Доленги-Ходаковского) I92

М.А.Дэвлет. Наскальные рисунки в народном искусстве тувинцев XУШ–XX вв. I94
В.И.Жекулина. Исторические изменения в свадебном обряде и свадебной поэзии (по материалам экспедиций I974–I977 гг. в Новгородскую область) I95
М.Я.Жорницкая. Применение метода записи движений (кинетографии) для изучения традиционных танцев коренного населения северо–востока Сибири I97
А.И.Исазаде. Итоги первого этапа работы над "Атласом азербайджанского музыкального фольклора" I99
К.П.Кабашников. Современное состояние календарной обрядовой поэзии в Белоруссии (по материалам экспедиций I975–I977 годов) 200
Б.Я.Котляров. Тарафы: народные молдавские оркестры 20I
В.П.Круглашова. Рабочий фольклор в наши дни (состав, методика собирания) 202
Л.И.Лавров. Ранние памятники северокавказского фольклора 203
И.Г.Левин. Армянская система документации материалов по этнографии и фольклору 204
Э.Э.Лийв. Характерные черты детского фольклора в Эстонии 207
В.А.Маланчук. Социально–этнографические аспекты прозы Ивана Франко 208
С.М.Махкамова. Древние мотивы в абровых тканях Средней Азии середины XIX – XX вв. 208
Л.И.Нагаева. Некоторые особенности башкирского народного танца 2I0
А.М.Назинян. К вопросу о соотношении армянских средневековых литературных и устных басен 2I2
А.В.Оськин. К анализу символики зигзагообразных фигур в петроглифах внутренних Кызылкумов 2I3
А.Ю.Петерсон. Этнографический фильм как исторический источник 2I4
Э.Х.Петросян. Армянские сюжетные танцы 2I5
Э.В.Померанцева. Этнические функции устной прозы народов Поволжья 2I6

Б.Н.Путилов. Функционально-бытовые связи песенных жанров сванского фольклора 217
Э.А.Рикман. О двух молдавских народных спектаклях 219
Н.И.Савушкина. Взаимодействие русской и коми фольклорных традиций в жанрах несказочной устной прозы 221
Р.Л.Садоков. Археологические материалы в изучении музыкальной культуры народов СССР 222
Г.В.Саркисян. Армянские семейные памятные медали и их символика 224
В.Г.Свазлян. О диахронии и синхронии в мусалерском фольклоре 225
В.Ш.Татикян. К вопросу о сравнительно-типологической классификации ковров Восточной Армении 226
И.В.Тынурист. Традиционный музыкальный фольклор и современная культура советской Эстонии 228
А.С.Федосик. Белорусские лирические необрядовые песни в современных записях 229
Ж.К.Хачатрян. Принципы классификации армянских народных плясок 231
Э.Г.Хемчян. Образ шаха Аббаса в армянском эпическом фольклоре 232
К.Ш.Шаниязов. Традиционные игры и развлечения узбеков, отражающие быт скотоводов (конец XIX-начало XX в.) 233
Б.Шермухаммедов. Современное состояние таджикской народной песни 235
М.И.Шилакадзе. Грузинский народный смычковый инструмент "чунири" 236
Н.С.Шумада. Отражение в фольклоре культуры и быта современного села (по материалам экспедиции в Одесскую и Ивано-Франковскую области в 1976-1977 гг.) 237
В.А.Юзвенко. Жанровая специфика современного фольклора (по материалам Украинской ССР) 239

ВФ 03762 Изд. 4777 Заказ 248 Тираж 350

Сдано в набор 28.3.1978 г. Подписано к печати 28.3.1978 г.
Печ. 15,75 л. Усл. печ. л. 14,65. изд. 13,0 л.
Бумага № 1, 60×84¹/₁₆. Цена 1 р.

Издательство Академии наук АрмССР. 375019, Е
Типография Издательства АН Арм. ССР

ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.
FL0426120

Р II
411492

1 р. 95 коп.